

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-9527

**ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА
В ОБРАЗОВАНИИ**

PSYCHOLOGY IN EDUCATION

T. 7 № 2 2025

Vol. 7 No. 2 2025

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-9527 (online)

psychinedu.ru

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2>

2025. Том 7, № 2

2025. Vol. 7, no. 2

ПСИХОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ОБРАЗОВАНИИ

PSYCHOLOGY IN EDUCATION

PSIKHOLOGIYA CHELOVEKA V OBRAZOVANII

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 —
74247, выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 4 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 —
74247, issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

4 issues per year

16+

Редакционная коллегия

Главный редактор

Л. А. Цветкова (Российская академия образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

С. А. Безгодова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

А. В. Микляева (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

А. Б. Веревкина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Е. Н. Волкова (Психологический институт Российской академии образования, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия)

А. Н. Веракса (Российская академия образования, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

П. Дзюкколотти (Римский университет Ла Сапиенца, Рим, Италия)

С. Н. Ениколопов (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Научный центр психического здоровья РАМН, Москва, Россия)

Ю. П. Зинченко (Российская академия образования, Российское психологическое общество, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия)

К. В. Карпинский (Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь)

И. В. Королева (Санкт-Петербургский научно-исследовательский институт уха, горла, носа и речи Министерства здравоохранения Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Board

Editor-in-chief

Larisa A. Tsvetkova (Russian Academy of Education, Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Svetlana A. Bezgodova (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Executive Editor

Anastasia V. Miklyaeva (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Anna B. Verevkinina (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Elena N. Volkova (Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia)

Alexander N. Veraksa (Russian Academy of Education, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Pierluigi Zoccolotti (Sapienza University of Rome, Rome, Italy)

Sergey N. Enikolopov (Lomonosov Moscow State University, Research Centre of the Russian Academy of Medical Sciences, Moscow, Russia)

Yuri P. Zinchenko (Russian Academy of Education, Russian Psychological Society, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Konstantin V. Karpinsky (Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus)

Inna V. Koroleva (Saint-Petersburg Research Institute of Ear, Throat, Nose and Speech (the Ministry of Health), Saint Petersburg, Russia)

Natalya N. Koroleva (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Sergey B. Malykh (Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia)

Chiara V. Marinelli (University of Foggia, Foggia, Italy)

Timofey A. Nestik (Russian Academy of Sciences, International Association for Analytical Psychology, International Association of Facilitators, Moscow, Russia)

Н. Н. Королева (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

С. Б. Малых (Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия)

К. В. Маринелли (Университет Фоджи, Фоджа, Италия)

Т. А. Нестик (Институт психологии РАН, Международная ассоциация прикладной психологии (IAAP), Международная ассоциация фасилитаторов (IAF), Москва, Россия)

Т. Н. Носкова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Реан (Российская академия образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия)

Шихуэй Хан (Институт исследований мозга IDG/Макговерн в Пекинском университете, Пекин, Китай)

В. П. Шейнов (Международная академия информационных технологий, Республиканский институт высшей школы, Минск, Республика Беларусь)

В. А. Янчук (Академия последипломного образования, Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Учредитель РГПУ им. А. И. Герцена
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Объем 14,6 Мб

Подписано к использованию 14.07.2025

При использовании любых фрагментов ссылка на журнал «Психология человека в образовании» и на авторов материала обязательна.

Журнал «Психология человека в образовании» публикует результаты новых фундаментальных и прикладных научных исследований в области психологии, в фокусе внимания которых находится человек как субъект образования, независимо от возраста, ступени и формата образования. В современном мире образование — это неотъемлемый процесс в жизни любого человека, независимо от возраста и рода занятий. *Life-long* образование («образование длиной в жизнь») как один из основных трендов социального развития предполагает высокую степень субъектности человека, готовность к непрерывному приобретению новых знаний и навыков в избранных сферах жизни и, как следствие, формирование личностной образовательной системы, выходящей за пределы институционализированного образования.

Редактор *М. С. Огуренкова*

Корректор *Н. А. Синеникольская*

Редакторы английского текста *М. В. Городиский, И. А. Наговицына*

Оформление обложки *О. В. Рудневой*

Верстка *Д. В. Романовой*

Индексация / Indexation:

- [Российский индекс научного цитирования \(РИНЦ\) / Russian Index of Science Citation](#)
- [DOAJ](#)
- [Ulrich's Periodicals Directory](#)
- «КиберЛенинка» / Online scientific library “CyberLeninka”
- [НТЦ «Информрегистр»](#)
- [ERIH PLUS](#)

Tatyana N. Noskova (Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia)

Artur A. Rean (Russian Academy of Education, National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russia)

Shihui Han (IDG Brain Research Institute/McGovern at Peking University, Beijing, China)

Viktor P. Sheynov (International Academy of Information Technologies, National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus)

Vladimir A. Yanchuk (Academy of Postgraduate Education, Belarusian State University, Minsk, Belarus)

Founded by Herzen State Pedagogical University of Russia
Publishing house of Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Published at 14.07.2025

The contents of this journal may not be used in any way without a reference to the journal “Psychology in Education” and the author(s) of the material in question.

The journal *Psychology in Education* (alternative title *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii*) publishes the results of original fundamental and applied research in psychology that focuses on an individual in an educational environment, regardless of their age, programme level or format of education. Lately, education has become an integral part of everyone's life, including people of all ages and professions. Indeed, life-long learning is now one of the key trends in social development. It involves a high degree of individual agency and readiness to constantly acquire new knowledge and skills in one's areas of interest, which requires an individual educational system beyond the educational institutions.

Санкт-Петербург, 2025

© Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья редакции	138
<i>Цветкова Л. А.</i> Психологическое здоровье субъектов образования: перспективные направления исследований	138
Личность в процессах обучения и воспитания	142
<i>Дьячук А. А.</i> Качество мотивации и психологическое благополучие младших подростков с разным уровнем достижений в музыкально-исполнительской деятельности	142
<i>Теплова Д. А., Яркин П. А.</i> Психологическое благополучие и идентичность с природой: кросскультурное исследование молодежи России и Франции	155
Цифровая эволюция современного образования: психологическая теория и практика	165
<i>Проект Ю. Л., Спаская Е. Б., Иванушкина Н. О., Сидненко Е. В.</i> Запретить нельзя использовать: разработка, предварительная валидизация и апробация опросника родительской позиции в медиации цифрового поведения школьников	165
<i>Цветкова Л. А., Микляева А. В., Самойлов О. М.</i> Когнитивные корреляты оценок новостной информации, представленной в сети Интернет, у подростков с разным содержанием патриотических установок	184
<i>Шейнов В. П., Карпиевич В. А.</i> Личностные корреляты цифровых зависимостей студентов	197
Клинические, образовательные и социальные аспекты психологии здоровья	214
<i>Горьковская И. А.</i> Взаимосвязь воспитательной практики матерей, эмоционального состояния и суицидального риска у подростков с девиантным поведением	214
<i>Гуськова О. А., Приленский Б. Ю., Ярославская Е. И., Стоянова И. Я., Петелина Т. И.</i> Качество жизни замужних и незамужних женщин после пневмонии COVID-19.	227
<i>Кузьмина А. С., Стоянова И. Я., Прайзендорф Е. С., Кулагина Д. А.</i> Негативный детский опыт как предиктор аффективных нарушений у женщин на позднем сроке беременности	244
<i>Щетинина Е. В., Щелкова О. Ю., Чернов Н. В., Костюк Г. П.</i> Суицидальная активность и мотивация пациентов, перенесших первый психотический эпизод	256
Психологические технологии в образовании	275
<i>Чаброва Т. Л., Ядгарова А. Б.</i> К вопросу о перспективах использования арт-технологий в дошкольном образовании Республики Узбекистан	275

CONTENTS

Introductory article by the Editorial	138
<i>Tsvetkova L. A.</i> Psychological health of stakeholders in education: Promising research directions.	138
An individual's personality in teaching, learning and education.	142
<i>Dyachuk A. A.</i> Motivation quality and psychological well-being in young adolescent students of music: The role of performance achievement levels	142
<i>Teplova D. A., Yarkin P. A.</i> Psychological well-being and environmental identity: A cross-cultural study of young adults in Russia and France	155
Digital evolution of modern education: Psychological theory and practice	165
<i>Proekt Yu. L., Spasskaya E. B., Ivannushkina N. O., Sidnenko E. V.</i> Building vs. Banning: Development, preliminary validation and evaluation of a parental mediation questionnaire for schoolchildren's digital behavior	165
<i>Tsvetkova L. A., Miklyaeva A. V., Samoilov O. M.</i> Cognitive correlates of online news evaluation in adolescents with varied patriotic attitude profiles	184
<i>Sheinov V. P., Karpievich V. A.</i> Personality correlates of digital dependency in students	197
Clinical, educational, and social aspects of health psychology.	214
<i>Gorkovaya I. A.</i> The relationship of maternal parenting practices with emotional state and suicide risk in adolescents with deviant behavior	214
<i>Guskova O. A., Prilenskij B. Yu., Yaroslavskaya E. I., Stoyanova I. Ya., Petelina T. I.</i> Quality of life following COVID-19 pneumonia in married and unmarried women	227
<i>Kuzmina A. S., Stoyanova I. Ya., Praizendorf E. S., Kulagina D. A.</i> Negative childhood experience as a predictor of affective disorders in women in late pregnancy	244
<i>Shchetinina E. V., Shchelkova O. Yu., Chernov N. V., Kostyuk G. P.</i> Suicidal activity and suicidal motivation among patients after their first psychotic episode	256
Psychological tools in education.	275
<i>Chabrova T. L., Yadgarova A. B.</i> The prospects for using art technologies in preschool education in Uzbekistan.	275

Check for updates

Вступительная статья редакции

EDN NOAYMP

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-138-141>

Психологическое здоровье субъектов образования: перспективные направления исследований

А. А. Цветкова ^{✉1, 2, 3}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербургский филиал, 190008, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16

³ Российская академия образования, 119121, Россия, г. Москва, ул. Погодинская, д. 8

Для цитирования: Цветкова, А. А. (2025) Психологическое здоровье субъектов образования: перспективные направления исследований. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 2, с. 138–141. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-138-141> EDN NOAYMP

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. А. Цветкова (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Современные исследования психологических проблем образования мультипредметны, что определяется отсутствием единых взглядов на психологические основания. Эти психологические основания целесообразно использовать при характеристике образовательного процесса и его результирующих эффектов. Одним из наиболее востребованных предметных фокусов психологических исследований в сфере образования на протяжении последних десятилетий остается психологическое здоровье субъектов образовательного процесса. Именно этот феномен был центральным на первых этапах концептуализации и институционализации практической психологии образования, пришедшихся в России на 90-е гг. XX века (Дубровина 1991; 2024). Его изучение сохраняет актуальность и сегодня, несмотря на последовательное усиление внимания к средовому подходу, получающему широкое распространение в последние годы.

Несмотря на то что к настоящему времени единой трактовки «психологического здоровья» не сложилось, обобщая представленные в литературе точки зрения, можно отметить, что с помощью этого термина сегодня обозначают состояние внутреннего благополучия личности, обеспечивающее возможность человека эффективно адаптироваться в динамично изменяющейся социальной среде, сохраняя мотивацию к росту и развитию (Хухлаева 2008). В определенном смысле содержание термина «психологическое здоровье» сближается с концептом «психологического благополучия», предложенным К. Рифф (Ryff 1989; Ryff, Singer 2006) и широко используемым сегодня как зарубежными, так и российскими исследователями, однако говорить об их полной тождественности не вполне справедливо. Как указывает И. В. Дубровина, «психологическое благополучие можно рассматривать и как результат и как показатель психологического здоровья личности только в том случае, если переживание положительных чувств, чувства удовольствия, удовлетворения, радости, гордости соотносятся с общечеловеческими ценностями, с благоприятным отношением к событиям и обстоятельствам, происходящим в жизни других людей» (Дубровина 2022, 42–43). Аналогичной точки зрения придерживается и В. И. Слободчиков, включающий в структуру психологического здоровья наряду с инструментальным и потребностно-мотивационным аксиологический компонент, представленный «ценностями собственного “Я” человека и ценностями “Я” других людей» (Слободчиков, Шувалов 2001). Аналогичным образом психологическое здоровье не может отождествляться с психическим здоровьем, поскольку, в отличие от последнего, оно характеризует адаптивность (в широком смысле) личности, а не психики (Баякина 2009).

Это определяет статус психологического здоровья как самостоятельного феномена. Он может рассматриваться в качестве важнейшего компонента здоровья, трактовка которого в холистическом ключе акцентирует внимание на субъектности человека, его ответственности за собственное био-психо-социальное благополучие (Цветкова, Антонова 2014) и обеспечивает возможность привнесения в психологические исследования образовательной проблематики методологических принципов психологии здоровья. Перспективность таких исследований уже обсуждалась нами ранее (Цветкова 2024).

Отметим, что термин «психологическое здоровье» сегодня не имеет однозначного англоязычного аналога, что определяет локализацию исследований психологического здоровья субъектов образования преимущественно в работах российских психологов. Анализ публикаций последних лет, представленных в электронной библиотеке eLIBRARY, позволяет выделить наиболее значимые тематические векторы таких исследований, которые затрагивают, в первую очередь, проблематику психологического здоровья субъектов образования (формального, неформального и информального) в условиях цифровизации образовательного пространства и усиления гетерогенности образовательной среды (например: Кох, Ледовская 2024; Кувичкин и др. 2022; Фетисов, Горбунова 2023 и др.). Именно этой проблематике посвящено несколько статей нового номера журнала «Психология человека в образовании». В статьях представлены результаты эмпирических исследований, затрагивающих различные аспекты психологического здоровья и полученных на разнообразных выборках, включая клинические. Надеемся, что проблематика психологического здоровья субъектов образования получит развитие на страницах следующих номеров нашего журнала, и приглашаем к публикации исследователей, заинтересованных в изучении психологического здоровья обучающихся, их родителей и педагогов как важнейшего компонента здоровья людей.

Psychological health of stakeholders in education: Promising research directions

L. A. Tsvetkova ^{✉1, 2, 3}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

² Higher School of Economics in Saint Petersburg, 16 Soyuz Pechatnikov Str., Saint Petersburg 190008, Russia

³ Russian Academy of Education, 8 Pogodinskaya Str., Moscow 119121, Russia

For citation: Tsvetkova, L. A. (2025) Psychological health of stakeholders in education: Promising research directions. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 2, pp. 138–141. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-138-141>
EDN NOAYMP

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © L. A. Tsvetkova (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Contemporary research on psychological issues in education is inherently multidisciplinary, reflecting the absence of consensus on the foundational psychological principles that define the educational process and its outcomes. Over recent decades, a prominent focus has been the psychological health of stakeholders in education — a central concern during the early conceptualization and institutionalization of educational psychology in the 1990s Russia (Dubrovina 1991; 2024). Despite growing interest in environmental approaches, the study of psychological health remains critically relevant.

Although no unified definition of psychological health exists, scholarly literature generally characterizes it as an individual's internal well-being, enabling effective adaptation to dynamic social environments while sustaining motivation for personal growth (Khukhlaeva 2008). While conceptually adjacent to Ryff's psychological well-being (Ryff 1989; Ryff, Singer 2006), the terms are not synonymous. According to Dubrovina, psychological well-being reflects psychological health only when positive emotions (e. g., satisfaction, pride) align with universal values and prosocial attitudes (Dubrovina 2022, 42–43). Similarly, Slobodchikov and Shuvalov (Slobodchikov, Shuvalov 2001) emphasize an axiological dimension, integrating values of both self and others. Crucially, psychological health differs from mental health, as it assesses holistic personal adaptability rather than psychopathological absence (Bayakina 2009).

This distinction establishes psychological health as an independent construct, integral to holistic health frameworks that emphasize human agency in maintaining biopsychosocial well-being (Tsvetkova, Antonova 2014). It also facilitates the application of health psychology methodologies, as previously outlined (Tsvetkova 2024).

Notably, the term psychological health lacks a direct English equivalent, confining its research primarily to Russian scholarship. A review of eLIBRARY publications reveals key thematic trends, including the impact of digitalization and educational heterogeneity on participants' psychological health (e. g., Fetisov, Gorbunova 2023; Koch, Ledovskaya 2024; Kuvichkin et al. 2022, etc.). The journal *Psychology in Education* further addresses this through empirical studies across diverse (including clinical) samples. We encourage continued exploration of psychological health in stakeholders of education — particularly among students, parents, and teachers — and invite submissions to advance this vital discourse.

Литература

- Баякина, О. А. (2009) Соотношение понятий психического и психологического здоровья личности. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, т. 11, № 4–5, с. 1195–1200. EDN: [LMAZZL](https://doi.org/10.26907/2542-0422.2009.4-5.1195-1200)
- Дубровина, И. В. (1991) *Школьная психологическая служба: Вопросы теории и практики*. М.: Педагогика, 232 с.
- Дубровина, И. В. (2022) Психологическое здоровье личности как феномен. *Гуманизация образования*, № 4, с. 35–43. <https://www.doi.org/10.24412/1029-3388-2022-4-35-43>
- Дубровина, И. В. (2024) Психологическая служба системы образования как феномен. *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование*, т. 22, № 4, с. 9–28.
- Кох, М. Н., Ледовская, В. С. (2024) Влияние социальных сетей на психическое здоровье человека. *Тенденции развития науки и образования*, № 111, с. 78–82.
- Кувичкин, Н. М., Криницин, Н. Н., Кулигина, Н. Н. (2022) Психологическое здоровье студентов в условиях высшего образования. *Гуманитарный Вестник Донского государственного аграрного университета*, № 4, с. 208–212.
- Слободчиков, В. И., Шувалов, В. И. (2001) Антропологический подход к решению проблемы психологического здоровья детей. *Вопросы психологии*, № 4, с. 91–105.
- Фетисов, А. С., Горбунова, Н. В. (2023) Психологическое здоровье педагога как фактор профессионального долголетия. *Перспективы науки и образования*, № 2 (62), с. 500–516. <https://www.doi.org/10.32744/pse.2023.2.29>
- Хухлаева, О. В. (2008) *Школьная психологическая служба. Работа с родителями*. М.: Генезис, 160 с.
- Цветкова, Л. А. (2024) Психология здоровья в решении проблем современного образования. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 2, с. 117–120. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-117-120>
- Цветкова, Л. А., Антонова, Н. А. (2014) Междисциплинарный подход к изучению здоровья. В кн.: О. И. Даниленко (ред.). *Концепт душевного здоровья в человекознании*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 72–83.
- Ryff, C. D. (1989) Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 57, no. 6, pp. 1069–1081. <https://www.doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069>
- Ryff, C. D., Singer, B. H. (2006) Best news yet on the six-factor model of well-being. *Social Science Research*, vol. 35, no. 4, pp. 1103–1119. <https://www.doi.org/10.1016/j.ssresearch.2006.01.002>

References

- Bayakina, O. A. (2009) Sootnoshenie ponyatij psikhicheskogo i psikhologicheskogo zdorov'ya lichnosti [The relationship between the concepts of mental and psychological health of the individual]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk — Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 11, no. 4–5, pp. 1195–1200. (In Russian)
- Dubrovina, I. V. (1991) *Shkol'naya psikhologicheskaya sluzhba: Voprosy teorii i praktiki [School Psychological Service: Theory and practice issues]*. Moscow: Pedagogika Publ., 232 p. (In Russian)
- Dubrovina, I. V. (2022) Psikhologicheskoe zdorov'e lichnosti kak fenomen [Individual psychological health as a phenomenon]. *Gumanizatsiya obrazovaniya — Humanization of Education*, no. 4, pp. 35–43, <https://www.doi.org/10.24412/1029-3388-2022-4-35-43> (In Russian)
- Dubrovina, I. V. (2024) Psikhologicheskaya sluzhba sistemy obrazovaniya kak fenomen [Psychological service in the education system as a phenomenon]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie — Lomonosov Pedagogical Education Journal*, vol. 22, no. 4, pp. 9–28. (In Russian)
- Fetisov, A. S., Gorbunova, N. V. (2023) Psikhologicheskoe zdorov'e pedagoga kak faktor professional'nogo dolgoletiya [Psychological health of a teacher as a factor of professional longevity]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya — Perspectives of Science and Education*, no. 2 (62), pp. 500–516. <https://www.doi.org/10.32744/pse.2023.2.29> (In Russian)

- Khukhlaeva, O. V. (2008) *Shkol'naya psikhologicheskaya sluzhba. Rabota s roditelyami [School psychological service. Working with parents]*. Moscow: Genezis Publ., 160 p. (In Russian)
- Kokh, M. N., Ledovskaya, V. S. (2024) Vliyaniye sotsial'nykh setej na psikhicheskoe zdorov'e cheloveka [The impact of social media on human psychological health]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 111, pp. 78–82. (In Russian)
- Kuvichkin, N. M., Krinitsin, N. N., Kuligina, N. N. (2022) Psikhologicheskoe zdorov'e studentov v usloviyakh vysshego obrazovaniya [Psychological health of students in conditions of higher education]. *Gumanitarnyy Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta — Vestnik Don State Agrarian University*, no. 4, pp. 208–212. (In Russian)
- Slobodchikov, V. I., Shuvalov, V. I. (2001) Antropologicheskij podkhod k resheniyu problemy psikhologicheskogo zdorov'ya detej [An anthropological approach to solving the problem of children's psychological health]. *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 91–105. (In Russian)
- Ryff, C. D. (1989) Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 57, no. 6, pp. 1069–1081. <https://www.doi.org/10.1037/0022-3514.57.6.1069> (In English)
- Ryff, C. D., Singer, B. H. (2006) Best news yet on the six-factor model of well-being. *Social Science Research*, vol. 35, no. 4, pp. 1103–1119. <https://www.doi.org/10.1016/j.ssresearch.2006.01.002> (In English)
- Tsvetkova, L. A. (2024) Psikhologiya zdorov'ya v reshenii problem sovremennogo obrazovaniya [Health psychology and the issues of modern education]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 6, no. 2, pp. 117–120. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-117-120> (In Russian)
- Tsvetkova, L. A., Antonova, N. A. (2014) Mezhdistsiplinarnyj podkhod k izucheniyu zdorov'ya [Interdisciplinary approach to the study of health]. In: O. I. Danilenko (ed.). *Kontsept dushev'nogo zdorov'ya v chelovekoznanii [The concept of mental health in human consciousness]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 72–83. (In Russian)

Сведения об авторе

Лариса Александровна Цветкова, главный редактор, академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, и. о. вице-президента Российской академии образования, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, заместитель директора по научной деятельности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
SPIN-код: 2815-8700, Scopus AuthorID: [7006374015](https://orcid.org/7006374015), ResearcherID: [J-4513-2013](https://orcid.org/J-4513-2013), ORCID: [0000-0002-4080-7103](https://orcid.org/0000-0002-4080-7103), e-mail: larac@mail.ru

Author

Larisa A. Tsvetkova, Editor-in-Chief, Full Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Acting Vice-President of the Russian Academy of Education, Leading Researcher, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Deputy Director for Research, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg
SPIN: 2815-8700, Scopus AuthorID: [7006374015](https://orcid.org/7006374015), ResearcherID: [J-4513-2013](https://orcid.org/J-4513-2013), ORCID: [0000-0002-4080-7103](https://orcid.org/0000-0002-4080-7103), e-mail: larac@mail.ru

УДК 372.878: 316.628

EDN MRXKTP

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-142-154>

Научная статья

Качество мотивации и психологическое благополучие младших подростков с разным уровнем достижений в музыкально-исполнительской деятельности

А. А. Дьячук

¹ Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 660049, Россия, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, д. 89

Для цитирования: Дьячук, А. А. (2025) Качество мотивации и психологическое благополучие младших подростков с разным уровнем достижений в музыкально-исполнительской деятельности. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 2, с. 142–154. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-142-154> EDN MRXKTP

Получена 14 августа 2024; прошла рецензирование 7 октября 2024; принята 12 ноября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. А. Дьячук (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. Психологическое благополучие является ресурсом для достижения результатов в деятельности, что определяет актуальность изучения факторов психологического благополучия обучающихся не только в системе общего, но и дополнительного образования. В качестве одного из условий вовлеченности в деятельность, переживания удовольствия и значимости деятельности для обучающегося выступает мотивация, качественно различная по своей природе. Вклад мотивации в психологическое благополучие может быть опосредован результативностью деятельности, достижениями в ней. Целью исследования стало изучение психологического благополучия обучающихся музыкальной школы с разными достижениями в исполнительской деятельности в соотношении с качеством мотивации. **Материалы и методы.** Выборку составили 45 обучающихся музыкальной школы младшего подросткового возраста. На основе анализа документации и экспертных оценок были выделены группы с разными достижениями в исполнительской деятельности. В дальнейшем группы сравнивались по показателям психологического благополучия, измеренного опросником «Шкалы психологического благополучия детей в возрасте 8–12 лет (РWB-с)» в адаптации В. М. Лубовского, Н. С. Миловой. Качество мотивации выявлялось с помощью «Шкалы академической мотивации» Т. О. Гордеевой и соавторов и «Диагностики переживаний в деятельности» Д. А. Леонтьева.

Результаты исследования. Было выявлено, что обучающиеся с разными достижениями в исполнительской деятельности различаются по выраженности автономной и экстернальной мотивации. Преобладание мотивации достижений среди других видов внутренней мотивации соотносится с более высокими достижениями в музыкально-исполнительской деятельности. Соотношение качественных характеристик мотивации и результатов в деятельности определяют переживания психологического благополучия. Внутренняя мотивация без достаточного подкрепления компетентности через достижения в исполнительской деятельности соотносится с более низкими показателями психологического благополучия.

Заключение. Полученные результаты определяют необходимость учета качественных особенностей мотивации в системе музыкального образования; они могут быть использованы для определения основных направлений психолого-педагогической работы по сопровождению обучающихся музыкальной школы.

Ключевые слова: психологическое благополучие, качество мотивации, внутренняя мотивация, внешняя мотивация, переживания в деятельности, мотивация достижений, музыкально-исполнительская деятельность

Research article

Motivation quality and psychological well-being in young adolescent students of music: The role of performance achievement levels

A. A. Dyachuk ¹

¹ Krasnoyarsk State Pedagogical University Named After V. P. Astafyev,
82 Ady Lebedevoy Str., Krasnoyarsk 660049, Russia

For citation: Dyachuk, A. A. (2025) Motivation quality and psychological well-being in young adolescent students of music: The role of performance achievement levels. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 2, pp. 142–154. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-142-154> EDN MRXKTP

Received 14 August 2024; reviewed 7 October 2024; accepted 12 November 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. A. Dyachuk (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. Investigating psychological well-being as a resource for student achievement remains a critical research priority. Motivation — varying in quality — serves as a key determinant of engagement, enjoyment, and perceived meaningfulness in learning. Its contribution to psychological well-being may be mediated by activity-specific achievements. This study examines the psychological well-being of music school students with differing performance achievement levels in relation to motivational quality.

Materials and Methods. Participants included 45 early adolescents enrolled in a music school. Groups were stratified by performance achievement level using documentation reviews and expert evaluations. Psychological well-being was assessed via the Psychological Well-Being Scale for Children Aged 8–12 Years (PWB-c), while motivational quality was measured using Gordeeva et al.'s Academic Motivation Scales and Leontiev's Activity-Related Experience Inventory.

Results. Students with higher performance achievement demonstrated distinct profiles of autonomous and controlled motivation. Dominance of achievement motivation (a subtype of intrinsic motivation) correlated with superior musical performance outcomes. Crucially, the interplay between motivational quality and achievement shaped psychological well-being: intrinsic motivation unsupported by competence-building achievements corresponded to lower well-being.

Conclusion. The findings underscore the need to integrate motivational quality into music education frameworks, informing targeted psychological and educational interventions for music students.

Keywords: psychological well-being, quality of motivation, extrinsic motivation, intrinsic motivation, activity-related experience, achievement motivation, music performance

Введение

Достижение высоких результатов в процессе освоения музыкально-исполнительской деятельности определяется не только способностями, индивидуально-личностными особенностями, но и переживанием эстетического удовольствия, эмоциональной восприимчивостью, вовлеченностью, качеством мотивации (Торопова 2011; Cogdill 2015). Юные музыканты, приступая к обучению, нуждаются в условиях, подкрепляющих желание заниматься музыкой (Sloboda, Howe 1991), в поддержке внутренней мотивации (Макарова, Денисов 2021) и эйфорической мотивации (Тараканова 2013). Развитие исполнительских способностей

без поддержки внутренней мотивации может сопровождаться переживаниями истощения, плохим самочувствием, приводить к прекращению обучения музыке (Evans et al. 2013), повышать риски ухудшения здоровья и благополучия обучающегося (Musgrave 2022).

Проблема психологического благополучия, как отмечает К. Н. Поливанова, становится все более значимой в образовании и рассматривается как показатель качества обучения (Струкова, Поливанова 2023). От переживания благополучия зависит вовлеченность в образовательный процесс, настойчивость и устремленность, желание осваивать новое, несмотря на трудности (Гордеева, Гижицкий 2013; Bonneville-Roussy et al. 2013).

Теоретическая основа для понимания феномена психологического благополучия была заложена Н. Бредберном, рассматривавшим его как баланс комплекса негативных и позитивных эмоций (Bradburn 1969), что нашло продолжение в гедонистически-ориентированных концепциях благополучия (Водяха 2012). На основе идей гуманистической, позитивной психологии К. Рифф предложила рассматривать психологическое благополучие как показатель позитивного функционирования, состоящий из следующих компонентов: способность выполнять требования повседневной жизни (компетентность), жизненные цели (наличие целей и занятий, придающих жизни смысл), самопринятие как позитивное отношение к себе, позитивное отношение с окружающими, автономность как способность следовать своим убеждениям, личностный рост (Ryff, Keyes 1995). Особенности восприятия своего благополучия в младшем подростковом возрасте могут отличаться от взрослой популяции и снижаться вследствие физиологических, психологических и социальных изменений (Канонир и др. 2020; González-Sarrasco et al. 2020), особенностей организации процесса обучения, образовательного пространства, поддерживающего или подавляющего стремление к самостоятельности и автономности (Добрякова, Юрченко 2024; Bonneville-Roussy et al. 2020).

Потребности в автономии особое значение придается в теории самодетерминации Э. Деси, Р. Райана (Deci, Ryan 2008). Автономия является базовой для функционирования внутренней мотивации, которая также связана с удовлетворением потребности в компетентности и взаимосвязи с другими людьми. Автономными могут быть интернализированные формы внешней мотивации (Осин и др. 2013), что определяет качественные различия мотивации. Тем самым качество мотивации отличается характеристиками природы побуждения, связанной с процессом или лежащими вне деятельности результатами (Леонтьев, Клейн 2018). Качественные различия внешней мотивации связаны со степенью интернализации. Интегрированная мотивация как самая автономная из внешних форм связана с переживанием учебы как значимой части жизни при отсутствии интереса к ней, например, как призвание. Идентифицированная мотивация связана с осуществлением учебной деятельности ради достижения целей, которые выбраны осознанно и субъективно важны. Побуждение, связанное с успешностью деятельности, переживанием гордости, чувством вины, характеризует интроецированную мотивацию.

Внешние награды, страх наказания, избегание последствий обуславливает экстернальную мотивацию, менее автономную. Кроме автономной и контролируемой мотивации, различающихся механизмами регуляции, выделяется амотивация как отсутствие интереса и смысла деятельности (Осин и др. 2013).

Необходимость формирования внутренней мотивации на занятиях обсуждается многими педагогами и исследователями в области музыкального образования (Макарова, Денисов 2021; Evans et al. 2013; Musgrave 2022). В исполнительской деятельности в наибольшей степени возможно удовлетворение потребностей в автономии, компетентности, переживание эйфорической мотивации — поглощенность, удовольствие от процесса занятий музыкой, концентрации на определенном содержании (Тараканова 2013). Отмечается, что в подростковом возрасте возрастает внутренняя мотивация занятиями музыкой, обусловленная возможностью выразить свою индивидуальность, самостоятельно справиться с заданием, пережить состояние успеха, при этом внешняя мотивация теряет свою актуальность (Аскарова 2017). Также отмечается, что значимыми для подростков мотивами обучения в музыкальной школе являются признание и уважение со стороны других, получение «хороших» отметок, которые представляют разные формы внешней мотивации (Горбачева 2017). Выделенное расхождение может быть связано с уровнем музыкальных способностей. У обучающихся подросткового возраста с более высокими уровнями музыкальных способностей выражена познавательная мотивация и мотивация успеха, стремление достичь определенного статуса, положительное отношение к обучению. Для обучающихся с низким уровнем музыкальных способностей характерна внешняя мотивация, связанная с похвалой и избеганием неудачи. Похвала со стороны преподавателя и «ситуативный интерес» выступают мотивационными факторами для занятий музыкой (Гани, Константинова 2023).

Работы, в которых обсуждались особенности мотивации обучающихся, достигающих высоких результатов в освоении исполнительской деятельности, нам не встретились. Возможно, это связано с тем, что наличие музыкальных способностей многими авторами рассматривается как ключевой предиктор результатов в исполнительском мастерстве. Достижения в обучении музыкой связаны не только с музыкальными способностями, но и с настойчивостью и упорством, вовлеченностью в музыкальный материал, умением справиться с тревожностью

в ситуации концертно-конкурсной деятельности, которая может поддерживать компетентность, оценку собственного мастерства, с особенностями взаимодействия с преподавателями, с оказываемой поддержкой педагогами и родителями, с переживанием благополучия и прочее (Bonneville-Roussy et al. 2020; Krause et al. 2019). Высокие достижения могут быть результатом жестких требований со стороны педагога, структурированности процесса (Добрякова, Юрченко 2024), что может отразиться на переживании благополучия.

В связи с этим было организовано исследование для проверки предположения, что психологическое благополучие обучающихся музыкальной школы связано с уровнем достижений в исполнительской деятельности и качеством мотивации в ней.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие обучающиеся школы искусств музыкального отделения в возрасте 10–13 лет. На первом этапе исследования нашей задачей было формирование групп младших подростков с высокими, средними и низкими достижениями. Был проведен анализ внутришкольной документации — «Карты педагогического наблюдения за развитием обучающегося», в которых отмечаются все достижения учебного и творческого характера. Помимо этого, педагогами школы искусств осуществлялась экспертная оценка исполнительской деятельности.

К группе с высоким уровнем достижений в исполнительской деятельности были отнесены обучающиеся, принимающие активное участие в конкурсах, являющиеся победителями или лауреатами конкурсов на уровне города, страны или международных конкурсов. Обучающиеся, участвующие в трех и более конкурсах различного уровня в течение года, победившие на внутришкольных, районных и зональных конкурсах, были отнесены к среднему уровню. К низкому уровню отнесены обучающиеся, принимающие участие в конкурсах, статус которых не превышает зонального уровня, при этом не являющиеся лауреатами или дипломантами конкурсов.

С целью уравнивания групп было отобрано одинаковое количество обучающихся для выделенных уровней достижений — по 15 человек (всего 45 обучающихся). Выборка состояла из 19 мальчиков и 26 девочек.

Изучение качества мотивации осуществлялось с помощью «Шкалы академической мотивации»

Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева, Е. Н. Осина (Гордеева и др. 2014), разработанной на теоретических положениях теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. Методика позволяет выделить качественные отличия в мотивации обучения, связанной с внутренними видами учебных мотивов (познания, достижения и саморазвития) и внешними (экстернальная, интроецированная мотивация и самоуважение), а также отсутствие интереса к учебной деятельности и ощущения ее осмысленности — амотивацию. Для выявления мотивации к исполнительской деятельности в инструкции и утверждениях представлена необходимость оценить утверждения относительно обучения в музыкальной школе. Помимо представленных шкал на основании мотивационного континуума, предложенного Э. Деси и Р. Райаном, находился общий показатель внешней и внутренней, а также автономной и контролируемой мотивации.

С помощью методики «Диагностика переживаний в деятельности» Д. А. Леонтьева определялись переживания, сопровождающие учебную деятельность: удовольствие, смысл, усилие, а также переживание пустоты при занятиях. Выделенные автором переживания позволяют описать оптимальное переживание (Чиксентмихайи 2011) через критерии результативности (усилия), приятности (удовольствию) и включенности в более широкие контексты (смысла). Отсутствие этих трех компонентов проявляется в переживании пустоты (Леонтьев и др. 2018). Нас интересовали переживания в процессе обучения в музыкальной школе, в связи с чем в инструкции было уточнение о необходимости оценить переживания, сопровождающие музыкальную деятельность. Согласованность шкал оказалась достаточной: альфа Кронбаха по шкалам «Удовольствие» 0,91; «Смысл» 0,89; «Усилие» 0,76; «Пустота» 0,73, что в целом соответствует другим результатам, полученным при использовании данной методики для учебной и других видов деятельности (Клейн и др. 2019; Леонтьев и др. 2018). Использование балльной шкалы для оценивания типичности переживания в музыкальной деятельности позволяет применить данную методику для подросткового возраста.

Психологическое благополучие оценивалось с помощью «Шкалы психологического благополучия детей в возрасте 8–12 лет (PWB-c)» в адаптации В. М. Лубовского, Н. С. Миловой (Лубовский, Милова 2020). Данная методика построена на модели характеристик психологического благополучия К. Рифф и включает

шкалы: взаимодействие с окружающей средой (компетентность), личностный рост, жизненные цели, самопринятие, самостоятельность, позитивные отношения с другими.

Относительно сформированных групп проводилось сравнение по видам мотивации и психологическому благополучию с помощью критерия Н Краскала — Уоллиса, для выявления связей между показателями использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Сопоставление среднегрупповых (табл. 1) показателей различных видов мотивации и переживаний в деятельности показало преобладание в группах познавательной мотивации и мотивации достижений. Однако мотивация достижений, связанная со стремлением добиваться максимальных результатов в учебе, испытывая удовольствие при решении трудных задач, преобладает у подростков с высоким уровнем достижений в исполнительской деятельности, при этом наблюдается тенденция снижения данной мотивации от уровня к уровню ($N = 20,31, p < 0,001$). У подростков с низким уровнем достижений также выражена экстернатальная мотивация, характеризующаяся необходимостью следовать требованиям, избегать возможных проблем, которая менее выражена

у обучающихся с высоким уровнем достижений ($N = 10,07, p < 0,01$).

Структура мотивации отличается: у младших подростков с низкими достижениями в исполнительской деятельности преобладает интерес, стремление к познанию в соотношении с меньшей выраженностью стремления к достижениям в учебе как повышению собственной значимости. В группе подростков со средним уровнем достижений преобладает познавательная мотивация и стремление добиваться максимальных результатов в соотношении с необходимостью следовать требованиям, получать награды и избегать наказаний и меньшей выраженностью потребности в самоуважении. Для подростков с высоким уровнем достижений стремление добиваться высоких результатов, решать трудные задачи, познавать новое соотносится с меньшей выраженностью мотивации, основанной на поощрении и наказании. Внутренняя мотивация в соотношении с самоуважением приводит к более высоким результатам в исполнительской деятельности. Данные результаты сходны с результатами Ч. Шмидта (Schmidt 2005), выявившего связи достижений в музыкальной деятельности с самооценкой и внутренней мотивацией. Стремление к преодолению трудностей, проверка своей умелости, компетентности способствует высоким достижениям.

Табл. 1. Среднегрупповые значения типов мотивации и переживаний в деятельности для групп с разным уровнем достижений в исполнительской деятельности

Шкалы	Уровень достижений			Н
	низкий	средний	высокий	
Познавательная мотивация	4,7	4,8	4,8	0,24
Мотивация достижений	4,3	4,5	4,9	20,31**
Саморазвитие	4,2	4,1	4,2	2,13
Самоуважение	4,0	4,0	4,2	3,67
Интроецированная мотивация	4,2	4,1	4,2	3,18
Экстернатальная мотивация	4,2	4,0	3,5	10,07**
Амотивация	1,6	1,7	1,5	3,21
Внутренняя мотивация	4,4	4,5	4,6	12,84**
Внешняя мотивация	4,1	4,0	4,0	4,17
Автономная мотивация	4,3	4,4	4,5	12,71**
Контролируемая мотивация	4,2	4,0	3,9	10,47**
Удовольствие	5,3	5,4	5,6	6,05*
Смысл	4,9	5,0	5,6	14,13**
Усилие	3,9	4,4	3,4	8,78*
Пустота	1,5	1,4	1,2	4,22

Примечание:* — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

Table 1. Group mean scores of motivation types and activity-related experiences across different levels of musical performance achievement

Scale	Level of achievement			H
	Low	Medium	High	
Cognitive motivation	4.7	4.8	4.8	0.24
Achievement motivation	4.3	4.5	4.9	20.31**
Self-development	4.2	4.1	4.2	2.13
Self-respect	4.0	4.0	4.2	3.67
Introjected motivation	4.2	4.1	4.2	3.18
External motivation	4.2	4.0	3.5	10.07**
Amotivation	1.6	1.7	1.5	3.21
Intrinsic motivation	4.4	4.5	4.6	12.84**
Extrinsic motivation	4.1	4.0	4.0	4.17
Autonomous motivation	4.3	4.4	4.5	12.71**
Controlled motivation	4.2	4.0	3.9	10.47**
Pleasure	5.3	5.4	5.6	6.05*
Meaning	4.9	5.0	5.6	14.13**
Effort	3.9	4.4	3.4	8.78*
Void	1.5	1.4	1.2	4.22

Note: * — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$.

Различия по выраженности внутренней и внешней мотивации обучающихся с разным уровнем достижений позволили выделить значимые различия внутренней мотивации, релевантные содержанию исполнительской деятельности ($H = 12,84$, $p < 0,01$). Несмотря на выявленные отличия по экстернальной мотивации как одного из видов внешней мотивации, в целом, различия внешней мотивации не выявлены ($H = 4,17$, $p = 0,12$), что может характеризовать различную структуру внешней мотивации в разных группах. Сопоставление выраженности разных видов внешней мотивации показывает преобладание более интернализированных видов мотивации у подростков с более высокими достижениями в исполнительской деятельности. Это подтверждается различиями в автономной мотивации, связанной с осуществлением субъективно значимых целей, и в контролируемой мотивации, связанной с переживанием вынужденности, давления и внешних требований. Автономная мотивация более выражена у младших подростков с высоким уровнем достижений ($H = 12,71$, $p < 0,01$), а контролируемая мотивация — с низким уровнем достижений в исполнительской деятельности ($H = 10,47$, $p < 0,01$). Полученные результаты согласуются с другими исследованиями в сфере образования, показывающими связь автономных форм мотивации с более высокой результативностью и качеством дея-

тельности (Гордеева, Гижицкий 2013; Kusurkar et al. 2013).

Изучение переживаний в исполнительской деятельности позволило выделить выраженность удовольствия и осмысленности деятельности у всех групп обучающихся. При этом переживания удовольствия и смысла повышаются относительно уровня достижений: более высокие значения удовольствия и осмысленности отметили обучающиеся — победители различных конкурсов. Различия выявлены и по переживанию усилия ($H = 8,78$, $p < 0,01$). Переживания напряженности, необходимости приложения немалых усилий отметили подростки со средним уровнем исполнительского мастерства, что может быть обусловлено представлениями о том, что усилия являются показателем отсутствия способностей, а также неудовлетворенностью результатами в исполнительской деятельности, фрустрированности потребности в компетентности. Подростки с высокими достижениями за счет результативности и получения поддержки субъективно не воспринимают свои трудозатраты при занятиях музыкой как напряжение, преодоление. Для подростков с низкими достижениями и меньшей выраженностью мотивации достижений и высокой экстернальной мотивацией участие в конкурсах может быть связано с выполнением формальных требований, что находит выражение и в менее выраженных переживаниях усилия.

При анализе компонентов психологического благополучия обучающихся с разными достижениями в исполнительской деятельности были выявлены различия по шкалам «Цели в жизни» ($N = 3,59, p < 0,01$), «Самопринятие» ($N = 18,63, p < 0,001$) и общему показателю ($N = 7,86, p < 0,05$). Изменчивость данных показателей относительно уровня достижений не является линейной: низкие значения целей в жизни, принятия своих особенностей и переживания благополучия представлены у обучающихся со средним уровнем достижений (рис. 1). Это может быть объяснимо чувством неопределенности, которое связано с неконтролируемостью достижения результатов, с представлением о большем влиянии случая, чем собственных усилий.

При сопоставлении показателей психологического благополучия младших подростков со средним и высоким уровнем исполнительского мастерства можно выделить различия по двум показателям психологического благополучия: самопринятие и компетентность в управлении средой. Младшие подростки, которые выступают на конкурсах разного уровня и являются победителями только внутришкольных, районных и зональных конкурсов (средний уровень достижений), отмечают меньшую определенность в представлениях о будущем, недовольство собой, неуверенность в своих силах по сравнению с другими обучающимися, что может быть связано с «разрывом» между прикладываемыми усилиями и достижениями

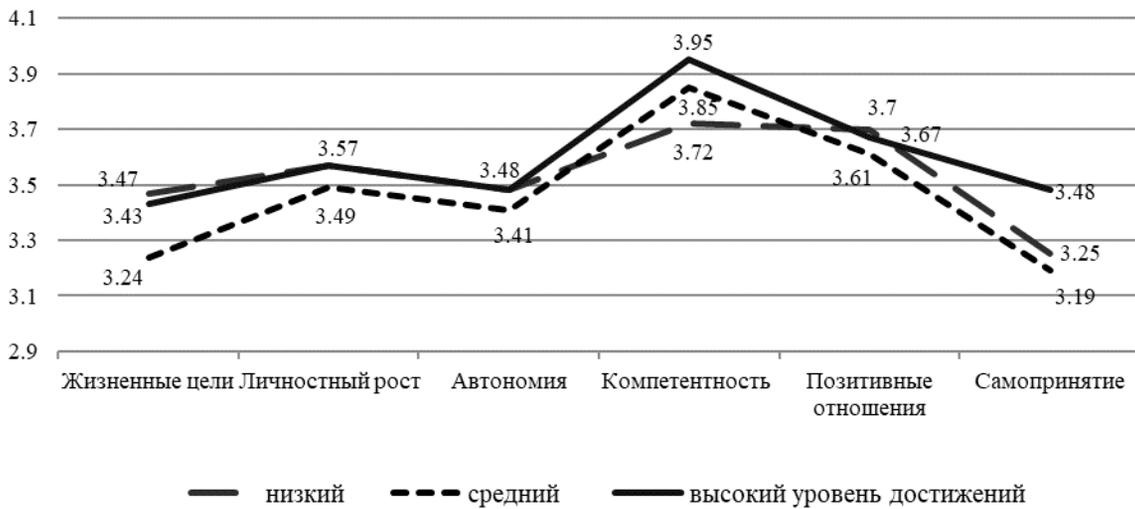

Рис. 1. Профили психологического благополучия в группах младших подростков с разным уровнем достижений, средние значения

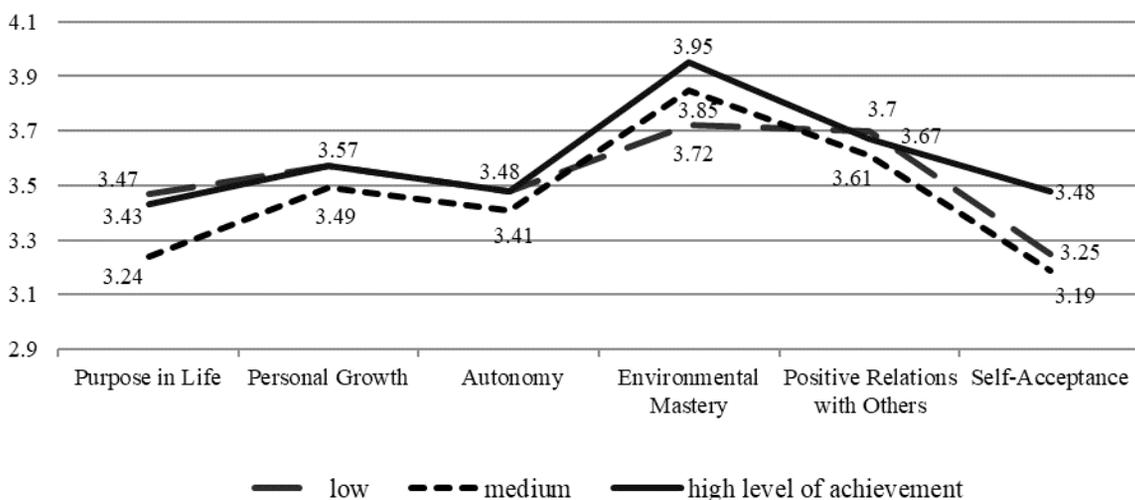

Fig. 1. Psychological well-being profiles by achievement level in young adolescents (group means)

в конкурсах. На это также указывает отрицательная взаимосвязь психологического благополучия и переживания усилия ($r = -0,32$, $p < 0,05$) и отдельных его компонентов: самопринятие ($r = -0,35$, $p < 0,05$) и компетентность в управлении средой ($r = -0,48$, $p < 0,001$).

Более высокие показатели самопринятия у младших подростков с высоким уровнем достижений в исполнительской деятельности, по нашему мнению, во многом связаны с внешним, общественным признанием результатов их деятельности, что вызывает у них чувство гордости, самоуважения, усиливает мотивацию и влияет положительным образом на самоотношение как фактор психологического благополучия, что также подтверждается предыдущими исследованиями (Asmus 1989; Gumm 1990). Гордость за успехи в исполнительской деятельности, победы на конкурсах, фестивалях и смотрах при ощущении достаточности возможностей и умений для удовлетворения потребностей и достижения целей влияют на психологическое благополучие обучающихся в музыкальной школе.

Возникающие переживания могут усиливать мотивацию и стремление прикладывать дальнейшие усилия в обучении, что способствует повышению мастерства, достижению более высоких результатов, которые подкрепляют мотивацию к учению (MacIntyre et al. 2018). Это подтверждается наличием позитивной связи между самопринятием и мотивацией достижения ($r = 0,40$, $p < 0,01$) и мотивацией самоуважения, ощущения собственной значимости за счет достижений ($r = 0,34$, $p < 0,05$). Стремление к высоким результатам, приобретению новых умений, подкрепляемое достижениями в исполнительской деятельности приводит к позитивному отношению к себе, своему опыту. Желание за счет достижений повысить свою значимость, признание себя другими (самоуважение) связано с целями в жизни ($r = 0,31$, $p < 0,05$). Поэтому в ситуации «разрыва» мотивации достижений и побед в музыкально-исполнительских конкурсах снижается психологическое благополучие обучающегося, что наиболее ярко наблюдается в группе младших подростков со средним уровнем достижений.

Снижение показателей психологического благополучия связано и с преобладанием контролируемой мотивации: интроецированная мотивация, обусловленная чувством долга перед другими, ощущением стыда, соотносится с низкой компетентностью в управлении средой, ощущением неспособности воздействовать на нее ($r = -0,31$, $p < 0,05$), экстерналистская мотивация с недовольством своими качествами, низким самопринятием ($r = -0,32$, $p < 0,05$).

Внешняя контролируемая мотивация, как было отмечено ранее, характерна для обучающихся с низкими достижениями в исполнительской деятельности, что может быть обусловлено низкой самоэффективностью, проявляющейся в неспособности изменить обстоятельства и использовать возможности. Самоэффективность выступает предиктором в оценке исполнительского мастерства (Ritchie, Williamon 2012), что сказывается и на отношении к себе.

Полученные связи показывают значимую роль удовлетворения потребности в компетентности (Deci, Ryan 2008) в психологическом благополучии младших подростков, обучающихся музыке, что может быть связано как с особенностями возраста (Гордеева, Гижицкий 2013), так и особенностями музыкальной деятельности, развитием исполнительского мастерства (MacIntyre, Potter 2014).

Удовлетворение потребности в компетентности в исполнительской деятельности приводит к самопринятию, ощущению направленности и цели в жизни, переживанию удовольствия и смысла музыкальной деятельности. При этом неудовлетворение потребности в компетентности в исполнительской деятельности приводит к более низким показателям психологического благополучия, чем преобладание контролируемой мотивации. Данный результат может указывать на то, что психологическое благополучие младших подростков, осваивающих музыкально-исполнительскую деятельность, выступает как показатель соотношения результатов и мотивации, связанной с совершенствованием своих умений и мастерства.

Выводы

Особенности мотивации занятий музыкой отличаются у младших подростков с разными уровнями достижений. Преобладание автономной мотивации, в структуре которой ведущим является мотивация достижений, связано с более высокими результатами в музыкально-исполнительской деятельности. В процессе исполнительской деятельности обучающиеся с более высокими достижениями переживают удовольствие, осмысленность. Стремление освоить новое, решать задачи, результат которых зависит от умений, требует погружения в содержание, проверку своей компетентности, сопряженное с переживанием удовольствия и смысла связано с высокими достижениями в музыкально-исполнительской деятельности. Данное соотношение может характеризовать состояние потока, эйфорическую мотивацию обучающихся музыкальных школ.

Переживания усилия чаще отмечают младшие подростки, участвующие в конкурсах разного уровня, но занимающие места на внутришкольных, районных и зональных конкурсах, что может являться индикатором расхождения мотивации и инструментальных качеств, определяющих достижения. Приложение немалых усилий в музыкальной деятельности связано с психологическим неблагополучием, непринятием различных своих качеств. Если прикладываемые усилия не приводят к желаемым результатам, возникают трудности в воздействии на ситуацию, возможность ее изменения благодаря своим умениям, то это усиливает ощущение неблагополучия.

Психологическое благополучие не связано напрямую с мотивацией. Соотношение качественных характеристик мотивации и результатов в деятельности определяют переживания психологического благополучия. Внутренняя мотивация без достаточной поддержки умелости, исполнительского мастерства соотносится с более низкими показателями психологического благополучия.

Полученные результаты говорят о необходимости учета качественных особенностей мотивации обучающихся в системе музыкального образования. Младшие подростки, которые считают, что они прикладывают значительные усилия, при этом не имеют высоких достижений в исполнительской деятельности, нуждаются в большей поддержке автономности и компетентности со стороны преподавателей.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author confirms that this study was conducted in accordance with all applicable ethical guidelines for research involving human participants.

Заявление о доступности данных

Данные доступны по запросу, адресованному автору-корреспонденту.

Data Availability Statement

The data are available upon request submitted to the corresponding author.

Благодарности

Автор выражает благодарность Е. А. Аносовой за помощь в сборе результатов

Acknowledgements

The author gratefully acknowledges E. A. Anosova for her valuable assistance in data collection.

Литература

- Аскарова, О. Б. (2017) Формирование учебной мотивации подростков к занятиям на уроках музыки в общеобразовательной школе. *Вестник БГУ. Образование. Личность. Общество*, № 4, с. 41–43. EDN: [YXBZAM](#)
- Водяха, С. А. (2012) Современные концепции психологического благополучия личности. *Дискуссия*, № 2, с. 132–138. EDN: [NJRKIA](#)
- Гани, С. В., Константинова, Н. И. (2023) Условия становление мотивации младших школьников в семье и образовательной среде. В кн.: Ж. В. Мурзина (ред.). *Современные вызовы образования и психология формирования личности*. Чебоксары: Среда, с. 126–144. EDN: [SEKDME](#)
- Горбачева, А. С. (2017) Мотивация получения подростками музыкального образования в условиях ранней профессионализации. *Наука: комплексные проблемы*, № 2 (10), с. 38–42.
- Гордеева, Т. О., Гижицкий, В. В. (2013) Универсальность и специфичность внутренней и внешней мотивации учебной деятельности и их роли как предикторов академических достижений. *Известия дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки*, № 3 (24), с. 8–17.
- Гордеева, Т. О., Сычев, О. А., Осин, Е. Н. (2014) Опросник «Шкалы академической мотивации». *Психологический журнал*, т. 35, № 4, с. 96–107. EDN: [SJVWLN](#)
- Добрякова, М. С., Юрченко, О. В. (2024) Мотивация школьника: барьеры и стимулы к активной самостоятельности. *Вопросы образования*, № 1, с. 100–126. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17074>

- Канонир, Т. Н., Куликова, А. А., Орел, Е. А. (2020) Лонгитюдное исследование субъективного благополучия в школе у учащихся младших классов. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, № 4, с. 461–479. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.921>
- Клейн, К. Г., Леонтьев, Д. А., Костенко, В. Ю. и др. (2019) Переживания в разных видах деятельности: временная динамика и содержательная валидность. *Психологическая наука и образование*, т. 24, № 5, с. 47–57. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240505>
- Леонтьев, Д. А., Клейн, К. Г. (2018) Качество мотивации и качество переживаний как характеристики учебной деятельности. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*, № 4, с. 106–119.
- Леонтьев, Д. А., Осин, Е. Н., Досумова, С. Ш. и др. (2018) Переживания в учебной деятельности и их связь с психологическим благополучием. *Психологическая наука и образование*, т. 23, № 6, с. 55–66. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230605>
- Лубовский, Д. В., Милова, Н. С. (2020) Диагностика психологического благополучия младших школьников в условиях школьного и семейного обучения. *Психолого-педагогические исследования*, т. 12, № 4, с. 52–65. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120404>
- Макарова, Е. А., Денисов, Б. В. (2021) Развитие автономности ученика как условие формирования внутренней мотивации и интереса к музыкальным занятиям. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*, вып. 2 (278), с. 46–56.
- Осин, Е. Н., Иванова, Т. Ю., Гордеева, Т. О. (2013) Автономная и контролируемая профессиональная мотивация как предикторы субъективного благополучия у сотрудников российских организаций. *Организационная психология*, т. 3, № 1, с. 8–29. EDN: [ТОВССВ](https://doi.org/10.17759/jmf.2013030101)
- Струкова, А. С., Поливанова, К. Н. (2023) Благополучие в образовании: современные теории благополучия, исторический контекст и эмпирические исследования. *Современная зарубежная психология*, т. 12, № 3, с. 137–148. <https://doi.org/10.17759/jmf.2023120313>
- Тараканова, Н. Э. (2013) Эйфорическая мотивация как определяющий конструкт педагогической работы с музыкально одаренными учащимися. *Вестник кафедры ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование»*, № 3, с. 62–69. EDN: [SISPTL](https://doi.org/10.17759/jmf.2013030101)
- Торопова, А. В. (2011) Мотивация к занятиям искусством, и проблема ее развития. *Развитие личности*, № 2, с. 116–122. EDN: [OPMLTN](https://doi.org/10.17759/jmf.2011020101)
- Чиксентмихайи, М. (2011) *Поток: психология оптимального переживания*. М.: Смысл; Альпина Нон-Фикшн, 460 с.
- Asmus, E. P. (1989) The effect of music teachers on students' motivation to achieve in music. *Canadian Journal of Research in Music Education*, no. 30, pp. 14–21.
- Bonneville-Roussy, A., Hruska, E., Trower, H. (2020) Teaching music to support students: How autonomy-supportive music teachers increase students' well-being. *Journal of Research in Music Education*, vol. 68, no. 1, pp. 97–119. <https://doi.org/10.1177/0022429419897611>
- Bonneville-Roussy, A., Vallerand, R. J., Bouffard, T. (2013) The roles of autonomy support and harmonious and obsessive passions in educational persistence. *Learning and Individual Differences*, vol. 24, pp. 22–31. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2012.12.015>
- Bradburn, N. M. (1969) *The structure of psychological well-being*. Oxford: Aldine Publ., 319 p.
- Cogdill, S. H. (2015) Applying research in motivation and learning to music education: What the experts say. *Update: Applications of Research in Music Education*, vol. 33, no. 2, pp. 49–57. <https://doi.org/10.1177/8755123314547909>
- Deci, E. L., Ryan, R. M. (2008) Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health. *Canadian Psychology*, vol. 49, no. 3, pp. 182–185. <https://doi.org/10.1037/a0012801>
- Evans, P., McPherson, G. E., Davidson, J. W. (2013) The role of psychological needs in ceasing music and music learning activities. *Psychology of Music*, vol. 41, no. 5, pp. 600–619. <https://doi.org/10.1177/0305735612441736>
- González-Carrasco, M., Sáez, M., Casas, F. (2020) Subjective well-being in early adolescence: Observations from a five-year longitudinal study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 21, article 8249. <https://doi.org/10.3390/ijerph17218249>
- Gumm, A. J. (1990) A study of educational equality: The effect of selected minority status variables on musical self-concept; motivation, and achievement. *Southeastern Journal of Music Education*, no. 2, pp. 184–194.
- Krause, A. E., North, A. C., Davidson, J. W. (2019) Using self-determination theory to examine musical participation and well-being. *Frontiers in Psychology*, vol. 10, article 405. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00405>
- Kusurkar, R. A., Ten Cate, T. J., Vos, C. M. P. et al. (2013) How motivation affects academic performance: A structural equation modelling analysis. *Advances in Health Sciences Education*, vol. 18, pp. 57–69. <https://doi.org/10.1007/s10459-012-9354-3>
- MacIntyre, P. D., Potter, G. K. (2014) Music motivation and the effect of writing music: A comparison of pianists and guitarists. *Psychology of Music*, vol. 42, no. 3, pp. 403–419. <https://doi.org/10.1177/0305735613477180>
- MacIntyre, P. D., Schnare, B., Ross, J. (2018) Self-determination theory and motivation for music. *Psychology of Music*, vol. 46, no. 5, pp. 699–715. <https://doi.org/10.1177/0305735617721637>
- Musgrave, G. (2022) Music and wellbeing vs. musicians' wellbeing: Examining the paradox of music-making positively impacting wellbeing, but musicians suffering from poor mental health. *Cultural Trends*, vol. 32, no. 3, pp. 280–295. <https://doi.org/10.1080/09548963.2022.2058354>

- Ritchie, L., Williamon, A. (2012) Self-efficacy as a predictor of musical performance quality. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, vol. 6, no. 4, pp. 334–340. <https://doi.org/10.1037/a0029619>
- Ryff, C. D., Keyes, C. L. M. (1995) The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 69, no. 4, pp. 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719>
- Sloboda, J. A., Howe, M. J. (1991) Biographical precursors of musical excellence: An interview study. *Psychology of Music*, vol. 19, no. 1, pp. 3–21. <https://doi.org/10.1177/0305735691191001>
- Schmidt, C. P. (2005) Relations among motivation, performance achievement, and music experience variables in secondary instrumental music students. *Journal of Research in Music Education*, vol. 53, no. 2, pp. 134–147. <https://doi.org/10.1177/002242940505300204>

References

- Askarova, O. B. (2017) Formirovanie uchebnoj motivatsii podrostkov k zanyatiyam na urokakh muzyki v obshcheobrazovatel'noj shkole [Formation of educational motivation of teenagers to occupations at music lessons at comprehensive school]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo — BSU Bulletin. Education. Personality. Society*, no. 4, pp. 41–43. (In Russian)
- Asmus, E. P. (1989) The effect of music teachers on students' motivation to achieve in music. *Canadian Journal of Research in Music Education*, no. 30, pp. 14–21. (In English)
- Bonneville-Roussy, A., Hruska, E., Trower, H. (2020) Teaching music to support students: How autonomy-supportive music teachers increase students' well-being. *Journal of Research in Music Education*, vol. 68, no. 1, pp. 97–119. <https://doi.org/10.1177/0022429419897611> (In English)
- Bonneville-Roussy, A., Vallerand, R. J., Bouffard, T. (2013) The roles of autonomy support and harmonious and obsessive passions in educational persistence. *Learning and Individual Differences*, vol. 24, pp. 22–31. <https://doi.org/10.1016/j.lindif.2012.12.015> (In English)
- Bradburn, N. M. (1969) *The structure of psychological well-being*. Oxford: Aldine Publ., 319 p. (In English)
- Csikszentmihályi, M. (2011) *Potok: Psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya [Flow: Psychology of The Optimal Experience]*. Moscow: Smysl Publ.; Al'pina Non-Fikshn Publ., 460 p. (In Russian)
- Cogdill, S. H. (2015) Applying research in motivation and learning to music education: What the experts say. *Update: Applications of Research in Music Education*, vol. 33, no. 2, pp. 49–57. <https://doi.org/10.1177/8755123314547909> (In English)
- Deci, E. L., Ryan, R. M. (2008) Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health. *Canadian Psychology*, vol. 49, no. 3, pp. 182–185. <https://doi.org/10.1037/a0012801> (In English)
- Dobryakova, M. S., Yurchenko, O. V. (2024) Motivatsiya shkol'nika: bar'ery i stimuly k aktivnoj samostoyatel'nosti [Student motivation: Barriers and incentives for agency]. *Voprosy obrazovaniya — Educational Studies Moscow*, no. 1, pp. 100–126. <https://doi.org/10.17323/vo-2024-17074> (In Russian)
- Evans, P., McPherson, G. E., Davidson, J. W. (2013) The role of psychological needs in ceasing music and music learning activities. *Psychology of Music*, vol. 41, no. 5, pp. 600–619. <https://doi.org/10.1177/0305735612441736> (In English)
- Gani, S. V., Konstantinova, N. I. (2023) Usloviya stanovlenie motivatsii mladshikh shkol'nikov v sem'e i obrazovatel'noj srede [Conditions for the formation of motivation of primary school students in the family and educational environment]. In: Zh. V. Murzina (ed.). *Sovremennyye vyzovy obrazovaniya i psikhologiya formirovaniya lichnosti [Modern challenges of education and psychology of personality formation]*. Cheboksary: Sreda Publ., pp. 126–144. (In Russian)
- González-Carrasco, M., Sáez, M., Casas, F. (2020) Subjective well-being in early adolescence: Observations from a five-year longitudinal study. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 21, article 8249. <https://doi.org/10.3390/ijerph17218249> (In English)
- Gorbacheva, A. S. (2017) Motivatsiya polucheniya podrostkami muzykal'nogo obrazovaniya v usloviyakh rannej professionalizatsii [The motivation of adolescents to get music education in conditions of early professionalization]. *Nauka: kompleksnye problemy*, no. 2 (10), pp. 38–42. (In Russian)
- Gordeeva, T. O., Gizhitskij, V. V. (2013) Universal'nost' i spetsifichnost' vnutrennej i vneshnej motivatsii uchebnoj deyatel'nosti i ikh roli kak prediktorov akademicheskikh dostizhenij [Universality and specificity of internal and external motivation for learning activities and their role as predictors of academic achievement]. *Izvestiya dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psikhologo-pedagogicheskie nauki — Dagestan State Pedagogical University. Journal. Psychological and Pedagogical Sciences*, no. 3 (24), pp. 8–17. (In Russian)
- Gordeeva, T. O., Sychev, O. A., Osin, E. N. (2014) Oprosnik "Shkaly akademicheskoy motivatsii" ["Academic motivation scales" questionnaire]. *Psikhologicheskij zhurnal — Psychological Journal*, vol. 35, no. 4, pp. 96–107. (In Russian)
- Gumm, A. J. (1990) A study of educational equality: The effect of selected minority status variables on musical self-concept; motivation, and achievement. *Southeastern Journal of Music Education*, no. 2, pp. 184–194. (In English)
- Kanonir, T. N., Kulikova, A. A., Orel, E. A. (2020) Longitudynoe issledovanie sub'ektivnogo blagopoluchiya v shkole u uchashchikhsya mladshikh klassov [Longitudinal Study of School-Related Subjective Well-Being among

- Primary School Students]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny — Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 4, pp. 461–479. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.921> (In Russian)
- Klejn, K. G., Leontiev, D. A., Kostenko, V. Yu. et al. (2019) Perezhivaniya v raznykh vidakh deyatel'nosti: vremennaya dinamika i soderzhatel'naya validnost' [Perezhivaniya v raznykh vidakh deyatel'nosti: vremennaya dinamika i soderzhatel'naya validnost']. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie — Psychological Science and Education*, vol. 24, no. 5, pp. 47–57. <https://doi.org/10.17759/pse.2019240505> (In Russian)
- Krause, A. E., North, A. C., Davidson, J. W. (2019) Using self-determination theory to examine musical participation and well-being. *Frontiers in Psychology*, vol. 10, article 405. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2019.00405> (In English)
- Kusurkar, R. A., Ten Cate, T. J., Vos, C. M. P. et al. (2013) How motivation affects academic performance: A structural equation modelling analysis. *Advances in Health Sciences Education*, vol. 18, pp. 57–69. <https://doi.org/10.1007/s10459-012-9354-3> (In English)
- Leontiev, D. A., Klejn, K. G. (2018) Kachestvo motivatsii i kachestvo perezhivaniy kak kharakteristiki uchebnoy deyatel'nosti [The quality of motivation and the quality of experiences as characteristics of learning activity]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya — Lomonosov Psychology Journal*, no. 4, pp. 106–119. (In Russian)
- Leontiev, D. A., Osin, E. N., Dosumova, S. Sh. et al. (2018) Perezhivaniya v uchebnoy deyatel'nosti i ikh svyaz' s psikhologicheskim blagopoluchiem [Study-related experiences and their association with psychological well-being]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie — Psychological Science and Education*, vol. 23, no. 6, pp. 55–66. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230605> (In Russian)
- Lubovsky, D. V., Milova, N. S. (2020) Diagnostika psikhologicheskogo blagopoluchiya mladshikh shkol'nikov v usloviyakh shkol'nogo i semejnogo obucheniya [Diagnostics of psychological well-being of primary school children in full-time and family education]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya — Psychological-Educational Studies*, vol. 12, no. 4, pp. 52–65. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120404> (In Russian)
- MacIntyre, P. D., Potter, G. K. (2014) Music motivation and the effect of writing music: A comparison of pianists and guitarists. *Psychology of Music*, vol. 42, no. 3, pp. 403–419. <https://doi.org/10.1177/0305735613477180> (In English)
- MacIntyre, P. D., Schnare, B., Ross, J. (2018) Self-determination theory and motivation for music. *Psychology of Music*, vol. 46, no. 5, pp. 699–715. <https://doi.org/10.1177/0305735617721637> (In English)
- Makarova, E. A., Denisov, B. V. (2021) Razvitie avtonomnosti uchenika kak uslovie formirovaniya vnutrennej motivatsii i interesa k muzykal'nym zanyatiyam [Development of student autonomy as a condition for internal motivation and interest in music lesson evolution]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya — Bulletin of Adyge State University. Series: Pedagogy and Psychology*, iss. 2 (278), pp. 46–56. (In Russian)
- Musgrave, G. (2022) Music and wellbeing vs. musicians' wellbeing: Examining the paradox of music-making positively impacting wellbeing, but musicians suffering from poor mental health. *Cultural Trends*, vol. 32, no. 3, pp. 280–295. <https://doi.org/10.1080/09548963.2022.2058354> (In English)
- Osin, E. N., Ivanova, T. Yu., Gordeeva, T. O. (2013) Avtonomnaya i kontroliruemaya professional'naya motivatsiya kak prediktory sub'ektivnogo blagopoluchiya u sotrudnikov rossijskikh organizatsij [Autonomous and controlled professional motivation predict subjective well-being in Russian employees]. *Organizatsionnaya psikhologiya — Organizational Psychology*, vol. 3, no. 1, pp. 8–29. (In Russian)
- Ritchie, L., Williamon, A. (2012) Self-efficacy as a predictor of musical performance quality. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, vol. 6, no. 4, pp. 334–340. <https://doi.org/10.1037/a0029619> (In English)
- Ryff, C. D., Keyes, C. L. M. (1995) The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 69, no. 4, pp. 719–727. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.69.4.719> (In English)
- Schmidt, C. P. (2005) Relations among motivation, performance achievement, and music experience variables in secondary instrumental music students. *Journal of Research in Music Education*, vol. 53, no. 2, pp. 134–147. <https://doi.org/10.1177/002242940505300204> (In English)
- Sloboda, J. A., Howe, M. J. (1991) Biographical precursors of musical excellence: An interview study. *Psychology of Music*, vol. 19, no. 1, pp. 3–21. <https://doi.org/10.1177/0305735691191001> (In English)
- Strukova, A. S., Polivanova, K. N. (2023) Blagopoluchie v obrazovanii: sovremennye teorii blagopoluchiya, istoricheskij kontekst i empiricheskie issledovaniya [Well-Being in education: Modern theories, historical context, empirical studies]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya — Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 12, no. 3, pp. 137–148. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120313> (In Russian)
- Tarakanova, N. E. (2013) Ejforicheskaya motivatsiya kak opredelayushchij konstrukt pedagogicheskoy raboty s muzykal'no odarennymi uchashchimisya [Euphoric motivation as a defining construct of pedagogical work with musically gifted students]. *Vestnik kafedry YUNESKO "Muzykal'noye iskusstvo i obrazovaniye"*, no. 3, pp. 62–69. (In Russian)
- Toropova, A. V. (2011) Motivatsiya k zanyatiyam iskusstvom, i problema ee razvitiya [Motivation for art and the problem of its development]. *Razvitiye lichnosti — Development of Personality*, no. 2, pp. 116–122. (In Russian)
- Vodyakha, S. A. (2012) Sovremennye kontseptsii psikhologicheskogo blagopoluchiya lichnosti [Modern Concepts of Psychological Well-Being of the Individual]. *Diskussiya — Discussion*, no. 2, pp. 132–138. (In Russian)

Сведения об авторе

Анна Анатольевна Дьячук, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии,
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
SPIN-код: [6821-8976](#), ORCID: [0000-0003-1376-9014](#), e-mail: danna@kspu.ru

Author

Anna A. Dyachuk, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Department of Psychology,
Krasnoyarsk State Pedagogical University Named After V. P. Astafiev
SPIN: [6821-8976](#), ORCID: [0000-0003-1376-9014](#), e-mail: danna@kspu.ru

UDC 159.9

EDN RDBWJS

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-155-164>

Research article

Psychological well-being and environmental identity: A cross-cultural study of young adults in Russia and France

D. A. Teplova¹, P. A. Yarkin ²

¹ Sorbonne Nouvelle University, 17 rue de la Sorbonne, Paris 75005, France

² Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Teplova, D. A., Yarkin, P. A. (2025) Psychological well-being and environmental identity: A cross-cultural study of young adults in Russia and France. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 2, pp. 155–164. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-155-164> EDN RDBWJS

Received 10 February 2025; reviewed 8 April 2025; accepted 8 April 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © D. A. Teplova, P. A. Yarkin (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. Contemporary society faces escalating environmental challenges, yet existing research lacks a comprehensive understanding of the interplay between psychological well-being, environmental identity, and value orientations across cultures. This study investigates these relationships among young adults in Russia and France using quantitative survey methods and statistical analysis.

Materials and Methods. The study involved a sample of young adults aged 19 to 34 from Russia and France (N = 109). Data were collected via an online survey that incorporated standardized measures: Ryff's Psychological Well-Being Scale, Clayton's Environmental Identity Scale, and Schwartz's Value Survey. Correlation and regression analyses were employed to identify cross-cultural differences and relationships between variables.

Results. The study revealed significant cross-cultural differences in psychological well-being and value orientations. Russian participants scored higher in overall psychological well-being, autonomy, environmental mastery, and personal growth. No significant differences were found in environmental identity levels between groups. Universalism and conformity exhibited consistent associations with environmental identity across nationalities, underscoring their universal role in fostering pro-environmental behavior. Conversely, power-related values correlated negatively with environmental identity in France but positively in Russia. These findings provide insights into how cultural values influence environmental identity and psychological well-being.

Conclusion. The results hold implications for designing culturally tailored environmental education programs and enhancing well-being of young adults across diverse sociocultural contexts. They underscore the necessity of accounting for cultural background in interventions targeting environmental identity and psychological health. Future research should further explore the role of social norms and policy frameworks in pro-environmental behavior and psychological resilience in young populations.

Keywords: psychological well-being, environmental identity, value orientations, pro-environmental behavior, cultural differences, environmental education

Научная статья

Психологическое благополучие и идентичность с природой: кросскультурное исследование молодежи России и Франции

Д. А. Теплова¹, П. А. Яркин ²

¹ Университет Новая Сорбонна, 75005, Франция, г. Париж, ул. Сорбонна, д. 17

² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Теплова, Д. А., Яркин, П. А. (2025) Психологическое благополучие и идентичность с природой: кросскультурное исследование молодежи России и Франции. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 2, с. 155–164. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-155-164> EDN RDBWJS

Получена 10 февраля 2025; прошла рецензирование 8 апреля 2025; принята 8 апреля 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Д. А. Теплова, П. А. Яркин (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. В условиях экологических вызовов перспективно изучение взаимодействия психологического благополучия, экологической идентичности и ценностных ориентаций в разных культурных контекстах. В статье рассматриваются связи между психологическим благополучием, идентичностью с природой и ценностными ориентациями у молодежи России и Франции.

Материалы и методы. В исследовании приняли участие 109 человек из России и Франции в возрасте от 19 до 34 лет. Данные собирались с помощью онлайн-опросников, использовались «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, «Шкала природной идентичности» С. Клэйтон и опросник ценностных ориентаций Ш. Шварца. Для выявления кросскультурных различий применялся корреляционный и регрессионный анализ.

Результаты. В исследовании установлены значимые кросскультурные различия в психологическом благополучии и ценностных ориентациях среди молодежи России и Франции. Российская выборка продемонстрировала значимо более высокие оценки по шкалам «Позитивные отношения», «Автономия», «Управление средой», «Личностный рост» и по интегральной шкале психологического благополучия. Значимых различий в уровне идентичности с природой между выборками не наблюдается. Универсализм и конформность демонстрируют устойчивую связь с идентичностью с природой вне зависимости от национальной принадлежности, что подчеркивает их универсальную роль в формировании экологически ответственного поведения. Напротив, ценностные ориентации, связанные с властью, показали отрицательную взаимосвязь с выраженностью природной идентичности во Франции и положительную — в России.

Заключение. Обнаруженные различия могут быть использованы при построении программ экологического образования, что станет важным ресурсом для сохранения психологического благополучия молодежи и всего общества. Обнаруженные различия показывают роль культурного контекста в формировании идентичности с природой и правильного отношения к природной среде, что необходимо учитывать при адаптации образовательных программ других стран. Необходимо продолжать исследования взаимодействия природной идентичности с ценностными ориентациями, экологическим сознанием и социальными нормами в различных социокультурных контекстах, не ограничиваясь только молодежью, чтобы углубить понимание влияния культурных факторов на экологическое поведение и благополучие людей в разных странах.

Ключевые слова: психологическое благополучие, идентичность с природой, ценностные ориентации, экологически ответственное поведение, культурные различия, экологическое образование

Introduction

The modern world is undergoing rapid socio-economic transformations that reshape human-nature relationships, value systems, and psychological well-being. Increasing urbanization, technological advancement, and environmental degradation underscore the urgency of studying

factors that influence perceptions of nature and its significance. This is especially relevant for young adults who both shape societal futures and bear the brunt of contemporary challenges.

The interplay between psychological well-being, environmental identity, and value orientations is a complex, culturally mediated process. Russia and France — divergent in historical trajectories,

cultural norms, and ecological contexts — offer a compelling comparative framework for analyzing these dynamics.

This study aims to identify cross-cultural differences in environmental identity, psychological well-being, and value orientations among young adults from Russia and France.

Contemporary research conceptualizes well-being through two primary lenses: hedonic (subjective) and eudaimonic (psychological) well-being. The hedonic model emphasizes affective states and cognitive life evaluations, such as joy and life satisfaction, with emotional balance as a core metric. In contrast, C. Ryff's eudaimonic framework comprises six dimensions: autonomy, personal growth, environmental mastery, positive relationships, purpose in life, and self-acceptance. These components reflect the realization of personal potential and a meaningful existence. Ryff's model posits that psychological well-being hinges not merely on positive affect but on self-actualization and adaptive stress management (Ryff 2013).

Cultural, social, and political contexts engender distinct value hierarchies that modulate conceptions of well-being. Economically developed nations typically report higher well-being (Diener, Tay 2015; Helliwell et al. 2021). Societal structure further dictates well-being priorities: collectivist cultures (e. g., Japan, China) emphasize social cohesion, whereas individualistic societies (e. g., the U.S., U.K.) prioritize personal achievement and self-determination (Hofstede et al. 2010). Democratic institutions also correlate with enhanced well-being by fostering economic stability and social security (Inglehart, Baker 2000).

Psychological well-being is inextricably linked to human-nature interactions, which exert profound environmental and psychological effects. Though long neglected, the mid to late 20th century's ecological crises and increasing urbanization spurred scholarly interest in nature's role. Relevant studies were pioneered by R. Kaplan and P. Schultz who conducted systemic research on nature's impact on well-being, identity, and behavior, laying groundwork for ecological psychology.

Kaplan's research established nature as a catalyst for psychological restoration, demonstrating its capacity to alleviate stress and engender existential meaning (Kaplan, Kaplan 1982; 1989). Schultz expanded this paradigm, proposing a tripartite (cognitive, emotional, behavioral) model of human-nature engagement. His work revealed that individuals who integrate nature into their identity exhibit stronger pro-environmental behaviors, whereas ecological disconnection predicts exploitative attitudes (Schultz 2002).

Another contribution was made by S. Clayton, who advanced the conceptualization of environmental identity, framing it as a core facet of self-perception. Her research demonstrated that nature serves not merely as a contributor to emotional well-being but as a fundamental component of personal identity, shaping value orientations and environmental behaviors. Environmental identity governs individuals' self-conception in relation to the natural world, emerging through personal narratives, emotional bonds, and perceived interconnectedness with the environment. This connection informs worldview construction and behavioral patterns, including the internalization of nature's significance and its integration into self-concept. Clayton's model positions environmental identity as intrinsically tied to nature-related affective ties, rendering it particularly relevant for psychological well-being research (Clayton 2003).

The examination of values is paramount for understanding human behavior and nature interactions. As foundational cognitive schemas, values function as guiding principles that influence attitudes, decisions, and social engagements across life domains. A seminal work by S. Schwartz established values as trans-situational goals that direct human conduct (Schwartz 2006). Values exhibit three defining attributes: (1) motivational basis, representing the drive to fulfil fundamental needs; (2) cross-cultural universality, though with culture-dependent prioritization; and (3) hierarchical organization, creating distinctive individual and societal value profiles. Schwartz's framework elucidates how values configure both personal and collective identities while predicting individual and group behaviors (Sagiv, Schwartz 2022).

The intersection between Schwartz's value typology and Clayton's nature engagement continuum presents compelling implications for environmental psychology. Value orientations differentially modulate nature relations: people focused on self-expression and personal development associate nature with creativity and inspiration, whereas those with a focus on power and influences are more likely to simply exploit natural resources (Clayton et al. 2021).

These theoretical constructs intersect through their joint influence on behavioral patterns and phenomenological experience. Cultural contexts mould value hierarchies, which subsequently mediate both nature engagement and psychological well-being. The reported study employs this integrated framework to investigate cross-cultural variations in these dynamic relationships.

Materials and methods

The study sample consisted of young adults aged 19 to 34 years (mean age 24.8 years, standard deviation 4.2 years) holding Russian or French citizenship. A total of 109 respondents participated, including 47 Russians (20 men, 27 women) and 62 French participants (25 men, 37 women). Data collection was carried out online via the Google Forms platform for both Russian and French participants. Russian respondents were recruited using a network-based approach, with invitations distributed through the Internet. French respondents were recruited through the Survey-Circle platform.

The study explored how environmental identity, value orientations, and psychological well-being are interconnected among respondents from Russia and France. The hypothesis proposed that the relationships between these factors would differ between Russian and French participants. Ryff's Psychological Well-Being Scale assessed current well-being levels and component strengths. The scale evaluates psychological well-being at specific life stages. The Russian version of the methodology was adapted by T. Shevelenkova and T. Fesenko (Shevelenkova, Fesenko 2005), while the French version was developed by L. Bouffard and S. Lapierre (Bouffard, Lapierre 1997). The methodology includes six subscales; however, this article focuses on the composite score.

The Environmental Identity Scale (EID) by (Clayton 2003) measured nature identification. This 24-item questionnaire uses a 5-point Likert scale (1 = 'Strongly disagree' to 5 = 'Strongly agree') to assess connection to natural environments and nature's role in self-concept. We employed the Russian adaptation by B. Irkhin and S. Nartova-Bochaver (Clayton et al. 2019).

Schwartz's Value Survey (Karandashev 2004) evaluated personal value systems. The 57-item instrument contains noun and adjective sections assessing ten value dimensions: hedonism, achievement, power, self-direction, stimulation, conformity, benevolence, tradition, security, and universalism. Participants rated items on a 9-point scale (from 7 (of supreme importance) to -1 (opposed to my values)). The French version of the questionnaire was adapted by Schwartz (Schwartz 1992).

Results and discussion

The study is based on descriptive and comparative analyses of environmental identity, psychological well-being, and value orientation scales. We examined individual components of psychological

well-being and value orientations to explore cross-cultural differences in greater detail.

As presented in Table 1, several Psychological Well-being Scale variables showed significant variability among participants ($SD > 8$ points), suggesting assessment inconsistency. For instance, purpose in life (Russian: 59.32 ± 8.77 ; French: 58.26 ± 9.92) and self-acceptance (Russian: 56.77 ± 11.11 ; French: 56.26 ± 11.44) scores demonstrated substantial variability, potentially reflecting individual differences in trait expression. Conversely, some variables exhibited relatively low standard deviations, indicating more consistent participant responses. Personal growth (Russian: 63.93 ± 6.67 ; French: 49.39 ± 4.02) and environmental mastery (Russian: 56.73 ± 7.67 ; French: 44.45 ± 5.23) showed limited variability, suggesting more stable perceptions of these personality aspects.

For comparative analysis, we employed the Shapiro-Wilk test. As most subscales violated normality assumptions ($p < 0.05$, rejecting H_0 of normal distribution), we compared variables using the Mann-Whitney U test.

Figure 1 reflects the key cross-cultural differences in psychological well-being (Fig. 1). Russian participants scored significantly higher on positive relationships ($p < 0.05$), autonomy ($p < 0.001$), environmental mastery ($p < 0.001$), personal growth ($p < 0.001$), and composite psychological well-being ($p < 0.001$). These findings may reflect strengthened interpersonal relationships and greater emphasis on environmental competence in Russian society. No significant differences emerged for purpose in life or self-acceptance.

The results reveal distinct psychological well-being perceptions between Russian and French young adults. Elevated Russian scores in autonomy and environmental mastery may indicate stronger cultural emphasis on personal achievement and responsibility. The absence of differences in purpose in life and self-acceptance suggests these dimensions may represent more universal aspects of well-being, less influenced by cultural context.

Significant between-group differences emerged for several value dimensions: conformity ($p < 0.01$), tradition ($p < 0.001$), benevolence ($p < 0.01$), universalism ($p < 0.01$), and stimulation ($p < 0.01$), with French participants consistently rating these values higher than their Russian counterparts. No significant differences were observed for self-direction, hedonism, achievement, power, or security values (see Fig. 2). Notably, environmental identity scores showed no significant cross-cultural differences, supporting the theoretical proposition that nature identification represents a universal component of self-concept relatively independent of cultural context.

Table 1. Mean scores and variability of psychological well-being, value orientations, and environmental identity scales across Russian and French samples

Variables	Whole sample	Russia	France	U-test
	M ± sd			(p)
Psychological well-being				
Positive relationships	56.04 ± 7.65	58.22 ± 9.98	54.60 ± 5.23	1111.5*
Autonomy	51.21 ± 7.98	57.10 ± 8.34	47.32 ± 4.71	425.0***
Environmental mastery	49.34 ± 8.72	56.73 ± 7.67	44.45 ± 5.23	322.0***
Personal growth	55.17 ± 8.85	63.93 ± 6.67	49.39 ± 4.02	80.0***
Purpose in life	58.68 ± 9.45	59.32 ± 8.77	58.26 ± 9.92	1405.5
Self-acceptance	56.77 ± 11.11	57.54 ± 10.69	56.26 ± 11.44	1381.0
Psychological well-being	327.21 ± 36.90	352.83 ± 39.23	310.27 ± 23.13	511.5***
Environmental identity				
Environmental identity	59.84 ± 12.67	59.85 ± 12.60	59.84 ± 12.81	1474.0
Value orientations				
Conformity	3.19 ± 1.11	2.78 ± 1.03	3.45 ± 1.09	1988.5**
Tradition	3.11 ± 1.53	2.27 ± 1.37	3.66 ± 1.38	2214.5***
Benevolence	4.99 ± 1.05	4.57 ± 1.06	5.27 ± 0.96	1917.5**
Universalism	4.99 ± 1.15	4.58 ± 1.16	5.25 ± 1.08	1952.5**
Self-direction	5.34 ± 1.00	5.18 ± 0.88	5.45 ± 1.07	1697.0
Stimulation	4.35 ± 1.58	3.80 ± 1.46	4.71 ± 1.56	1927.0**
Hedonism	4.99 ± 1.32	4.84 ± 1.39	5.09 ± 1.27	1590.0
Achievement	4.27 ± 1.31	4.20 ± 1.19	4.31 ± 1.38	1532.0
Power	2.70 ± 1.62	2.67 ± 1.70	2.71 ± 1.58	1463.0
Security	4.48 ± 1.30	4.21 ± 0.96	4.66 ± 1.47	1767.0

Note: p < 0.05*, p < 0.01**, p < 0.001***.

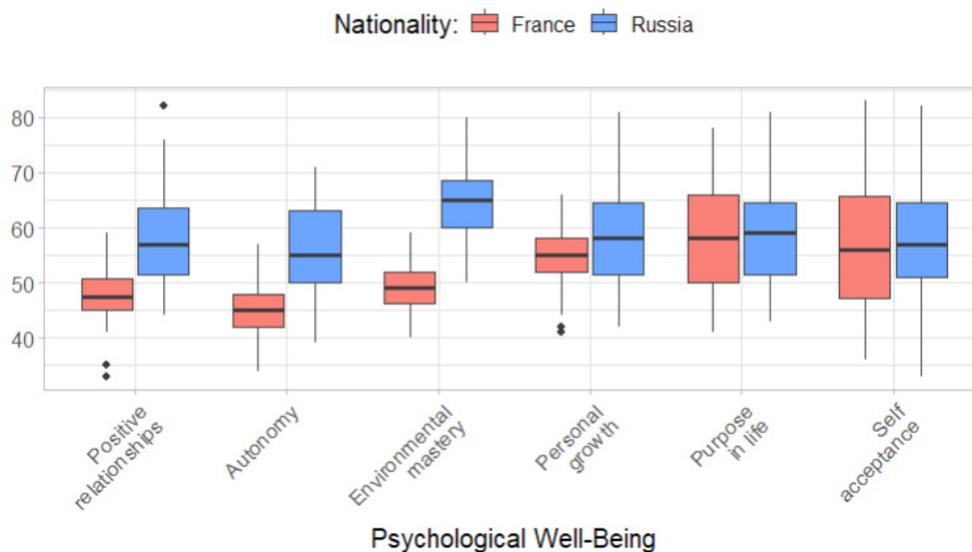

Fig. 1. Comparison of psychological well-being components between Russian and French young adults (boxplots)

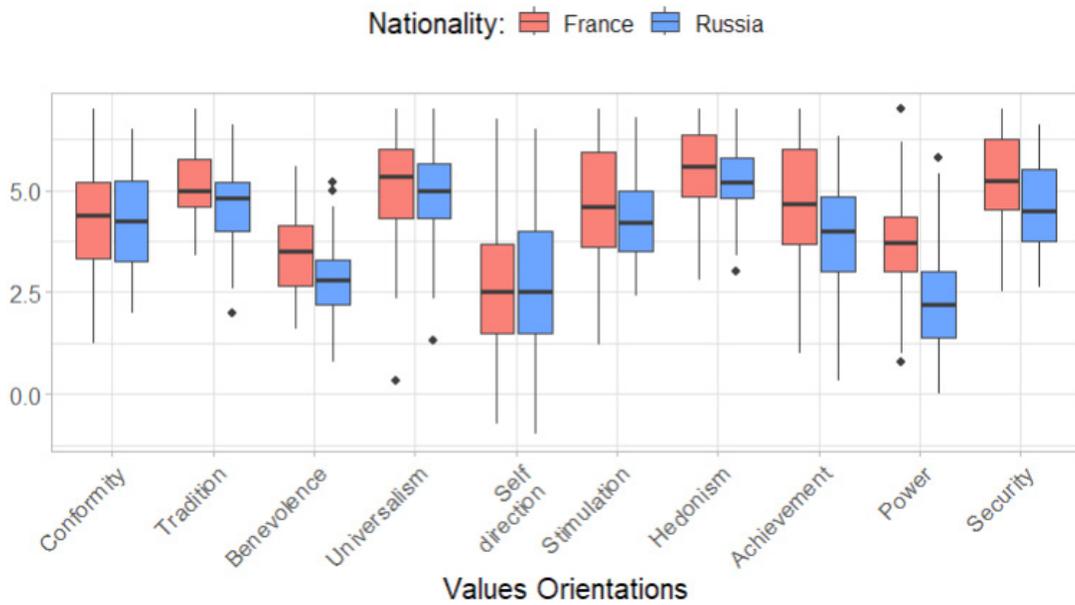

Fig. 2. Comparison of value orientations between Russian and French young adults (boxplots)

Subsequently, we performed Spearman’s rank-order correlation analyses on separated national samples, generating distinct correlation matrices for each group. To further examine predictors of environmental identity, we conducted regression analyses (Table 2). In the Russian sample, environmental identity correlates positively with the value orientations of universalism (0.43) and security (0.46). The French sample revealed associations between environmental identity and conformism

(0.27), tradition (0.29), benevolence (0.47), and universalism (0.49). Notably, environmental identity correlated exclusively with value orientations in both groups, showing no significant relationships with psychological well-being dimensions. Universalism and self-acceptance emerged as central nodes in the Russian sample, demonstrating additional associations with positive relationships (0.31), personal growth (0.39), and environmental identity (0.43) (see Fig. 3).

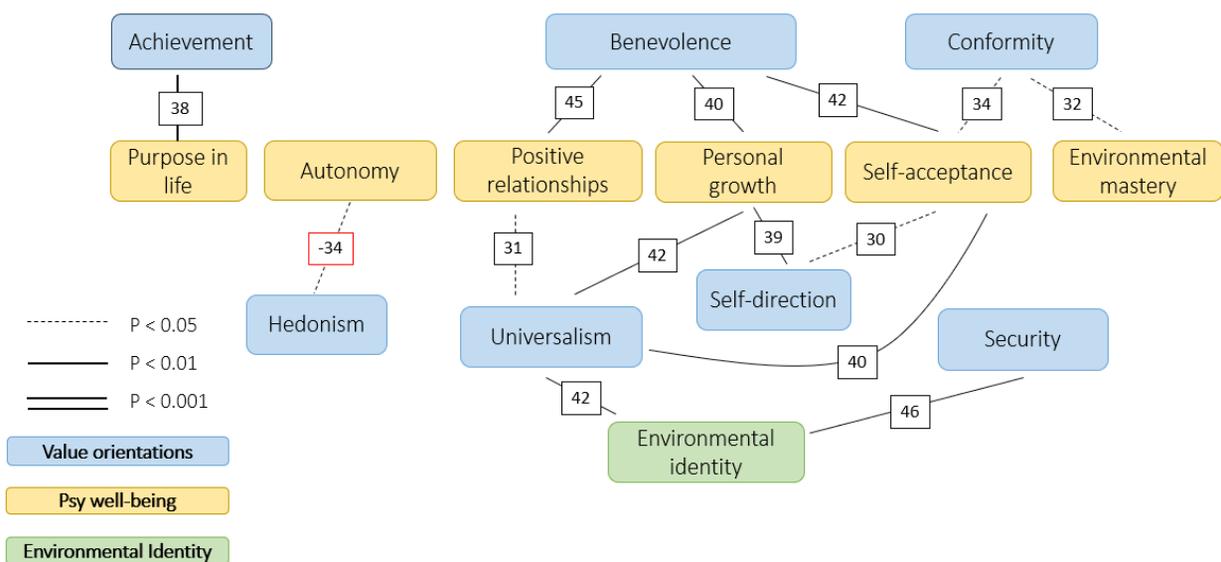

Fig. 3. Correlation patterns for the Russian sample

Analysis of the French sample revealed more extensive interrelationships among variables. Thus, self-acceptance correlates positively with traditions (0.26), benevolence (0.35), universalism (0.32), personal growth (0.41), stimulation (0.29), hedonism (0.28), achievements (0.26) and security (0.32); personal growth showed significant associations with well-being scales of environmental mastery (−0.50), positive relationships (0.35), and purpose in life (0.37). Universalism emerged as a central connecting node, mirroring findings from the Russian sample, with significant relationships to four psychological well-being subscales (see Fig. 4).

The observed differences in correlations between value orientations and psychological well-being across the two samples likely reflect distinct cultural characteristics and socio-cultural influences on well-being, environmental identity, and value formation.

To investigate these relationships further, we conducted a regression analysis to identify key factors associated with environmental identity. Using the R programming language, we constructed a linear model via the lm function, selected for its flexibility in accounting for both main effects and interaction terms. The initial model specification treated environmental identity as the dependent variable, with value orientations and autonomy as primary predictors, while also incorporating an interaction term between power values and nationality (Russian vs. French). Model refinement was then performed using the step function, which applies the Akaike information criterion (R Core Team 2024) to optimize the balance between model accuracy and complexity, ensuring a parsimonious yet informative final model. The resulting model is presented in Table 2, while Figure 5 provides a visual representation

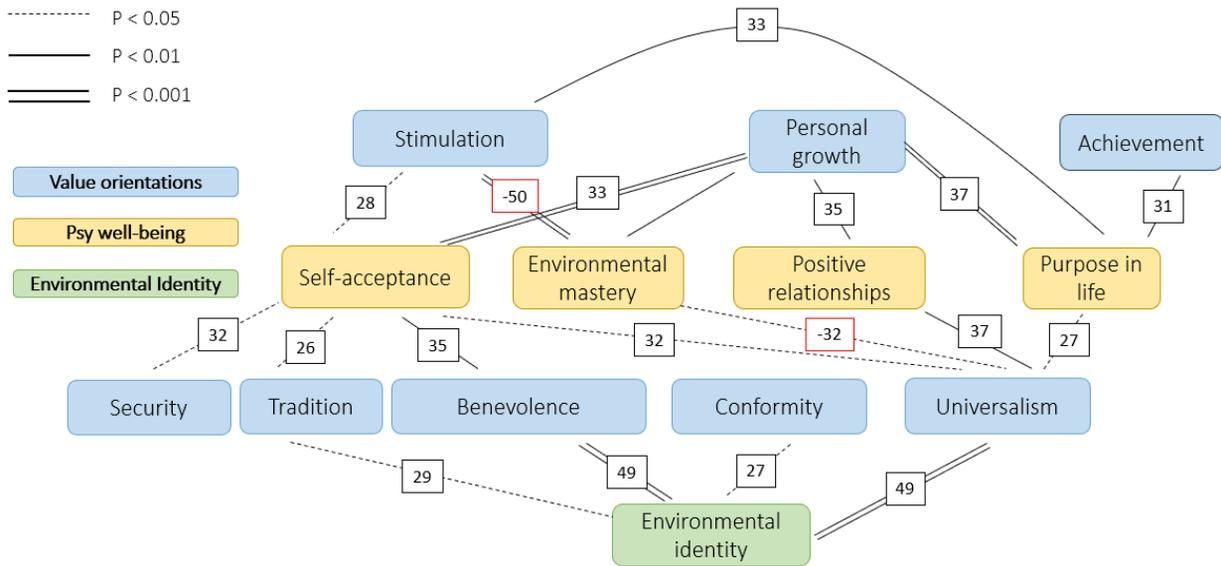

Fig. 4. Correlation patterns for the French sample

Table 2. Regression model of environmental identity, value orientations, and psychological well-being. Note: (VO) — Value Orientations Scales; (PWB) — Psychological Well-Being Scales

Variable	Estimate	Std. Error	t-value	p-value	
(Intercept)	49.05	8.79	5.58	< 0.001	***
Universalism (VO)	4.33	1.08	4.02	< 0.001	***
Power (VO)	−2.67	0.89	−3.00	0.003	**
Conformity (VO)	3.03	1.31	2.31	0.023	*
Autonomy (PWB)	−0.32	0.14	−2.28	0.024	*
Power: Russia (VO)	2.91	0.82	3.53	0.001	***

p < 0.05*, p < 0.01**, p < 0.001***
 Residual standard error: 10.85 on 103 degrees of freedom
 Multiple R-squared: 0.2962, adjusted R-squared: 0.262
 F-statistic: 8.669 on 5 and 103 DF, p < 0.001

of the key predictors and their relationships within the model.

The regression model reveals that most significant predictors are value-related indicators, with only one factor linked to psychological well-being. Both universalism and conformity demonstrate statistically significant positive associations with environmental identity. Participants who prioritize universalistic values — emphasizing equal rights, social justice, and concern for others’ welfare — show stronger nature connectedness. This relationship likely stems from universalism’s inherent inclusion of environmental protection as an extension of its ethical principles regarding care for all beings. People who value universal principles of justice and care tend to identify with values that support the preservation and protection of the environment.

Notably, the universalism-environmental identity relationship maintains consistent strength across both cultural samples, suggesting the universality of this value orientation in different cultures. The conformity may reflect individuals’ tendency to internalize and act upon socially endorsed environmental norms.

The power dimension shows a theoretically expected negative association with environmental identity, suggesting status-seeking motivations may hinder ecological values. However, this relationship reverses positively in the Russian context, potentially reflecting cultural interpretations of power

as stewardship of collective natural resources. The Russian pattern implies that power values in this context might incorporate elements of environmental responsibility, though the precise mechanisms warrant further investigation. The model accounts for 26% of environmental identity variance, suggesting that while value orientations and autonomy are significant predictors, additional factors influence this complex construct. Results confirm universalism and conformity as consistent positive predictors across cultures, whereas strong autonomy and power values (except in the Russian context) typically inhibit environmental identification. These findings emphasize: (1) the crucial role of cultural context in environmental identity research, (2) the need for culturally-adapted nature connection programs, and (3) the importance of investigating additional variables to better understand identity formation processes.

Summary

The findings confirm the critical role of cultural context in influencing environmental identity, psychological well-being, and value orientations. The observed differences between Russian and French young adults likely reflect distinct cultural-historical backgrounds and environmental relationships. Notably, universalism and conformity maintain consistent positive associations with

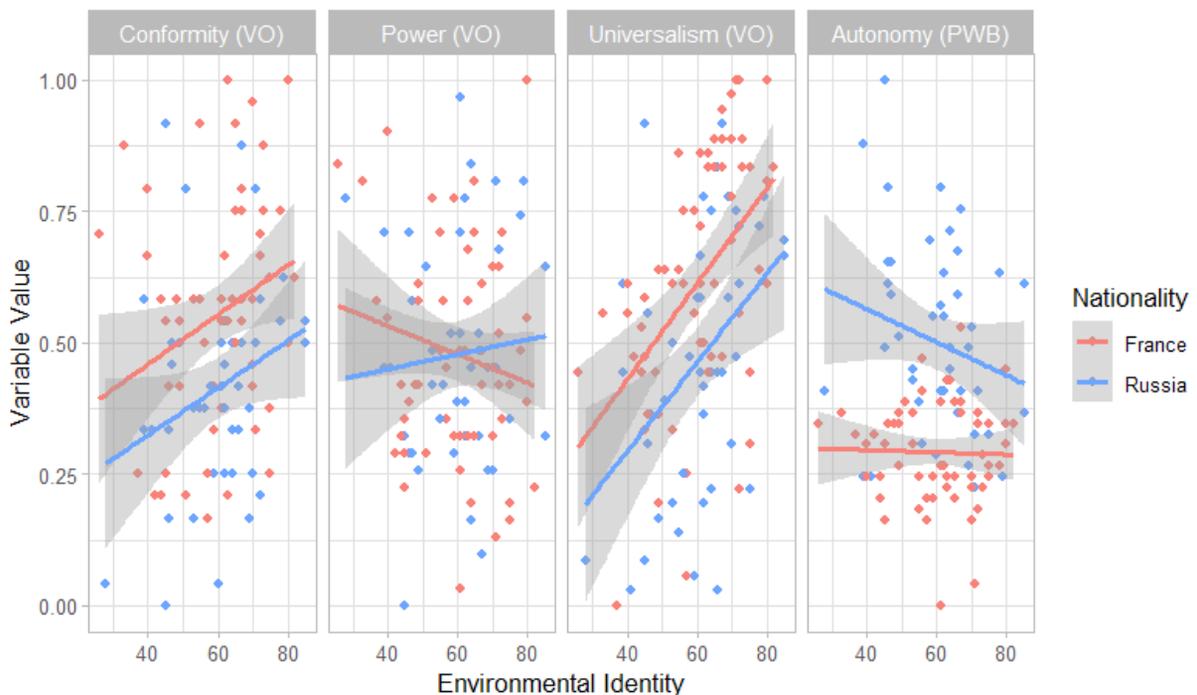

Fig. 5. Significant predictors in the environmental identity regression model. Relative contributions of Value Orientations (VO) and Psychological Well-Being (PWB) scales

environmental identity across both national groups, underscoring their universal importance in fostering pro-environmental attitudes. In contrast, power values exhibit culturally divergent relationships — showing negative associations with environmental identity in France but positive associations in Russia.

These results have important practical applications for environmental education programs targeting young adults. Incorporating universalism and conformity principles could effectively promote nature-connectedness across cultures, while culturally-tailored approaches may enhance effectiveness — emphasizing collective environmental responsibility in Russia and humanitarian ecological values in France.

While the methodological approach proved suitable for cross-cultural comparison, study limitations including sample size constraints and restricted variable range indicate important directions for future research. Subsequent research would benefit from including more diverse participant groups and employing mixed-method approaches that incorporate qualitative measures alongside quantitative assessments. Particularly promising would be examinations of how environmental identity interacts with value orientations, ecological awareness, and prevailing social norms across different cultural contexts.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Вклад авторов

Д. А. Теплова: концептуализация, сбор и первичная обработка эмпирических данных, написание первоначального текста, рецензирование и редактирование рукописи.

П. А. Яркин: концептуализация, рецензирование и редактирование рукописи.

Author Contributions

D. Teplova: Conceptualization; Data curation; Writing — original draft; Writing — review & editing.

P. Yarkin: Conceptualization; Writing — review & editing.

Заявление о доступности данных

Данные доступны по запросу, адресованному автору-корреспонденту.

Data Availability Statement

Data are available upon request to the corresponding author.

References

- Bouffard, L., Lapierre, S. (1997) La mesure du bonheur [Measuring happiness]. *Revue québécoise de psychologie*, vol. 18, no. 2, pp. 271–311. (In French)
- Clayton, S. (2003) Environmental identity: A conceptual and an operational definition. In: S. Clayton, S. Opatow (eds.). *Identity and the natural environment: The psychological significance of nature*. Cambridge: MIT Press., pp. 45–65. <https://doi.org/10.7551/mitpress/3644.003.0005> (In English)
- Clayton, S. (2023) Chapitre 10. La psychologie de la conservation [Chapter 10. The psychology of conservation]. In: *Le souci de la nature. Apprendre, inventer, gouverner [Caring for nature. Learning, inventing, governing]*. Paris: CNRS Éditions Publ., pp. 179–196. <https://doi.org/10.3917/cnrs.fleur.2023.01.0179> (In French)
- Clayton, S., Czellar, S., Nartova-Bochaver, S. et al. (2021) Cross-cultural validation of a revised environmental identity scale. *Sustainability*, vol. 13, no. 4, article 2387. <https://doi.org/10.3390/su13042387> (In English)
- Clayton, S., Irkhin, B. D., Nartova-Bochaver, S. K. (2019) Identifikatsiya s prirodoy v Rossii: validizatsiya metoda i svyaz' s zabotoj o lyudyakh i rasteniyakh [Environmental identity in Russia: Validation and relationship to the concern for people and plants]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki — Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, vol. 16, no. 1, pp. 85–107. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2019-1-85-107> (In Russian)

- Diener, E., Tay, L. (2015) Subjective well-being and human welfare around the world as reflected in the Gallup World Poll. *International Journal of Psychology*, vol. 50, no. 2, pp. 135–149. <https://doi.org/10.1002/ijop.12136> (In English)
- Helliwell, J. F., Layard, R., Sachs, J. et al. (eds.). (2021) *World Happiness Report 2021*. New York: Sustainable Development Solutions Network Publ. [Online]. Available at: <https://worldhappiness.report/ed/2021/> (accessed 08.02.2025). (In English)
- Hofstede, G., Hofstede, G. J., Minkov, M. (2010) *Cultures and organizations: Software of the mind: Intercultural cooperation and its importance for survival*. 2nd ed. London: McGraw-Hill Publ., 261 p. (In English)
- Inglehart, R., Baker, W. E. (2000) Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*, vol. 65, no. 1 pp. 19–51. <https://doi.org/10.2307/2657288> (In English)
- Kaplan, R., Kaplan, S. (1982) *Cognition and environment: Functioning in an uncertain world*. New York: Praeger Publ., 287 p. (In English)
- Kaplan, R., Kaplan, S. (1989) *The experience of nature: A psychological perspective*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 340 p. (In English)
- Karandashev, V. N. (2004) *Metodika Shvartsa dlya izucheniya tsennostej lichnosti: kontseptsiya i metodicheskoe rukovodstvo [Schwartz's methodology for studying personal values: Concepts and methodological guidelines]*. Saint Petersburg: Rech' Publ., 70 p. (In Russian)
- Ryff, C. D. (2013) Psychological well-being revisited: Advances in the science and practice of eudaimonia. *Psychotherapy and Psychosomatics*, vol. 83, no. 1, pp. 10–28. <https://doi.org/10.1159/000353263> (In English)
- Sagiv, L., Schwartz, S. H. (2022) Personal values across cultures. *Annual Review of Psychology*, vol. 73, pp. 517–546. <https://doi.org/10.1146/annurev-psych-020821-125100> (In English)
- Schultz, P. W. (2002) Inclusion with nature: The psychology of human-nature relations. In: P. Schmuck, W. P. Schultz (eds.). *Psychology of Sustainable Development*. Boston: Springer Publ., pp. 61–78. https://doi.org/10.1007/978-1-4615-0995-0_4 (In English)
- Schwartz, S. (1992) Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. *Academic Press*, vol. 25, pp. 1–65. [https://doi.org/10.1016/S0065-2601\(08\)60281-6](https://doi.org/10.1016/S0065-2601(08)60281-6) (In English)
- Schwartz, S. (2006) Les valeurs de base de la personne: théorie, mesures et applications [Basic human values: Theory, measurement, and applications]. *Revue Française de Sociologie*, vol. 47, pp. 929–968. <https://doi.org/10.3917/rfs.474.0929> (In French)
- Shevelenkova, T. D., Fesenko, P. P. (2005) Psikhologicheskoe blagopoluchie lichnosti. Obzor osnovnykh kontseptsij i metodik issledovaniya [Psychological well-being of the individual. A review of key concepts and research methods]. *Psikhologicheskaya diagnostika*, no. 3, pp. 95–129. (In Russian)
- The R Project for Statistical Computing*. (2024) [Online]. Available at: <https://www.R-project.org/> (accessed 08.02.2025). (In English)

Сведения об авторах

Дарья Андреевна Теплова, бакалавр, Университет Новая Сорбонна
SPIN-код: 5709-4975, ORCID: 0009-0000-9288-9158, e-mail: d.teplova2@gmail.com

Пётр Алексеевич Яркин, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
SPIN-код: 9242-7352, ORCID: 0000-0001-6722-2474, e-mail: petr.yarkin@gmail.com

Authors

Daria A. Teplova, Bachelor, Sorbonne Nouvelle University
SPIN: 5709-4975, ORCID: 0009-0000-9288-9158, e-mail: d.teplova2@gmail.com

Petr A. Yarkin, Candidate of Sciences (Psychology), Associate Professor of the Department of Developmental Psychology and Education, Herzen State Pedagogical University of Russia
SPIN: 9242-7352, ORCID: 0000-0001-6722-2474, e-mail: petr.yarkin@gmail.com

УДК 159.9

EDN VTTFQAQ

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-165-183>

Научная статья

Запретить нельзя использовать: разработка, предварительная валидизация и апробация опросника родительской позиции в медиации цифрового поведения школьников

Ю. А. Проект ^{✉1}, Е. Б. Спасская¹, Н. О. Иванушкина¹, Е. В. Сидненко¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Проект, Ю. А., Спасская, Е. Б., Иванушкина, Н. О., Сидненко, Е. В. (2025) Запретить нельзя использовать: разработка, предварительная валидизация и апробация опросника родительской позиции в медиации цифрового поведения школьников. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 2, с. 165–183. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-165-183> EDN VTTFQAQ

Получена 18 октября 2024; прошла рецензирование 26 ноября 2024; принята 5 декабря 2024.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00412*.

Права: © Ю. А. Проект, Е. Б. Спасская, Н. О. Иванушкина, Е. В. Сидненко (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. Увеличивающийся темп развития мобильных технологий побуждает родителей адаптировать свои воспитательные стратегии в соответствии с меняющимися реалиями цифровой среды взросления их детей, что, в свою очередь, требует расширения инструментальной базы изучения родительской медиации цифрового поведения детей. Статья посвящена изложению результатов разработки и апробации опросника родительской позиции в медиации цифрового поведения школьников. Опросник построен на основе двух теоретических подходов к определению родительской медиации, которые обращены к паттернам родительского поведения и характеру детско-родительских отношений в ходе медиации цифрового поведения ребенка.

Материалы и методы. Предложенная версия опросника состояла из 30 вопросов, отражающих пять стратегий родительской медиации и характеристику психологической комфортности ее реализации. Проверка валидности и надежности разрабатываемой методики осуществлялась посредством сбора L- и Q-данных о характере вовлечения детей в использование гаджетов, опросника отношения к технологиям Г. У. Солдатовой и коллег, опросника стратегий родительского поведения С. С. Степанова, статистического анализа. Проведен эксплораторный и конфирматорный факторные анализы, оценка значений коэффициента α Кронбаха, оценка различий в показателях разрабатываемого опросника в зависимости от социально-демографических параметров семьи, корреляционный анализ шкал опросника. Выборку апробации составили 755 родителей школьников в возрасте от 25 до 63 лет (средний возраст — 40,99 лет, 96,3% — женщины).

Результаты исследования. Разработанный опросник состоит из 28 пунктов и включает шесть шкал, отражающих ключевые стратегии родительской медиации цифрового поведения школьников. Проверка одномоментной надежности показала удовлетворительные результаты ($0,728 \leq \alpha \leq 0,888$). Факторная валидность подтверждена результатами конфирматорного факторного анализа ($c^2 = 1008,9$; $df = 313$; $CFI = 0,936$; $TLI = 0,923$; $SRMR = 0,055$; $RMSEA = 0,054$). Проверка критериальной валидности показала наличие связей шкал опросника с характеристиками вовлечения детей в использование гаджетов, стратегий родительского воспитания и отношения родителей к технологиям. В целом, результаты исследования показывают, что разработанный опросник удовлетворяет ключевым критериям надежности и валидности.

* <https://rscf.ru/project/23-28-00412>

Заключение. Результаты разработки и апробации опросника позволяют рекомендовать его применение в рамках консультирования родителей по вопросам цифровой социализации детей, а также разработки программ формирования цифровой родительской компетентности.

Ключевые слова: школьники, родители, цифровое поведение, гаджеты, родительская медиация, стратегии воспитания

Research article

Building vs. Banning: Development, preliminary validation and evaluation of a parental mediation questionnaire for schoolchildren's digital behavior

Yu. L. Proekt ¹, E. B. Spasskaya¹, N. O. Ivannushkina¹, E. V. Sidnenko¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Proekt, Yu. L., Spasskaya, E. B., Ivannushkina, N. O., Sidnenko, E. V. (2025) Building vs. Banning: Development, preliminary validation and evaluation of a parental mediation questionnaire for schoolchildren's digital behavior. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 2, pp. 165–183. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-165-183> EDN VTTFAQ

Received 18 October 2024; reviewed 26 November 2024; accepted 5 December 2024.

Funding: This work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-28-00412*.

Copyright: © Yu. L. Proekt, E. B. Spasskaya, N. O. Ivannushkina, E. V. Sidnenko (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. The rapid evolution of mobile technologies necessitates adaptive parenting strategies to address children's changing digital environments, underscoring the need for robust tools to study parental mediation. This article presents the development and validation of a questionnaire assessing parental mediation of schoolchildren's digital behavior, integrating two theoretical approaches: patterns of parental behavior and parent-child relationship dynamics in digital mediation contexts.

Materials and Methods. The preliminary questionnaire comprised 30 items evaluating five parental mediation strategies and their psychological comfort of implementation. Validity and reliability were assessed using: L- and Q-data on children's gadget use; Soldatova et al.'s Technology Attitudes Questionnaire; Stepanov's Parental Behavior Strategies Questionnaire, and statistical analyses (exploratory/confirmatory factor analyses, Cronbach's α , socio-demographic comparisons, correlation analyses). The questionnaire was evaluated on a sample of 755 parents of schoolchildren (mean age = 40.99 years; 96.3% women; range: 25–63 years).

Results. The final 28-item questionnaire measures six key parental mediation strategies. Reliability was satisfactory ($0.728 \leq \alpha \leq 0.888$). Confirmatory factor analysis supported construct validity ($\chi^2 = 1008.9$; $df = 313$; CFI = 0.936; TLI = 0.923; SRMR = 0.055; RMSEA = 0.054). Criterion validity was demonstrated via associations with children's gadget use, parenting strategies, and parental technology attitudes. The tool meets standard reliability/validity criteria.

Conclusion. This validated questionnaire is suitable for parental counselling on digital socialization and designing digital competence programs.

Keywords: schoolchildren, parents, digital behavior, gadgets, parental mediation, parenting strategies

Введение

Современное родительство характеризуется рядом отличительных черт, связанных со стремительной цифровизацией жизненной среды человека. Во-первых, произошел существенный сдвиг в социокультурной ситуации взросления детей, связанный с переходом к пре-

фигуративному типу культуры. Он проявляется в опережающем освоении детьми новых технологий и цифровых инструментов, снижении стремления детей быть похожими на своих предшественников. В работе А. А. Бесчасной справедливо указано, что сегодня «взрослым не принадлежит исключительное право проектирования жизненного пути детей, их опыт

оказывается непригодным для практического применения» (Бесчасная 2019, 301).

Во-вторых, существенно изменился характер детско-родительских отношений, которые сегодня осуществляются в бесшовно связанных физических и виртуальных пространствах. Интернет и мобильные устройства становятся значимыми посредниками, а зачастую и медиаторами этих отношений. Мобильные устройства обеспечивают повсеместность цифровых технологий, они интегрируются в любые сферы жизнедеятельности и общения людей разного возраста и зачастую становятся не просто инструментом поддержания контактов взрослых с детьми, а буквально позволяют родителям отслеживать все перемещения детей как в физической, так и в виртуальной среде (Поливанова и др. 2020; Herring 2008). Более того, введение электронных дневников и других инструментов цифрового мониторинга способствовало виртуализации регулирующей роли родителя в обучении ребенка. Родители оказываются в курсе большинства аспектов учебной жизни ребенка без необходимости узнавать о значимых аспектах его образовательного опыта от него самого. Это не только приводит к ослаблению и нарастанию поверхностности детско-родительских контактов (Богдановская и др. 2013; Марциновская 2015), но и практически лишает ребенка индивидуального жизненного пространства, в котором он сам определяет, чем он будет заниматься, как спланирует свою деятельность и с кем он будет проводить время. При этом расширение внешних возможностей контроля действий ребенка не приводит родителей к пониманию их содержания, поскольку внутренняя, психологическая структура действия не подвластна техническому наблюдению. Как итог, родители остаются несведущими в том, какое влияние цифровой мир оказывает на психологическое развитие их детей (Blackwell et al. 2016). Можно сказать, что «секретный мир детей» (Осорина 2011) переносится в виртуальное пространство, а в физическом мире он сужается до размеров экрана гаджета.

В-третьих, современные родители не в меньшей, а иногда и в большей степени чем их дети, погружены в цифровую среду, которая становится для них значимым источником информации о воспитании их детей. Такая ситуация обусловлена, прежде всего, отсутствием у родителей собственного детского опыта использования технологий, доступных их детям, что ограничивает их возможности в использовании

традиционных моделей воспитания (Андреева 2018; Plowman et al. 2010). Как отмечает А. Д. Андреева, «сегодня молодые матери ищут ответы на возникающие вопросы и проблемы не столько у своих матерей, сколько у неведомых обладателей современного опыта их решения» (Андреева 2018, 237). Более того, родительство становится публичным вследствие демонстрации родителями семейных событий и их последующего обсуждения в социальных сетях (Fox, Hoу 2019). В целом Интернет становится площадкой поиска коллективных решений сложных родительских вопросов, включая воспитание, питание, заботу о здоровье ребенка, решение проблем детско-родительских отношений и др.

В связи с вышеизложенным становится очевидной сложная картина родительской медиации цифрового поведения детей и подростков, которая обусловлена множеством средовых, культурных, социально-демографических и психологических факторов. Родительскую медиацию определяют как систему действий и мер, принимаемых в воспитательных целях создания благоприятной медиасреды для ребенка (Livingstone et al. 2011). Такая система включает в себя различные родительские практики и приемы, позволяющие им контролировать и направлять использование цифровых устройств детьми, способствуя их конструктивному и безопасному взаимодействию с медиа. В этом контексте возрастает актуальность поиска оптимальных стратегий родительской медиации и их верификации в психолого-педагогических исследованиях. Вместе с тем такой поиск затруднен недостаточностью диагностико-инструментальной базы проведения подобных исследований. Стоит отметить, что последние годы были отмечены активным обновлением психодиагностического инструментария в соответствии с быстро меняющимся жизненным пространством современного человека. Особое значение имеет разработка методик, направленных на выявление характера взаимодействия человека с цифровыми технологиями, поскольку они играют сегодня роль культурных орудий, опосредующих развитие высших психических функций. Исследователи предлагают целый ряд инструментов, используемых в этих целях, включая оценку отношения к технологиям (Солдатов и др. 2021), зависимости от смартфона (Шейнов, Девицын 2021), незащищенности от кибербуллинга (Шейнов, Девицын 2023) и др. В то же время опросников, отражающих родительские позиции в медиации цифрового поведения школьников, явно недостаточно.

Целью настоящей статьи стала разработка и апробация опросника родительской позиции в медиации цифрового поведения школьников.

Инструменты оценки родительской медиации цифрового поведения детей

Родительская медиация использования детьми медиа имеет давнюю практику изучения, начиная с потребления детьми телевизионного контента. Индуктивный исследовательский подход позволил уже во второй половине XX века сформировать идеи о двух типах посредничества родителей в медиапотреблении их детей, включая ограничительную и активную медиацию (Koning et al. 2018). Развитие цифровых технологий и расширение доступа детей к Интернету способствовало интенсификации исследований родительской медиации и более комплексному и многоаспектному ее рассмотрению. Так, Кс. Фу и коллеги включают в структуру родительской медиации контроль и запреты, обсуждения и объяснения, совместную деятельность в освоении медиапространства (Fu et al. 2020). В предложенном С. Ливингстоун и Е. Дж. Хелспер подходе родительская медиация интернет-потребления детей описывается в нескольких измерениях, включая активную медиацию, проявляющуюся в совместном использовании Интернета и использовании родительских коммуникативных практик по формированию безопасного поведения детей в сети, а также ограничительную медиацию, отражающую вводимые родителями ограничения и правила использования Интернета, родительский мониторинг действий ребенка в Интернете, введение технических ограничений с использованием программ родительского контроля (Livingstone, Helsper 2008). Стоит отметить, что предложенный авторами измерительный инструмент стал одним из наиболее распространенных методов диагностики родительской медиации наряду с опросником родительской медиации, разработанным в рамках проекта EU Kids Online, используемым, в частности, в работах Г. У. Солдатовой и Е. И. Рассказовой, принявших участие в этом проекте с российской стороны (Солдатова, Рассказова 2019). Этот измерительный инструмент имеет сходную с опросником Ливингстоун и Хелспер структуру и включает в свой состав шкалы объяснения и совместной деятельности, ограничений и запретов, мониторинга и проверок. Также Н. А. Рудновой и коллегами предложена адаптированная версия этого опросника, в составе которой определены две родительские стратегии: контроль и поддержка (Руднова и др. 2023).

Адаптация опросника родительского посредничества детской медиаактивности Г. Нимрод, Д. Леммиш, Н. Элиас была проведена Н. С. Денисенковой и коллегами. Опросник раскрывает три ключевые стратегии родительской медиации использования гаджетов детьми дошкольного возраста: ограничительную, инструктивную стратегии и стратегию совместного использования (Денисенкова и др. 2023).

Другой подход к определению структуры родительской медиации предполагает расширение родительских стратегий по управлению медиапотреблением детей и включает три компонента: ограничения, попустительство, а также избирательность как смешение первых двух стратегий (Lwin et al. 2008). Сходным образом И. А. Исакова характеризует родительские позиции как авторитарную, соответствующую ограничительной стратегии, небрежную, соответствующую попустительству, лояльную, соответствующую активной медиации, а также симбиотическую или авторитетную позицию, согласно которой совместные цифровые практики выступают средством сближения родителей и детей (Исакова 2020). Вместе с тем большинство разработанных методик оценки родительской медиации цифрового поведения школьника разработаны на примере использования Интернета и компьютера, что не в полной мере учитывает реалии сегодняшнего положения дел.

В своей работе К. Лукавска и коллеги отмечают ряд ограничений методов диагностики родительской медиации, к которым они относят ее измерение посредством опроса детей, использование разных теоретических оснований и обращенность инструмента к какому-либо одному типу устройства или медиа (Lukavská et al. 2021). Авторы осуществляют разработку исследовательского инструмента, построенного на основе интегративной методологии, учитывающей разные теоретические подходы к проблеме родительской медиации. В то же время нехватка русскоязычных исследовательских инструментов, базирующихся на интегративной методологии изучения родительской медиации, может выступать в качестве барьера к более глубокому пониманию социокультурной специфики стратегий родительского воспитания российских школьников в контексте их цифровой социализации. Помимо этого, быстрое развитие мобильных технологий побуждает родителей адаптировать свои воспитательные стратегии в соответствии с меняющимися реалиями цифровой среды взросления их детей, что, в свою очередь, требует расширения

инструментальной базы изучения родительской медиации цифрового поведения детей.

Организация и методы исследования

Предложенный к апробации опросник строился на основе анализа структуры предыдущих инструментов измерения родительской медиации, а также проведенных ранее интервью с родителями школьников. В итоге в состав опросника вошли 30 пунктов, отражающих возможные реакции родителей на цифровое поведение детей, характер их коммуникации с ребенком, действия по регулированию цифрового поведения ребенка и совместную деятельность по освоению цифровой среды. Оценка пунктов опросника осуществлялась по 5-балльным шкалам Ликерта (оценка реакций и действий по шкале согласия: 1 — абсолютно не согласен, 5 — полностью согласен; оценка коммуникаций и совместной деятельности по шкале частоты: 1 — никогда, 5 — постоянно).

Апробация опросника проводилась в школах Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Выборку апробации опросника составили 755 родителей школьников в возрасте от 25 до 63 лет (средний возраст — 40,99 лет, 96,3% — женщины). 219 человек были родителями младших школьников (29,0%), 398 человек — родителями подростков (52,7%), у 138 человек были дети младшего школьного и подросткового возраста (18,3%). Большинство родителей имели высшее образование (72,6%), среднее образование было у 4,0% родителей, 18,7% имели среднее профессиональное образование, 3,4% закончили аспирантуру, 1,3% не указали уровень образования. 87,2% родителей воспитывали детей в полной семье, 12,8% — в неполной семье. Все родители были проинформированы о целях и условиях участия в исследовании и предоставили информированное согласие на участие в нем.

Для оценки критериальной валидности использовались сведения о возрасте, в котором родители приобрели детям их собственный гаджет, а также уровень функциональности гаджета, которым в настоящее время владеет их ребенок. Мы также предлагали родителям оценить, в какой степени их дети вовлечены в использование гаджетов по 5-балльной шкале Ликерта (1 — крайне чрезмерное для его возраста; 5 — крайне незначительное для его возраста). Также были использованы опросник отношения к технологиям Г. У. Солдатовой и коллег (Солдатова и др. 2021) и опросник стратегии родительского поведения С. С. Степанова (Степанов 2000).

Факторная валидность опросника оценивалась на основе эксплораторного и конфирматорного факторных анализов. Эксплораторный факторный анализ был реализован методом главных компонент с Варимакс-вращением и нормализацией Кайзера. Решение о количестве факторов определялось на основе метода сломанной трости и учетом критериев Кайзера и Кэттелла. Конфирматорный факторный анализ использовался для оценки достоверности выделенной структуры опросника и осуществлялся по методу максимального правдоподобия. Внутренняя согласованность шкал была оценена с помощью коэффициента α Кронбаха.

Сравнительный анализ осуществлялся на основе расчета медианного теста с применением χ^2 Пирсона и критерия U Манна — Уитни. Для проведения корреляционного анализа применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Статистические расчеты осуществлялись с помощью программ Jamovi ver. 2.3.28, IBM SPSS Statistics ver. 23.

Результаты исследования

Результаты эксплораторного факторного анализа позволили определить шестифакторную структуру опросника, объяснившую 62,7% общей дисперсии (табл. 1). Результаты проверки приемлемости факторного анализа показали удовлетворительные результаты (Тест сферичности Бартлетта $\chi^2 = 11535$, ($df = 435$), $p < 0,001$; коэффициент адекватности факторной структуры Кайзера — Мейера — Олкина составил 0,882).

Анализ факторных нагрузок показывает, что родительские стратегии медиации могут иметь двухполюсную структуру. Так, первый фактор, объясняющий 14,3% общей дисперсии, характеризует антагонистичность стратегий потворствования и контроля, четвертый фактор, объясняющий 12,8% общей дисперсии, раскрывает противоположные тенденции к вмешательству или игнорированию рискованного цифрового поведения ребенка. Остальные факторы соответствуют рассмотренным выше теоретическим конструктам. Так, второй фактор соответствует стратегии совместной деятельности и объясняет 9,8% общей дисперсии, третий фактор характеризует стратегию запретов и ограничений, объясняя 12,0% общей дисперсии, тогда как пятый фактор отражает комфортность родительской медиации и объясняет 7,7% общей дисперсии, а шестой фактор характеризует активную коммуникацию и объясняет 6,1% общей дисперсии.

Табл. 1. Результаты эксплораторного факторного анализа

Пункты опросника	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6
<i>В какой степени Вы согласны со следующими утверждениями?</i>						
4. Я позволяю своему ребенку использовать любые мобильные приложения	-0,80	-0,05	-0,05	-0,20	-0,03	-0,06
2. Я позволяю своему ребенку использовать гаджеты любым способом, как ему/ей захочется	-0,80	0,12	-0,16	-0,24	0,03	-0,03
3. Я позволяю своему ребенку использовать гаджеты столько времени, сколько он(а) хочет	-0,77	0,03	-0,17	-0,34	0,06	-0,03
1. Я позволяю своему ребенку использовать его гаджеты так часто, как ему/ей хочется	-0,75	0,14	-0,17	-0,29	0,03	-0,02
5. Я позволяю своему ребенку общаться с помощью гаджетов с любыми людьми	-0,68	-0,06	0,07	-0,18	-0,01	-0,18
6. Я настраиваю гаджеты моего ребенка для осуществления родительского контроля	0,55	0,27	0,33	0,17	0,19	-0,30
7. Я отслеживаю использование гаджета моим ребенком через контроль экранного времени	0,53	0,25	0,40	0,14	0,19	-0,30
<i>Как часто Вы ...</i>						
28. Даете какие-либо полезные подсказки касательно использования гаджетов	0,05	0,75	0,08	0,09	0,03	0,07
27. Показываете, как использовать гаджет для учебы	0,13	0,74	0,00	-0,03	-0,05	0,13
30. Экспериментируете и пробуете с ребенком все новое, что можно сделать с гаджетом (функции, настройки, приложения и т.п.)	-0,17	0,71	-0,06	0,00	0,09	0,17
25. Осваиваете вместе с ребенком новые мобильные приложения	-0,01	0,69	-0,08	-0,03	0,17	0,15
29. Просите у ребенка какие-нибудь полезные подсказки касательно использования гаджетов	-0,12	0,54	-0,02	-0,09	0,06	-0,22
26. Играете вместе с ребенком в мобильные игры	-0,37	0,47	-0,15	-0,03	0,02	0,33
<i>Как часто Вы говорите своему ребенку...</i>						
8. Тебе запрещается брать в руки гаджет на определенный период	0,22	-0,04	0,78	0,15	-0,10	0,05
10. Тебе нужно прямо сейчас отложить свой гаджет	0,07	0,00	0,78	0,15	-0,21	0,16
11. Ты должен выключить свой гаджет	0,07	-0,02	0,76	0,13	-0,20	0,13
12. Отдай мне свой гаджет, я забираю его на время	0,07	-0,08	0,75	0,05	-0,23	0,12
9. Ты должен использовать гаджет не больше определенного времени	0,34	0,04	0,67	0,24	-0,01	0,05
<i>Если бы Ваш ребенок стал использовать свой гаджет все время в выходные дни, Вы...</i>						
15. Начали бы делать замечания	0,17	-0,04	0,14	0,83	-0,02	0,08
16. Запретили бы это	0,26	-0,08	0,11	0,80	0,03	-0,01
17. Вмешались в его/ее занятия	0,16	0,04	0,13	0,79	0,04	0,01
18. Начали бы объяснять, почему не надо этого делать	0,18	0,13	0,15	0,77	0,04	0,11
13. Позволили бы это	-0,38	0,02	0,01	-0,74	-0,05	0,05
14. Не обратили на это внимание	-0,20	-0,02	-0,04	-0,46	-0,04	-0,05

Табл. 1. Продолжение

Пункты опросника	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3	Фактор 4	Фактор 5	Фактор 6
<i>Когда Вы разговариваете со своими детьми о том, как они используют мобильные устройства, Вы...</i>						
23. Чувствуете, что Вас понимают	0,04	0,06	-0,24	-0,02	0,82	0,03
24. Чувствуете, что ребенок принимает разговор всерьез	0,05	0,06	-0,22	0,01	0,78	0,04
22. Чувствуете себя комфортно	0,03	0,03	-0,09	0,11	0,69	0,08
<i>Как часто Вы обсуждаете с детьми следующие темы?</i>						
21. С кем он(она) общается с помощью своего гаджета	0,06	0,23	0,13	0,08	0,16	0,71
20. Сколько времени он(она) проводит за своим гаджетом	-0,01	0,14	0,34	0,02	-0,05	0,69
19. Что он(она) делает со своим гаджетом, чем там занимается	0,19	0,22	0,31	0,17	0,28	0,56
Вес фактора	4,28	2,95	3,61	3,83	2,31	1,84
% объясненной дисперсии	14,28%	9,84%	12,03%	12,76%	7,69%	6,13%

Table 1. The results of exploratory factor analysis

Questionnaire items	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5	Factor 6
<i>To what extent do you agree with the following statements?</i>						
4. I allow my child to use any mobile app they want	-0,80	-0,05	-0,05	-0,20	-0,03	-0,06
2. I allow my child to use gadgets in any way he/she wants to	-0,80	0,12	-0,16	-0,24	0,03	-0,03
3. I let my child use gadgets for as long as he/she wants to	-0,77	0,03	-0,17	-0,34	0,06	-0,03
4. I let my child use his/her gadgets as often as he/she wants to	-0,75	0,14	-0,17	-0,29	0,03	-0,02
5. I allow my child to communicate through gadgets with any and all kinds of people	-0,68	-0,06	0,07	-0,18	-0,01	-0,18
6. I customize my child's gadgets to implement parental controls	0,55	0,27	0,33	0,17	0,19	-0,30
7. I track my child's gadget usage through screen time monitoring	0,53	0,25	0,40	0,14	0,19	-0,30
<i>How often do you...</i>						
28. Give any helpful hints regarding the use of gadgets	0,05	0,75	0,08	0,09	0,03	0,07
27. Show the child how to use the gadget to study	0,13	0,74	0,00	-0,03	-0,05	0,13
30. Experiment and try new things with your child that you can do with the gadget (functions, settings, apps, etc.)	-0,17	0,71	-0,06	0,00	0,09	0,17
25. Explore new mobile apps with your child	-0,01	0,69	-0,08	-0,03	0,17	0,15
29. Ask your child for any helpful hints about using gadgets	-0,12	0,54	-0,02	-0,09	0,06	-0,22
26. Playing mobile games together with your child	-0,37	0,47	-0,15	-0,03	0,02	0,33
<i>How often do you tell your child...</i>						
8. You're banned from picking up a gadget for a certain period of time	0,22	-0,04	0,78	0,15	-0,10	0,05
10. You have to put your gadget away right now	0,07	0,00	0,78	0,15	-0,21	0,16

Table 1. Completion

Questionnaire items	Factor 1	Factor 2	Factor 3	Factor 4	Factor 5	Factor 6
11. You have to turn off your gadget	0,07	-0,02	0,76	0,13	-0,20	0,13
12. Give me your gadget, I'm borrowing it	0,07	-0,08	0,75	0,05	-0,23	0,12
9. You must not use the gadget for more than a certain amount of time	0,34	0,04	0,67	0,24	-0,01	0,05
<i>If your child started using his/her gadget all the time on weekends, you...</i>						
15. Would start making reprimand	0,17	-0,04	0,14	0,83	-0,02	0,08
16. Would have banned it	0,26	-0,08	0,11	0,80	0,03	-0,01
17. Would have intervened with his/her activities	0,16	0,04	0,13	0,79	0,04	0,01
18. Would start explaining why the child shouldn't do it	0,18	0,13	0,15	0,77	0,04	0,11
13. Would have allowed it	-0,38	0,02	0,01	-0,74	-0,05	0,05
14. Wouldn't pay attention	-0,20	-0,02	-0,04	-0,46	-0,04	-0,05
<i>When you talk to your children about how they use mobile devices, you...</i>						
23. Feel understood	0,04	0,06	-0,24	-0,02	0,82	0,03
24. Feel that the child is taking the conversation seriously	0,05	0,06	-0,22	0,01	0,78	0,04
22. Feel comfortable	0,03	0,03	-0,09	0,11	0,69	0,08
<i>How often do you discuss with your child...</i>						
21. Who he/she communicates with using his/her gadget	0,06	0,23	0,13	0,08	0,16	0,71
20. How much time he/she spends on his/her gadget	-0,01	0,14	0,34	0,02	-0,05	0,69
19. What he does with his gadget, what he does on it	0,19	0,22	0,31	0,17	0,28	0,56
The sum of squared loadings	4,28	2,95	3,61	3,83	2,31	1,84
The proportion of variance explained	14,28%	9,84%	12,03%	12,76%	7,69%	6,13%

Анализ нагрузок пунктов на факторы, а также их корреляций между собой привел к решению об исключении 14 и 26 пунктов опросника из дальнейшего анализа, поскольку их нагрузки незначительны, а корреляции с другими пунктами не демонстрируют устойчивых связей ($0,196 \leq r \leq 0,314$ — для пункта 14; $0,207 \leq r \leq 0,221$ —

для пункта 26). Помимо этого, исключение данных пунктов позволяет повысить уровни внутренней согласованности выделенных шкал (исключение пункта 14 — с 0,861 до 0,888; исключение пункта 26 — с 0,752 до 0,771). В целом характеристика внутренней согласованности выделенных шкал опросника, оцененная

Табл. 2. Оценка надежности и описательные статистики шкал опросника родительской медиации

Шкалы	α	M	S	Me	Mo
Контроль-потворствование	0,873	76,8	18,0	80,0	100,0
Запреты и ограничения	0,870	55,2	19,1	56,0	60,0
Вмешательство-игнорирование	0,888	81,6	16,3	83,3	100,0
Совместная деятельность	0,771	50,4	13,1	50,0	50,0
Активная коммуникация	0,726	70,6	15,7	73,3	80,0
Комфортность медиации	0,787	73,7	17,4	73,3	80,0

Примечание: α — Альфа Кронбаха, M — средние значения, S — стандартные отклонения, Me — медиана, Mo — мода.

Table 2. Reliability and descriptive statistics for parental mediation questionnaire scales

Scales	α	M	S	Me	Mo
Control / permissiveness	0.873	76.8	18.0	80.0	100.0
Prohibition / restrictions	0.870	55.2	19.1	56.0	60.0
Intervention / non-intervention	0.888	81.6	16.3	83.3	100.0
Co-use	0.771	50.4	13.1	50.0	50.0
Active communication	0.726	70.6	15.7	73.3	80.0
Psychological comfort of mediation	0.787	73.7	17.4	73.3	80.0

Note: α — Cronbach's alpha; M — mean; S — standard deviation; Me — median; Mo — mode.

с помощью коэффициента Кронбаха, показала достаточный уровень согласованности пунктов по всем шкалам (табл. 2).

Анализ описательных статистик по шкалам опросника показывает, что в профиле стратегий родительской медиации доминируют стратегии вмешательства, контроля, запретов и ограничений. Корреляционный анализ показал, что стратегии контроля, вмешательства, запретов и ограничений образуют между собой тесные прямые связи и обратные связи со стратегией совместной деятельности (табл. 3). В то же время стратегия активной коммуникации прямо связана со всеми прочими стратегиями родительской медиации, что может свидетельствовать о том, что родители достаточно часто прибегают к об-

суждению с ребенком его цифрового поведения вне зависимости от того, какой характер приобретает это обсуждение. По-видимому, использование стратегии запретов и ограничений приводит к дискомфорту в родительской медиации, о чем и свидетельствует выявленная обратная связь этих показателей. В целом вовлечение ребенка в обсуждение его цифрового поведения, вмешательство родителя в случае проявления его рискованных форм, совместное освоение цифрового пространства способствует повышению комфортности родительской медиации.

Наличие тесных связей между шкалами вмешательства, контроля, запретов и ограничений побудило нас рассмотреть две возможные

Табл. 3. Корреляции между шкалами опросника родительской медиации

Шкалы	1	2	3	4	5
1. Контроль-потворствование	—				
2. Вмешательство-игнорирование	0,55***	—			
3. Запреты и ограничения	0,38***	0,32***	—		
4. Совместная деятельность	-0,10**	-0,10**	-0,09*	—	
5. Активная коммуникация	0,14***	0,21***	0,28***	0,28***	—
6. Комфортность родительской медиации	0,06	0,11**	-0,31***	0,15***	0,12**

Примечание: * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

Table 3. Correlations between parental mediation questionnaire scales

Scales	1	2	3	4	5
1. Control / permissiveness	—				
2. Prohibition / restrictions	0,55***	—			
3. Intervention / non-intervention	0,38***	0,32***	—		
4. Co-use	-0,10**	-0,10**	-0,09*	—	
5. Active communication	0,14***	0,21***	0,28***	0,28***	—
6. Psychological comfort of mediation	0,06	0,11**	-0,31***	0,15***	0,12**

Note: * $p < 0.05$, ** $p < 0.01$, *** $p < 0.001$.

структуры опросника: первая — где эти шкалы совместно представляют единую ограничительную стратегию, вторая — где шкалы рассматриваются как самостоятельные компоненты структуры опросника. Проведение конфирматорного анализа для проверки соответствия предложенных структур опросника показало, что первая модель характеризуется недостаточным соответствием для ее принятия ($\chi^2 = 2003,0$; $df = 331$; $CFI = 0,840$; $TLI = 0,817$; $SRMR = 0,097$; $RMSEA (90\% \text{ ДИ}) = 0,082 (0,078-0,085)$), тогда как выявлены удовлетворительные значения

для принятия второй модели ($\chi^2 = 1008,9$; $df = 313$; $CFI = 0,936$; $TLI = 0,923$; $SRMR = 0,055$; $RMSEA (90\% \text{ ДИ}) = 0,054 (0,051-0,058)$) (рис. 1).

Выявлены достоверные различия в профилях стратегий родительской медиации в зависимости от социально-демографических характеристик семьи (табл. 4).

Наибольшее действие социально-демографические факторы оказывают на применение родителями стратегий вмешательства-игнорирования рискованного цифрового поведения школьников. Так, стратегию вмешательства чаще

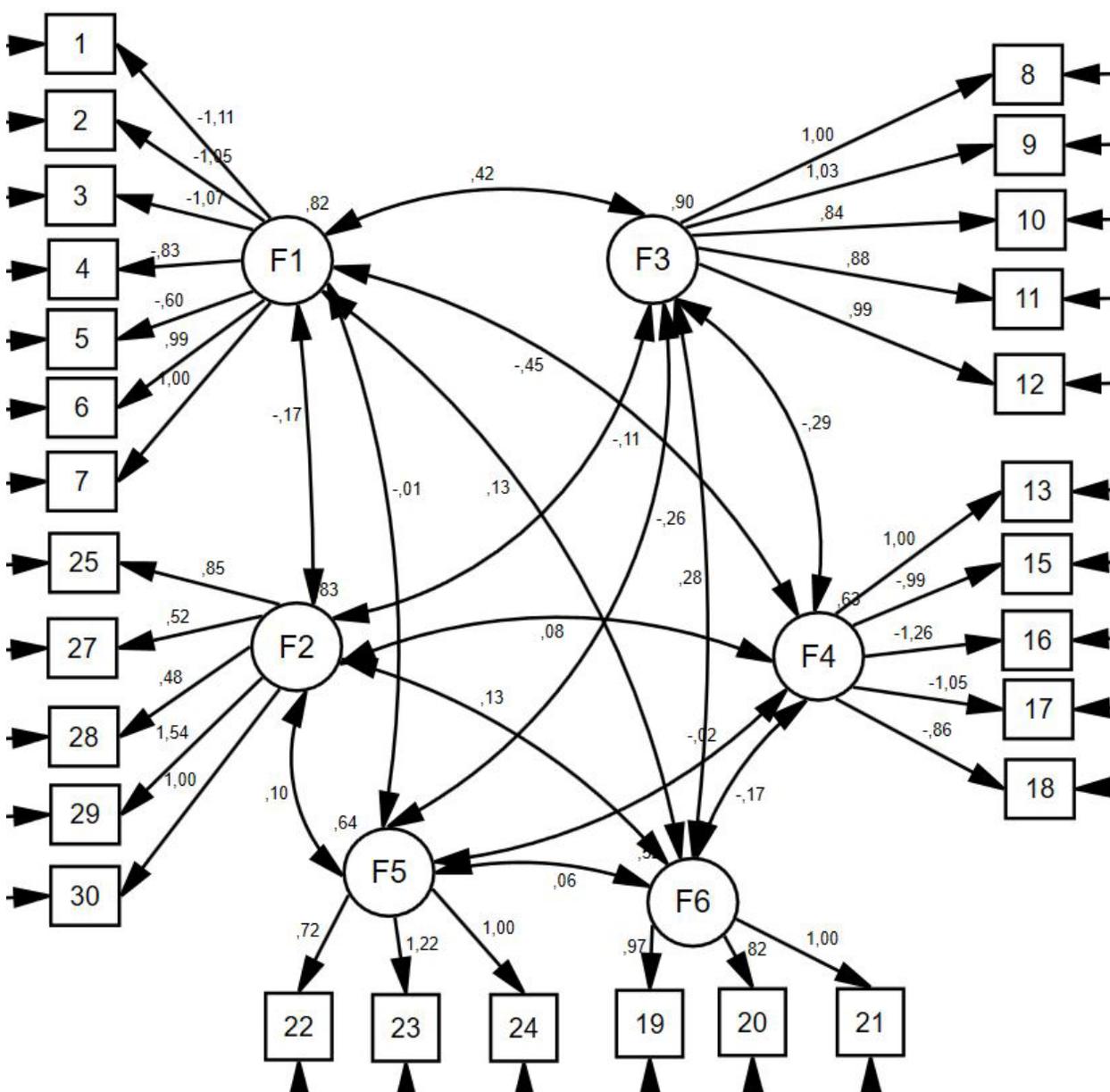

Рис. 1. Результаты конфирматорного факторного анализа

Fig. 1. Results of confirmatory factor analysis

Табл. 4. Результаты сравнительного анализа

Шкалы	Социально-демографические параметры семьи									
	Тип семьи		Уровень образования		Количество детей		Пол детей		Возраст детей	
	U	p	χ^2	p	χ^2	p	χ^2	p	χ^2	p
Контроль-потворствование	20951	0,00	5,93	0,20	7,70	0,02	11,3	0,00	38,6	0,00
Запреты и ограничения	27827	<i>0,06</i>	2,67	0,61	7,54	0,02	10,7	0,00	7,37	0,02
Вмешательство-игнорирование	25018	0,00	12,8	0,01	5,76	0,05	9,32	0,01	10,2	0,01
Совместная деятельность	27964	<i>0,07</i>	1,23	0,87	0,59	0,74	2,55	0,28	5,51	<i>0,06</i>
Активная коммуникация	29998	0,43	11,7	0,02	1,73	0,42	16,2	0,00	1,45	0,48
Комфортность медиации	31420	0,93	1,20	0,88	0,32	0,85	0,53	0,77	1,87	0,39

Примечание: Жирным шрифтом выделены достоверные различия, курсивным шрифтом выделены различия на уровне тенденции ($p < 0,10$); U — значение критерия Манна — Уитни; χ^2 — значения критерия Пирсона, p — уровень значимости различий.

Table 4. Results of comparative analysis

Scales	Household socio-demographic parameters									
	Family type		Level of education		Number of children		Children's gender		Children's age	
	U	p	χ^2	p	χ^2	p	χ^2	p	χ^2	p
Control / permissiveness	20951	0.00	5.93	0.20	7.70	0.02	11.3	0.00	38.6	0.00
Prohibition / restrictions	27827	<i>0.06</i>	2.67	0.61	7.54	0.02	10.7	0.00	7.37	0.02
Intervention / non-intervention	25018	0.00	12.8	0.01	5.76	0.05	9.32	0.01	10.2	0.01
Co-use	27964	<i>0.07</i>	1.23	0.87	0.59	0.74	2.55	0.28	5.51	<i>0.06</i>
Active communication	29998	0.43	11.7	0.02	1.73	0.42	16.2	0.00	1.45	0.48
Psychological comfort of mediation	31420	0.93	1.20	0.88	0.32	0.85	0.53	0.77	1.87	0.39

Note: The statistically significant differences are highlighted in bold, italic font highlights differences at the trend level ($p < 0.10$); U — Mann-Whitney U test; χ^2 — Pearson's chi-square test, p — significance level.

применяют родители с более высоким уровнем образования, воспитывающие детей в полной семье. Эта стратегия чаще применяется в семьях, воспитывающих младших школьников, и переходит в игнорирование по мере взросления детей. Важно отметить, что в наибольшей степени стратегия вмешательства проявляется у родителей, воспитывающих двух детей, а в наименьшей степени тогда, когда ребенок в семье один. Родители с тремя и более детьми занимают промежуточную позицию в использовании данной стратегии. Интересно, что стратегия вмешательства наиболее проявлена в семьях, где воспитываются дети разного пола, тогда как ее применение в семьях, где воспитываются мальчики или девочки, наблюдается в равной степени. Стратегия контроля чаще проявляется в полных семьях, воспитывающих двух детей разного пола. В наименьшей степени контроль

проявляется в семьях, где воспитывается один ребенок, и чаще это девочки. Как и в случае применения стратегии вмешательства, стратегия контроля максимально представлена в семьях младших школьников, тогда как в семьях подростков в большей степени начинает проявляться стратегия потворствования.

Оценка критериальной валидности опросника показала, что его шкалы образуют взаимосвязь как с показателями вовлечения детей в использование гаджетов, так и с отношением родителей к новым технологиям (табл. 5).

Полученные результаты свидетельствуют о прямой связи вовлечения детей в использование мобильных устройств и стратегий совместной деятельности и активной коммуникации. Родители, придерживающиеся стратегии совместной деятельности, раньше приобретают своим детям мобильные устройства, они чаще

Табл. 5. Корреляции между вовлечением ребенка в использование гаджетов, отношением к технологиям, стратегией родительского воспитания и шкалами опросника родительской медиации

Шкалы	Шкалы					
	1	2	3	4	5	6
Возраст, в котором ребенок стал владельцем своего 1 гаджета	0,07*	0,08*	0,03	-0,10**	-0,05	-0,05
Технологичность гаджета	-0,25***	-0,11**	-0,10**	0,19***	0,13***	0,03
Вовлеченность в использование гаджетов	-0,21***	-0,14***	0,15**	0,08*	0,18***	-0,34***
Технофилия	-0,11**	-0,08*	-0,01	0,34***	0,09*	0,12***
Технорационализм	0,07	0,15***	0,04	0,23***	0,21***	0,09*
Технофобия	-0,03	-0,09*	0,08*	-0,15***	-0,09*	-0,26***
Технопессимизм	0,15***	0,13***	0,20***	-0,18***	0,09*	-0,14***
Авторитарный стиль поведения	0,01	-0,03	0,06	-0,11**	-0,04	0,04
Авторитетный стиль поведения	0,11**	0,16***	-0,05	0,12***	0,11**	0,09*
Либеральный стиль поведения	-0,12***	-0,15***	0,01	0,04	-0,02	-0,13***
Индиферентный стиль поведения	-0,10**	-0,11**	0,00	-0,13***	-0,14***	-0,09*

Примечание: 1 — контроль-потворствование; 2 — вмешательство-игнорирование; 3 — запреты и ограничения; 4 — совместная деятельность; 5 — активная коммуникация; 6 — комфортность родительской медиации; * p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001.

Table 5. Correlations between child involvement in device use, attitudes toward technology, and parental mediation questionnaire scales

Scales	Scales					
	1	2	3	4	5	6
Age at first device ownership	0.07*	0.08*	0.03	-0.10**	-0.05	-0.05
Device technological sophistication	-0.25***	-0.11**	-0.10**	0.19***	0.13***	0.03
Device engagement level	-0.21***	-0.14***	0.15**	0.08*	0.18***	-0.34***
Technophilia	-0.11**	-0.08*	-0.01	0.34***	0.09*	0.12***
Technorationalism	0.07	0.15***	0.04	0.23***	0.21***	0.09*
Technophobia	-0.03	-0.09*	0.08*	-0.15***	-0.09*	-0.26***
Technopessimism	0.15***	0.13***	0.20***	-0.18***	0.09*	-0.14***
Authoritarian parenting style	0.01	-0.03	0.06	-0.11**	-0.04	0.04
Authoritative parenting style	0.11**	0.16***	-0.05	0.12***	0.11**	0.09*
Liberal parenting style	-0.12***	-0.15***	0.01	0.04	-0.02	-0.13***
Uninvolved parenting style	-0.10**	-0.11**	0.00	-0.13***	-0.14***	-0.09*

Note: 1 — control / permissiveness; 2 — intervention / non-intervention; 3 — prohibition / restrictions; 4 — co-use; 5 — active communication; 6 — psychological comfort of mediation; * p < 0.05, ** p < 0.01, *** p < 0.001.

предоставляют детям гаджеты более высокого класса технологичности. В целом, более технологичные модели гаджетов обнаруживаются у детей, родители которых чаще используют стратегии потворствования, игнорирования, активной коммуникации и совместной деятельности. В то же время родители, придерживающиеся стратегий контроля, вмешательства, запретов и ограничений, позднее предоставляют

своим детям доступ к гаджетам, причем сами устройства оказываются ограниченными в использовании. Интересно, что родители, придерживающиеся стратегий контроля и вмешательства, отмечают меньшую вовлеченность их детей в использование гаджетов, тогда как родители, использующие стратегию запретов и ограничений, напротив, характеризуют своих детей как более вовлеченных в использование технологий.

В целом, более высокая оценка вовлеченности ребенка в использование гаджетов сопровождается противоречивыми стратегиями родительской медиации, включающими как потворствование и игнорирование, так и запреты и ограничения, что соответствует ранее полученным данным (Исакова 2020; Спасская и др. 2023). Связь стратегий родительской медиации с установками родителей в отношении технологий также обсуждалась в предыдущих исследованиях (Солдатова и др. 2021). Как и в работе Г. У. Солдатовой и коллег, мы обнаружили связь между технофобией и рядом родительских стратегий, включая прямые связи с запретами и ограничениями, обратные связи с вмешательством, совместной деятельностью, активной коммуникацией. Технофилия обратно связана со стратегиями контроля, вмешательства, однако прямо коррелирует со стратегиями активной коммуникации и совместной деятельности. Прямые связи с двумя последними стратегиями образует и технорационализм, наряду с использованием стратегии вмешательства в рискованное цифровое поведение ребенка. В свою очередь, комфортность родительской медиации сопровождается большей выраженностью технофилии и технорационализма, тогда как технофобия и технопессимизм связаны с нарастанием дискомфорта в детско-родительских отношениях по вопросам использования гаджетов. Стили родительского поведения также опосредуют стратегии медиации цифрового поведения детей. Так, стратегии контроля и вмешательства связаны с проявлением авторитетного стиля поведения родителей, тогда как либеральный (гипоопекающий) и индифферентный стили родительского поведения сопровождаются попустительством и игнорированием рискованного цифрового поведения детей. Стратегия совместной деятельности в большей степени проявляется у родителей, придерживающихся авторитетного стиля поведения, тогда как родители с авторитарным и индифферентным стилем поведения реже включают в совместную деятельность с детьми по освоению цифровых технологий. Авторитетный стиль родительского поведения также связан с более активной коммуникацией с ребенком и большей комфортностью медиации цифрового поведения детей. В то же время индифферентный стиль родительского поведения связан со снижением активности коммуникации и переживанием дискомфорта медиации цифрового поведения детей. Дискомфортность родительской медиации также переживают участники исследования, придерживающиеся либерального (гипоопекающего) стили родительского поведения.

Заключение

Проведенное исследование было посвящено разработке и психометрической проверке опросника родительской медиации, базирующегося на интегрирующей методологии. Итоговая версия опросника состоит из 28 пунктов и включает шесть шкал, пять из которых отражают стратегии родительской медиации, а одна шкала характеризует психологический комфорт ее осуществления. Опросник показал достаточные для его применения характеристики надежности и валидности. Содержательная валидность опросника определена теоретическим конструктом исследования, в основу которого легли два ключевых теоретических подхода к определению родительской медиации, обращенных к паттернам родительского поведения и характеру детско-родительских отношений в ходе медиации цифрового поведения ребенка. Факторная валидность и одномоментная надежность предложенного инструмента подтвердилась в ходе проведения статистического анализа. Критериальная валидность подтверждается характером связей стратегий родительской медиации и родительских действий по вовлечению ребенка в использование гаджетов, стилями их родительского поведения, а также отношением к технологиям.

Результаты апробации опросника родительской медиации позволяют рекомендовать его использование в рамках консультирования родителей по вопросам цифровой социализации детей, а также разработки программ формирования цифровой родительской компетентности.

Исследование имеет ряд ограничений. Первое из них связано с преобладанием матерей среди выборки родителей, привлеченных к исследованию. Перспективным представляется проверка психометрических свойств опросника на выборке отцов школьников. Вторым ограничением исследования является его география, что может приводить к недоучету региональных факторов. Дальнейшее развитие предложенного инструмента предполагает проверку его чувствительности к социокультурным и контекстным факторам на более широких и разнообразных по социально-демографическим признакам выборках апробации. Третье ограничение накладывается тем обстоятельством, что в исследовании не учитывался характер используемого гаджета (компьютер, планшет, смартфон и др.), цели и условия его использования ребенком (сидя, лежа, перемещаясь и т. п.). Интересным продолжением исследования представляется сопоставительный

анализ стратегий родительской медиации различных форм цифрового поведения ребенка. Наконец, ограничение исследования связано с характером использованного инструментария, построенного на самоотчетах испытуемых.

Предполагается, что модификация предложенного инструмента в целях оценки стратегий родительской медиации школьниками усилит возможности объективизации результатов исследования.

Приложение

Опросник родительской медиации

Инструкция: Ниже приведены утверждения, касающиеся того, как родители реагируют на использование их детьми мобильных устройств (гаджетов). Выберите, пожалуйста, наиболее подходящий для Вас вариант ответа и отметьте его любым знаком (галочкой, плюсом и т. п.).

<i>I. В какой степени Вы согласны со следующими утверждениями?</i>	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скорее согласен	Полностью согласен
1. Я позволяю своему ребенку использовать его гаджеты так часто, как ему/ей хочется					
2. Я позволяю своему ребенку использовать гаджеты любым способом, как ему/ей захочется					
3. Я позволяю своему ребенку использовать гаджеты столько времени, сколько он(а) хочет					
4. Я позволяю своему ребенку использовать любые мобильные приложения					
5. Я позволяю своему ребенку общаться с помощью гаджетов с любимыми людьми					
6. Я настраиваю гаджеты моего ребенка для осуществления родительского контроля					
7. Я отслеживаю использование гаджета моим ребенком через контроль экранного времени	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Постоянно
<i>II. Как часто Вы говорите своему ребенку...</i>	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Постоянно
8. Тебе запрещается брать в руки гаджет на определенный период					
9. Ты должен использовать гаджет не больше определенного времени					
10. Тебе нужно прямо сейчас отложить свой гаджет					
11. Ты должен выключить свой гаджет					
12. Отдай мне свой гаджет, я забираю его на время					
<i>III. Если бы Ваш ребенок стал использовать свой гаджет все время в выходные дни, Вы...</i>	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скорее согласен	Полностью согласен
13. Позволили бы это					
14. Начали бы делать замечания					
15. Запретили бы это					
16. Вмешались в его/ее занятия					
17. Начали бы объяснять, почему не надо этого делать					

IV. Как часто Вы обсуждаете с детьми следующие темы?	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Постоянно
18. Что он(она) делает со своим гаджетом, чем там занимается					
19. Сколько времени он(она) проводит за своим гаджетом					
20. С кем он(она) общается с помощью своего гаджета					
V. Когда Вы разговариваете со своими детьми о том, как они используют мобильные устройства, Вы...	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скорее согласен	Полностью согласен
21. Чувствуете себя комфортно					
22. Чувствуете, что Вас понимают					
23. Чувствуете, что ребенок принимает разговор всерьез					
VI. Как часто Вы ...	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Постоянно
24. Осваиваете вместе с ребенком новые мобильные приложения					
25. Показываете, как использовать гаджет для учебы					
26. Даете какие-либо полезные подсказки касательно использования гаджетов					
27. Просите у ребенка какие-нибудь полезные подсказки касательно использования гаджетов					
28. Экспериментируете и пробуете с ребенком все новое, что можно сделать с гаджетом (функции, настройки, приложения и т. п.)					

Способ обработки

Перевод шкальных оценок в баллы осуществляется следующим образом:

Для шкал частот:

Тип вопроса	Никогда	Редко	Иногда	Часто	Постоянно
Прямой	1	2	3	4	5
Обратный	5	4	3	2	1

Для шкал согласия:

Тип вопроса	Абсолютно не согласен	Скорее не согласен	В чем-то согласен, в чем-то нет	Скорее согласен	Полностью согласен
Прямой	1	2	3	4	5
Обратный	5	4	3	2	1

Ключ к шкалам опросника

Шкалы опросника	Прямые вопросы	Обратные вопросы	Максимальный балл
Контроль-потворствование	6, 7	1, 2, 3, 4, 5	35
Запреты и ограничения	8, 9, 10, 11, 12		25
Вмешательство-игнорирование	14, 15, 16, 17	13	25
Совместная деятельность	24, 25, 26, 27, 28		25
Активная коммуникация	18, 19, 20		15
Комфортность медиации	21, 22, 23		15

Общий показатель по шкале определяется как процентное соотношение суммы баллов испытуемого к максимальному баллу по шкале.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Заявление о доступности данных

Данные доступны по запросу, адресованному автору-корреспонденту.

Data Availability Statement

The data are available upon request submitted to the corresponding author.

Вклад авторов

Проект Ю. Л. — разработка методологии исследования; анализ результатов, редактирование текста статьи; Спасская Е. Б. — формулирование исследовательских целей и задач, анализ теоретических источников; Иванушкина Н. О. — сбор данных, визуализация данных; Сидненко Е. В. — математико-статистический анализ данных, подготовка черновика рукописи.

Author Contributions

The authors have made an equal contribution to the preparation of the manuscript of the article:

Yu. L. Proekt — development of the research methodology; analysis of the results, editing of the article text; E. B. Spasskaya — formulation of research objectives and tasks, analysis of theoretical sources; N. O. Ivanushkina — data collection, data visualization; E. V. Sidnenko — mathematical and statistical data analysis, preparation of the manuscript draft.

Литература

- Андреева, А. Д. (2018) Информационная среда как фактор социальной ситуации развития современного ребенка. *Научный диалог*, № 3, с. 234–252. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-234-252>
- Бесчасная, А. А. (2019) Исследование префигуративных аспектов современного детства. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, т. 12, № 4, с. 297–316. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.401>
- Богдановская, И. М., Проект, Ю. Л., Богдановская, А. Б. (2013) Роль информационно-коммуникационной среды в процессе социализации детей и подростков. *Психологическая наука и образование*, т. 18, № 6, с. 49–56. EDN: [SENSRJ](https://www.edn.ru/SENSRJ)
- Денисенкова, Н. С., Тарунтаев, П. И., Федоров, В. В. (2023) Адаптация опросника родительского посредничества детской медиа-активности Г. Нимрод, Д. Лемиш, Н. Элиас на российской выборке родителей старших дошкольников. *Психолого-педагогические исследования*, т. 15, № 3, с. 96–114. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2023150307>
- Исакова, И. А. (2020) Трансформация родительства в эпоху гаджетизации практик взаимодействия школьников. *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*, № 1 (57), с. 95–101. EDN: [AQFBMH](https://www.edn.ru/AQFBMH)
- Марциновская, Т. Д. (2015) Психическое развитие современного дошкольника — константы и трансформации. *Мир психологии*, № 1 (81), с. 42–53. EDN: [TYNRDX](https://www.edn.ru/TYNRDX)
- Осорина, М. В. (2011) *Секретный мир детей в пространстве мира взрослых*. СПб.: Питер, 359 с.
- Поливанова, К. Н., Бочавер, А. А., Павленко, К. В. (2020) Развитие поведенческой автономии подростков и родительский контроль на примере независимых перемещений по городу. *Современная зарубежная психология*, т. 9, № 4, с. 45–55. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090404>
- Руднова, Н. А., Корниенко, Д. С., Волкова, Е. Н., Исаева, О. М. (2023) Цифровая родительская медиация и ее связь с показателями психологического благополучия детей школьного возраста. *Наука телевидения*, т. 19, № 1, с. 175–198. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198>
- Солдатова, Г. У., Нестик, Т. А., Рассказова, Е. И., Дорохов, Е. А. (2021) Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей. *Социальная психология и общество*, т. 12, № 4, с. 170–188. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120410>

- Солдатова, Г. У., Рассказова, Е. И. (2019) Неосведомленность родителей о столкновении подростков с рисками в интернете: содержание и психологические факторы. *Психологический журнал*, т. 40, № 1, с. 71–83. <https://doi.org/10.31857/S020595920002251-2>
- Спасская, Е. Б., Проект, Ю. А., Иванушкина, Н. О. (2023) Что думают родители о значении мобильных устройств в обучении их детей: роль установок и родительской медиации. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 4, с. 536–555. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-4-536-555>
- Степанов, С. С. (2000) Стратегии семейного воспитания. *Школьный психолог*, № 8, с. 21–22.
- Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2021) Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей. *Системная психология и социология*, № 2 (38), с. 41–55. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.38.2.04>
- Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2023) Факторная структура короткой версии опросника оценки незащищенности от кибербуллинга. *Системная психология и социология*, № 1 (45), с. 18–30. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2023.45.1.02>
- Blackwell, L., Gardiner, E., Schoenebeck, S. (2016) Managing expectations: Technology tensions among parents and teens. In: *Proceedings of the 19th ACM Conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing*. San Francisco: ACM Publ., pp. 1390–1401. <https://doi.org/10.1145/2818048.2819928>
- Fox, A. K., Hoy, M. G. (2019) Smart devices, smart decisions? Implications of parents' sharenting for children's online privacy: An investigation of mothers. *Journal of Public Policy & Marketing*, vol. 38, no. 4, pp. 414–432. <https://doi.org/10.1177/0743915619858290>
- Fu, X., Liu, J., Liu, R.-D. et al. (2020) Parental monitoring and adolescent problematic mobile phone use: The mediating role of escape motivation and the moderating role of shyness. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 5, article 1487. <https://doi.org/10.3390/ijerph17051487>
- Herring, S. C. (2008) Questioning the Generational Divide: Technological Exoticism in Adult Construction of online youth identity. In: D. Buckingham (ed.). *Youth, Identity, and Digital Media*. Cambridge: The MIT Press, pp. 71–92. <https://doi.org/10.1162/dmal.9780262524834.071>
- Koning, I. M., Peeters, M., Finkenauer, C., Van Den Eijnden, R. J. (2018) Bidirectional effects of Internet-specific parenting practices and compulsive social media and Internet game use. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 7, no. 3, pp. 624–632. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1556/2006.7.2018.68>
- Livingstone, S., Haddon, L., Görzig, A., Ólafsson, K. (2011) *Risks and safety on the internet: The perspective of European children. Full Findings*. London: EU Kids Online Publ. [Online]. Available at: <https://eprints.lse.ac.uk/33731/1/Risks%20and%20safety%20on%20the%20internet%28lsero%29.pdf> (accessed 10.09.2024).
- Livingstone, S., Helsper, E. J. (2008) Parental mediation of children's internet use. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, vol. 52, no. 4, pp. 581–599. <https://doi.org/10.1080/08838150802437396>
- Lukavská, K., Vacek, J., Hrabec, O. et al. (2021) Measuring parental behavior towards children's use of media and screen-devices: The development and psychometrical properties of a media parenting scale for parents of school-aged children. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, no. 17, article 9178. <https://doi.org/10.3390/ijerph18179178>
- Lwin, M. O., Stanaland, A. J. S., Miyazaki, A. D. (2008) Protecting children's privacy online: How parental mediation strategies affect website safeguard effectiveness. *Journal of Retailing*, vol. 84, no. 2, pp. 205–217. <https://doi.org/10.1016/j.jretai.2008.04.004>
- Plowman, L., Stephen, C., McPake, J. (2010) *Growing Up with Technology: Young children learning in a digital world*. London: Routledge Publ., 192 p. <https://doi.org/10.4324/9780203863619>

References

- Andreeva, A. D. (2018) Informatsionnaya sreda kak faktor sotsial'noj situatsii razvitiya sovremennogo rebenka [The information environment as a factor of the social situation of the development of a modern child]. *Nauchnyj dialog*, no. 3, pp. 234–252. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2018-3-234-252> (In Russian)
- Beschasnaya, A. A. (2019) Issledovanie prefigurativnykh aspektov sovremennogo detstva [Research of modern childhood's prefigurative aspects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya — Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, vol. 12, no. 4, pp. 297–316. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.401> (In Russian)
- Blackwell, L., Gardiner, E., Schoenebeck, S. (2016) Managing expectations: Technology tensions among parents and teens. In: *Proceedings of the 19th ACM Conference on Computer-Supported Cooperative Work & Social Computing*. San Francisco: ACM Publ., pp. 1390–1401. <https://doi.org/10.1145/2818048.2819928> (In English)
- Bogdanovskaya, I. M., Proekt, Yu. L., Bogdanovskaya, A. B. (2013) Rol' informatsionno-kommunikatsionnoj sredy v protsesse sotsializatsii detej i podrostkov [The role of information and communication environment in the socialization process of children and adolescents]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie — Psychological Science and Education*, vol. 18, no. 6, pp. 49–56. (In Russian)
- Fox, A. K., Hoy, M. G. (2019) Smart devices, smart decisions? Implications of parents' sharenting for children's online privacy: An investigation of mothers. *Journal of Public Policy & Marketing*, vol. 38, no. 4, pp. 414–432. <https://doi.org/10.1177/0743915619858290> (In English)

- Denisenkova, N. S., Taruntaev, P. I., Fedorov, V. V. (2023) Adaptatsiya oprosnika roditel'skogo posrednichestva detskoj media-aktivnosti G. Nimrod, D. Lemish, N. Elias na rossijskoj vyborke roditel'ev starshikh doshkol'nikov [Adaptation of the Questionnaire Parental Mediation of Children's Media Activity by G. Nimrod, D. Lemish, N. Elias on a Russian Sample of Parents of Older Preschoolers]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya — Psychological-Educational Studies*, vol. 15, no. 3, pp. 96–114. <https://doi.org/10.17759/psedu.2023150307> (In Russian)
- Fu, X., Liu, J., Liu, R.-D. et al. (2020) Parental monitoring and adolescent problematic mobile phone use: The mediating role of escape motivation and the moderating role of shyness. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 5, article 1487. <https://doi.org/10.3390/ijerph17051487> (In English)
- Herring, S. C. (2008) Questioning the Generational Divide: Technological Exoticism in Adult Construction of online youth identity. In: D. Buckingham (ed.). *Youth, Identity, and Digital Media*. Cambridge: The MIT Press, pp. 71–92. <https://doi.org/10.1162/dmal.9780262524834.071> (In English)
- Isakova, I. A. (2020) Transformatsiya roditel'stva v epokhu gadzhetizatsii praktik vzaimodejstviya shkol'nikov [Transformation of parenthood in the era of gadgetization of schoolchildren's interaction practices]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki — Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*, no. 1 (57), pp. 95–101. (In Russian)
- Koning, I. M., Peeters, M., Finkenauer, C., Van Den Eijnden, R. J. (2018) Bidirectional effects of Internet-specific parenting practices and compulsive social media and Internet game use. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 7, no. 3, pp. 624–632. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1556/2006.7.2018.68> (In English)
- Livingstone, S., Haddon, L., Görzig, A., Ólafsson, K. (2011) *Risks and safety on the internet: The perspective of European children. Full Findings*. London: EU Kids Online Publ. [Online]. Available at: <https://eprints.lse.ac.uk/33731/1/Risks%20and%20safety%20on%20the%20internet%28lsero%29.pdf> (accessed 10.09.2024). (In English)
- Livingstone, S., Helsper, E. J. (2008) Parental mediation of children's internet use. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, vol. 52, no. 4, pp. 581–599. <https://doi.org/10.1080/08838150802437396> (In English)
- Lukavská, K., Vacek, J., Hrabec, O. et al. (2021) Measuring parental behavior towards children's use of media and screen-devices: The development and psychometrical properties of a media parenting scale for parents of school-aged children. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 18, no. 17, article 9178. <https://doi.org/10.3390/ijerph18179178> (In English)
- Lwin, M. O., Stanaland, A. J. S., Miyazaki, A. D. (2008) Protecting children's privacy online: How parental mediation strategies affect website safeguard effectiveness. *Journal of Retailing*, vol. 84, no. 2, pp. 205–217. <https://doi.org/10.1016/j.jretai.2008.04.004> (In English)
- Martsinovskaya, T. D. (2015) Psikhicheskoe razvitie sovremennogo doshkol'nika — konstanty i transformatsii [Mental development of a modern preschooler — constants and transformations]. *Mir psikhologii — World of Psychology*, no. 1 (81), pp. 42–53.
- Osorina, M. V. (2011) *Sekretnyj mir detej v prostranstve mira vzroslykh [Secret world of children in the space the adult world]*. Saint-Petersburg: Piter Publ., 359 p. (In Russian)
- Plowman, L., Stephen, C., McPake, J. (2010) *Growing Up with Technology: Young children learning in a digital world*. London: Routledge Publ., 192 p. <https://doi.org/10.4324/9780203863619> (In English)
- Polivanova, K. N., Bochaver, A. F., Pavlenko, K. V. (2020) Razvitie povedencheskoj avtonomii podrostkov i roditel'skij kontrol' na primere nezavisimyx peremeshhenij po gorodu [The development of adolescent behavioral autonomy and parental control on the example of independent city movements]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya — Journal of Modern Foreign Psychology*, vol. 9, no. 4, pp. 45–55. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2020090404> (In Russian)
- Rudnova, N. A., Kornienko, D. S., Volkova, E. N., Isaeva, O. M. (2023) Tsifrovaya roditel'skaya mediatsiya i ee svyaz' s pokazatelyami psikhologicheskogo blagopoluchiya detej shkol'nogo vozrasta [Parental digital mediation and its association with the psychological well-being in school-age children]. *Nauka Televidenya — The Art and Science of Television*, vol. 19, no. 1, pp. 175–198. <https://doi.org/10.30628/1994-9529-2023-19.1-175-198> (In Russian)
- Sheinov, V. P., Devitsyn, A. S. (2021). Razrabotka nadezhnogo i validnogo oprosnika zavisimosti ot sotsial'nykh setej [Development of a reliable and valid social media addiction questionnaire]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya — Systems Psychology and Sociology*, no. 2 (38), pp. 41–55. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.38.2.04> (In Russian)
- Sheinov, V. P., Devitsyn, A. S. (2023) Faktornaya struktura korotkoj versii oprosnika otsenki nezashchishchennosti ot kiberbullinga [The factor structure of the short version of the Cyberbullying Vulnerability Assessment Questionnaire]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya — Systems Psychology and Sociology*, no. 1 (45), pp. 18–30. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2023.45.1.02> (In Russian)
- Soldatova, G. U., Nestik, T. A., Rasskazova, E. I., Dorokhov, E. A. (2021) Psikhodiagnostika tekhnofobii i tekhnofilii: razrabotka i aprobatsiya oprosnika otnosheniya k tekhnologiyam dlya podrostkov i roditel'ev [Psychodiagnostics of technophobia and technophilia: Development and testing a questionnaire of attitudes towards technology for adolescents and parents]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 12, no. 4, pp. 170–188. <https://doi.org/10.17759/sps.2021120410> (In Russian)

- Soldatova, G. U., Rasskazova, E. I. (2019) Neosvedomlennost' roditel'ev o stolknovenii podrostkov s riskami v internete: sodержanie i psikhologicheskie faktory [Parental unawareness about online risks in adolescence: Relevance and psychological factors]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 40, no. 1, pp. 71–83. <https://doi.org/10.31857/S020595920002251-2> (In Russian)
- Spasskaya, E. B., Proekt, Yu. L., Ivannushkina, N. O. (2023) Chto dumayut roditeli o znachenii mobil'nykh ustroystv v obuchenii ikh detej: rol' ustanovok i roditel'skoj mediatsii [What do parents think about the implication of mobile devices in the learning agency of their children: The role of attitudes and parental mediation]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 5, no. 4, pp. 536–555. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-4-536-555> (In Russian)
- Stepanov, S. S. (2000) Strategii semejnogo vospitaniya [Family parenting strategies]. *Shkol'nyj psikholog*, no. 8, pp. 21–22. (In Russian)

Сведения об авторах

Юлия Львовна Проект, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности и информационных технологий в образовании, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

SPIN-код: 5532-5143, Scopus AuthorID: 57197748967, ORCID: 0000-0002-1914-9118, e-mail: proekt.jl@gmail.com

Елена Борисовна Спасская, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского института педагогических проблем образования, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

SPIN-код: 9394-9346, Scopus AuthorID: 58556901300, ORCID: 0009-0005-7425-8236, e-mail: spasskaya_e@mail.ru

Нина Олеговна Иванушкина, магистр образования, инженер-исследователь института психологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

SPIN-код: 9337-9475, Scopus AuthorID: 59315404300, ORCID: 0009-0000-1914-6059, e-mail: ninaivanushkina@herzen.spb.ru

Елена Вадимовна Сидненко, бакалавр образования, лаборант-исследователь института психологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

SPIN-код: 2893-8192, Scopus AuthorID: 59902211100; ORCID: 0009-0002-0440-5390, e-mail: esidnenko@herzen.spb.ru

Authors

Yuliya L. Proekt, Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of Psychology of Professional Activity and ICT in education, Herzen State Pedagogical University of Russia

SPIN: 5532-5143, Scopus AuthorID: 57197748967, ORCID: 0000-0002-1914-9118, e-mail: proekt.jl@gmail.com

Elena B. Spasskaya, Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor, Leading researcher at the research institute of pedagogical problems of education, Herzen State Pedagogical University of Russia

SPIN: 9394-9346, Scopus AuthorID: 58556901300, ORCID: 0009-0005-7425-8236, e-mail: spasskaya_e@mail.ru

Nina O. Ivanushkina, Master of Education, Research Engineer, Institute of Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia

SPIN: 9337-9475, Scopus AuthorID: 59315404300, ORCID: 0009-0000-1914-6059, e-mail: ninaivanushkina@herzen.spb.ru

Elena V. Sidnenko, Bachelor of Education, Research Assistant, Institute of Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia

SPIN: 2893-8192, Scopus AuthorID: 59902211100; ORCID: 0009-0002-0440-5390, e-mail: esidnenko@herzen.spb.ru

УДК 159.9 + 316.6

EDN TQEMFV

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-184-196>

Научная статья

Когнитивные корреляты оценок новостной информации, представленной в сети Интернет, у подростков с разным содержанием патриотических установок

Л. А. Цветкова^{1,2,3}, А. В. Микляева¹, О. М. Самойлов^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал, 190008, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16

³ Российская академия образования, 119121, Россия, г. Москва, ул. Погодинская, д. 8

Для цитирования: Цветкова, Л. А., Микляева, А. В., Самойлов, О. М. (2025) Когнитивные корреляты оценок новостной информации, представленной в сети Интернет, у подростков с разным содержанием патриотических установок. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 2, с. 184–196. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-184-196> EDN TQEMFV

Получена 6 ноября 2024; прошла рецензирование 30 ноября 2024; принята 4 декабря 2024.

Финансирование: Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках гранта № 23-28-00482*.

Права: © Л. А. Цветкова, А. В. Микляева, О. М. Самойлов (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. В современной социально-политической ситуации возрастает актуальность изучения способов обработки подростками разнородной новостной информации, получаемой ими из разнообразных интернет-источников, обеспечивающих формирование конструктивных патриотических установок. Цель представленного в статье эмпирического исследования заключалась в выявлении когнитивных коррелятов оценок новостной информации, представленной в сети Интернет, у подростков с разным содержанием патриотических установок.

Материалы и методы. Для сбора эмпирических данных применялись методы анкетирования и тестирования, представленного подростковой версией опросника конструктивного патриотизма С. В. Васильевой и А. В. Микляевой, методикой «Идеальный компьютер» Э. Г. Гельфмана, М. А. Холодной и Л. Н. Демидовой, а также опросником интуитивного стиля С. Эпстайна. В исследовании приняли участие 342 респондента (100 юношей и 242 девушки в возрасте 13–18 лет), из которых на основании результатов опросника конструктивного патриотизма были сформированы две контрастные группы, уравненные по возрастно-половому составу: подростки с преобладанием слепого патриотизма (n = 113) и подростки с преобладанием конструктивного патриотизма (n = 117 респондентов).

Результаты. Для подростков (независимо от содержания патриотических установок) характерна низкая дифференцированность оценок новостной информации, представленной в интернет-пространстве. Подростки, для которых характерны конструктивные патриотические установки, используют большее количество информационных интернет-источников, оценивают новостную информацию как более значимую, достоверную и оперативную, а также более вовлечены в ее самостоятельную переработку, в сравнении с подростками с выраженными установками слепого патриотизма, опираясь на такие когнитивные ресурсы, как открытость познавательной позиции и познавательная децентрация.

Заключение. В работе, направленной на формирование конструктивных патриотических установок в подростковой среде, целесообразно помимо прочих решать задачи, связанные с обучением подростков

* <https://rscf.ru/project/23-28-00482/>

критическому и рефлексивному осмыслению новостей, их активной когнитивной обработке и формированию самостоятельных суждений и оценок на ее основе.

Ключевые слова: конструктивный патриотизм, оценка новостной информации, подростки, открытость познавательной позиции, познавательная децентрация, интуитивный познавательный стиль

Research article

Cognitive correlates of online news evaluation in adolescents with varied patriotic attitude profiles

L. A. Tsvetkova^{1,2,3}, A. V. Miklyaeva¹, O. M. Samoilov^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

² Higher School of Economics in Saint Petersburg, 16 Soyuz Pechatnikov Str., Saint Petersburg 190008, Russia

³ Russian Academy of Education, 8 Pogodinskaya Str., Moscow 119121, Russia

For citation: Tsvetkova, L. A., Miklyaeva, A. V., Samoilov, O. M. (2025) Cognitive correlates of online news evaluation in adolescents with varied patriotic attitude profiles. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 2, pp. 184–196. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-184-196> EDN TQEMFV

Received 6 November 2024; reviewed 30 November 2024; accepted 4 December 2024.

Funding: This study was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project No. 23-28-00482*.

Copyright: © L. A. Tsvetkova, A. V. Miklyaeva, O. M. Samoilov (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. In the current socio-political climate, understanding how adolescents process heterogeneous online news is critical for fostering constructive patriotic attitudes. This study identifies cognitive correlates of news evaluation among adolescents with differing patriotic attitude profiles.

Materials and Methods. Empirical data were collected via: Vasileva and Miklyaeva's Adolescent Constructive Patriotism Questionnaire; Gelfman, Kholodnaya, and Demidova's Ideal Computer Method; and Epstein's Intuitive Style Questionnaire. Participants included 342 adolescents (100 male, 242 female; aged 13–18), stratified into two age/gender-matched groups: blind patriotism (n=113) and constructive patriotism (n = 117).

Results. Adolescents universally showed low differentiation in online news evaluations. Unlike the blind patriotism groups, those with constructive patriotism consulted more diverse information sources, rated news as more significant, reliable, and timely, and demonstrated greater independent processing. These outcomes correlated with an open mindset and cognitive decentration.

Conclusion. Fostering constructive patriotism should incorporate training in critical news analysis, active cognitive engagement, and independent judgment formation.

Keywords: constructive patriotism, evaluation of news, adolescents, open mindset, cognitive decentration, intuitive cognitive style

Введение

На фоне увеличения внимания к проблемам патриотического воспитания подростков и молодежи возрастает исследовательский интерес к способам обработки новостной информации, обеспечивающей ориентацию в текущей социально-политической ситуации. Согласно недавним исследованиям, для российских подростков основным источником такой информации является сеть Интернет, к которой подростки обращаются за актуальной новостной информацией более чем в два раза чаще, чем к просмотру телевизионных новостных передач, и существенно чаще, чем к радиопередачам или

печатным средствам массовой информации (Васильева, Микляева 2024а). Несмотря на то что наиболее востребованными видами информации, представленной в Интернете, для подростков является информация развлекательная и образовательная (Тачалова, Парфенова 2022), именно интернет-источники сегодня выступают в качестве ключевых информационных ресурсов, формирующих представления подростков об актуальной социально-политической повестке. Более того, эмпирические данные свидетельствуют о том, что Интернет является сегодня мощным инструментом воздействия на становление гражданской позиции молодых людей (Zhide et al. 2022). Гражданская позиция

в свою очередь определяет способы интерпретации социально-политической информации, получаемой из различных источников. В связи с этим сегодня широко обсуждаются различные стратегии информационной социализации подростков, включая стратегии ограничения их доступа к определенным новостным источникам (например, Симонова, Лифинцева 2022), однако научных данных, которые могли бы обосновать или опровергнуть целесообразность их реализации, на сегодняшний день недостаточно.

Исследования, проводящиеся в обозначенном предметном поле в зарубежной психологии на протяжении последних десятилетий, убедительно свидетельствуют о том, что отношение к новостной информации социально-политического характера опосредуется широким спектром социально-психологических факторов, в числе которых значимую роль играет отношение к своей стране, отражающееся в содержании патриотических установок. Так, в рамках концепции Р. Шатца и соавторов дифференцируются слепой и конструктивный патриотизм, одинаково опирающиеся на привязанность к своей стране, но различающиеся степенью готовности к реальным действиям на ее благо. В исследовании показано, что носители конструктивных патриотических установок демонстрируют более выраженную избирательность в отношении информационных источников и предпочитают самостоятельно синтезировать картину происходящего на основе обобщения разнородной информации. В свою очередь слепой патриотизм связан с ориентацией на информацию, транслируемую государственными информационными источниками (Schatz 2020; Schatz et al. 1999). При этом показано, что конструктивный патриотизм поддерживается чувством справедливости происходящего, находящим отражение в интерпретации актуальной новостной повестки (Moon, Travaglini 2024). Ключевую роль в данном контексте играет доверие к новостной информации, которое определяет степень влияния информационных потоков на суждения и поведение реципиентов (Prochazka, Schweiger 2018) в случае, если информация оценивается как объективная и достоверная (Купрейченко, Шляхова 2012).

Исследования показывают, что современные российские подростки и молодежь ориентированы на формирование конструктивного гражданского патриотизма (Васильева, Микляева 2024b). Для разработки надежных инструментов психологического сопровождения становления конструктивного патриотизма в подростковой и молодежной среде необходимо детальное

изучение факторов успешности ориентации молодых людей в разнородных информационных потоках, представленных в сети Интернет. Успешная ориентация в таких потоках позволяет им выстраивать внутренне непротиворечивую картину происходящего. Эта картина, в свою очередь, детерминирует просоциальную активность подростков и молодежи, в том числе влияет на когнитивные факторы, определяющие возможность продуктивной обработки новостной информации, представленной в интернет-источниках в «клиповом» (Микляева и др. 2023) формате. В литературе представлены эмпирические данные, свидетельствующие о том, что в числе когнитивных предпосылок конструктивного патриотизма, обеспечивающих обработку новостной информации социально-политического характера, могут рассматриваться критическое мышление (Кава 2022; Williams et al. 2008; Yazıcı et al. 2016), а также рефлексивное мышление, противопоставляемое интуитивному, которое в большей степени поддерживает слепые патриотические установки (Kołeczek et al. 2022; Syuhada Ginting et al. 2019). В период пандемии covid-19 были получены данные о том, что люди с высокой выраженностью слепого патриотизма (в терминологии авторов упомянутого исследования — патриотизма-прославления) выражали негативное отношение к повышению осведомленности сограждан и расширению новостных источников об актуальных социально значимых проблемах (Rupar et al. 2021).

Однако необходимо отметить, что упомянутые эмпирические результаты получены на выборках студентов и взрослых людей. Это не позволяет переносить выявленные в них закономерности на подростковый возраст в связи с тем, что критическое мышление и когнитивная рефлексия на этом возрастном этапе находятся в процессе активного формирования (Dharmastuti et al. 2020), в связи с этим, возможно, не обеспечиваются в полной мере процессы обработки новостной информации.

Сказанное выше определило цель представленного в статье исследования. Она заключалась в выявлении когнитивных коррелятов оценок новостной информации, представленной в сети Интернет, у подростков с разным содержанием патриотических установок. В ходе исследования осуществлялся поиск ответов на следующие вопросы:

1. Существуют ли различия в оценке новостной информации между подростками с разными по содержанию патриотическими установками?

2. Какие особенности когнитивной сферы поддерживают доверие к новостной информации в подгруппах подростков, в которых преобладают конструктивные и слепые патриотические установки?

Материалы и методы

Для изучения отношения к новостной информации использовалась анкета, составленная на основе «Шкалы доверия к средствам массовой информации» (Prochazka, Schweiger 2018). Респондентам предлагалось выразить степень согласия с пунктами анкеты с помощью пятибалльной шкалы Ликерта. С целью сокращения количества переменных, полученных с помощью анкетирования, был осуществлен эксплораторный факторный анализ с применением метода главных компонент, использовалось фактор-

ное решение с ортогональной ротацией (Varimax). Результаты представлены в таблице 1.

По результатам анализа было выделено три фактора: первый фактор получил название «Оперативность появления новостной информации в Интернете» (утверждения 1, 2, 3, 6), второй — «Достоверность новостной информации, представленной в Интернете» (утверждения 7, 8, 9), а третий — «Значимость информации, представленной в Интернете» (утверждения 4, 5). Для проверки внутренней согласованности производился расчет коэффициента альфа Кронбаха. Все обозначенные факторы имеют высокое значение α (0,90; 0,88 и 0,82 соответственно), что позволило использовать их для выделения соответствующих шкал в структуре анкеты.

Помимо указанных выше вопросов, в анкету были включены пункты, позволяющие оценить

Табл. 1. Факторное отображение оценок подростками новостной информации, представленной в сети Интернет

Утверждения анкеты	Факторы		
	1	2	3
1. В Интернете уделяется достаточно внимания важным новостям	0,851	0,224	0,214
2. Важная новостная информация появляется в Интернете достаточно быстро	0,868	0,231	0,200
3. Интернет позволяет ознакомиться с широким спектром новостей	0,850	0,243	0,245
4. В Интернете выделяются самые главные аспекты новостной ленты	0,478	0,244	0,742
5. Интернет-новости сфокусированы на самых важных событиях	0,237	0,373	0,826
6. В Интернете каждая новость представлена с разных точек зрения	0,624	0,307	0,385
7. Новостная информация, представленная в Интернете, соответствует действительности	0,214	0,861	0,222
8. В Интернете представлена достоверная новостная информация	0,242	0,857	0,219
9. Я получаю в Интернете правдивую новостную информацию	0,290	0,786	0,254
<i>Вклад фактора в дисперсию переменных</i>	<i>34,2 %</i>	<i>28,3 %</i>	<i>18,8 %</i>

Table 1. Factor structure of adolescents' online news evaluation

Questionnaire item	Factors		
	1	2	3
1. The Internet provides adequate coverage of important news	0.851	0.224	0.214
2. Important news appears online with sufficient timeliness	0.868	0.231	0.200
3. The Internet offers diverse news perspectives	0.850	0.243	0.245
4. Key aspects of news stories are highlighted online	0.478	0.244	0.742
5. Online news focuses on essential events	0.237	0.373	0.826
6. Internet news presents multiple viewpoints	0.624	0.307	0.385
7. Online news information is truthful	0.214	0.861	0.222
8. The Internet provides reliable news	0.242	0.857	0.219
9. I obtain accurate news online	0.290	0.786	0.254
<i>Factor loadings</i>	<i>34.2 %</i>	<i>28.3 %</i>	<i>18.8 %</i>

субъективную значимость новостной информации (десятибалльная шкала Ликерта), а также количество информационных источников, используемых подростком для ее получения. Для оценки содержания патриотических установок применялась подростковая версия «Опросника конструктивного патриотизма» С. В. Васильевой, А. В. Микляевой (Васильева, Микляева 2023). В качестве инструментария, направленного на диагностику особенностей когнитивной сферы, определяющих характер обработки новостной информации, использовались методика «Идеальный компьютер» Э. Г. Гельфмана, М. А. Холодной, Л. Н. Демидовой (Гельфман и др. 1993) и опросник интуитивного стиля С. Эпстайна (Корнилова, Корнилов 2013). Выбор методики «Идеальный компьютер» был обусловлен отсутствием надежной русскоязычной методики для оценки критического мышления, в то время как параметры «Открытость познавательной позиции» и «Познавательная децентрация», оцениваемые с помощью методики «Идеальный компьютер», могут рассматриваться как характеристики отдельных навыков критического мышления (Paуan-Carreira et al. 2022).

Обработка данных проводилась с помощью пакета прикладных статистических программ Statistica12.0. Статистический анализ включал в себя сравнительный анализ (однофакторный дисперсионный анализ, F) и корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона, r). Правомерность использования параметрических статистик определяется применением шкал Ликерта (Norman 2010) для оценки всех исследуемых параметров, за исключением коэффициентов открытости познавательной позиции и познавательной децентрации.

В исследовании приняли участие 342 респондента, в том числе 100 юношей и 242 девушки

в возрасте 13–18 лет ($M = 16,40$). Участниками исследования выступили учащиеся средних образовательных школ и колледжей Санкт-Петербурга.

На основании ранжирования значений разности (дельты) между показателями слепого и конструктивного патриотизма выборка была разделена на три подгруппы: 1) подростки с преобладанием слепого патриотизма (113 респондентов), 2) подростки с преобладанием конструктивного патриотизма (117 респондентов), а также 3) подростки с неопределенным содержанием патриотических установок (113 респондентов). Различия по возрасту и полу между подгруппами обнаружены не были ($F = 1,17$ и $F = 0,89$ соответственно, $p > 0,05$). В логике метода контрастных групп далее сравнивались две подгруппы: подгруппа подростков с преобладанием конструктивного патриотизма и подгруппа подростков с преобладанием слепого патриотизма.

Результаты

Сравнительный анализ позволил выявить различия в оценке новостной информации подростками, различающимися по содержанию патриотических установок (таблица 2). Подростки, для которых характерны конструктивные патриотические установки, используют большее количество информационных источников и оценивают новостную информацию как более значимую, достоверную и оперативную, в сравнении с подростками с выраженными установками слепого патриотизма.

Помимо этого, с помощью сравнительного анализа было установлено, что для подростков с преобладанием конструктивных патриотических установок свойственны более высокие,

Табл. 2. Сравнительный анализ параметров оценки новостной информации, представленной в сети Интернет, у подростков с разным содержанием патриотических установок

Показатели	Подростки с преобладанием конструктивного патриотизма		Подростки с преобладанием слепого патриотизма		F	p
	M	SD	M	SD		
Значимость новостной информации	5,32	2,87	5,37	2,78	0,18	> 0,05
Количество используемых информационных интернет-источников	4,16	2,36	2,22	1,99	4,02	0,01
Оперативность появления новостной информации	15,77	4,17	12,46	5,03	5,47	0,001
Достоверность новостной информации	21,48	5,27	17,97	7,05	4,31	0,001
Значимость новостной информации	6,79	2,41	5,99	2,61	3,31	0,05

Table 2. Comparative analysis of online news evaluation parameters in adolescents with different patriotic attitude profiles

Parameter	Constructive patriotism group		Blind patriotism group		F	p
	M	SD	M	SD		
Perceived importance of news	5.32	2.87	5.37	2.78	0.18	> 0.05
Number of online information sources used	4.16	2.36	2.22	1.99	4.02	0.01
Perceived timeliness of news	15.77	4.17	12.46	5.03	5.47	0.001
Perceived reliability of news	21.48	5.27	17.97	7.05	4.31	0.001
Self-rated importance of news	6.79	2.41	5.99	2.61	3.31	0.05

в сравнении с подростками, для которых характерно преобладание слепого патриотизма, показатели познавательной децентрации и открытости познавательной позиции; различий в показателях интуитивного мышления обнаружено не было (таблица 3).

Корреляционный анализ позволил выявить структуру взаимосвязей оценки новостной информации с характеристиками когнитивной сферы респондентов (таблица 4). В совокупной выборке коэффициент познавательной децентрации коррелирует со всеми параметрами оценки новостной информации в Интернете: положительно с оценкой оперативности ее появления и достоверности, а также (опосредовано) с оценкой значимости новостной

информации. Связей между оценками новостной информации и коэффициентом познавательной децентрации, а также характеристиками интуитивного мышления не обнаружено.

В подгруппе подростков с преобладанием конструктивных патриотических установок не было отмечено статистически значимых взаимосвязей между параметрами оценки новостной информации и анализируемыми показателями когнитивной сферы. Для подгруппы подростков с преобладанием слепых патриотических установок зафиксированы прямые и опосредованные отрицательные взаимосвязи между оценками новостной информации и параметрами интуитивного мышления.

Табл. 3. Сравнительный анализ характеристик когнитивной сферы подростков с разным содержанием патриотических установок

Показатели	Подростки с преобладанием конструктивного патриотизма		Подростки с преобладанием слепого патриотизма		F	p
	M	SD	M	SD		
Коэффициент познавательной децентрации	15,78	19,77	9,55	11,77	3,90	0,01
Коэффициент открытости познавательной позиции	3,56	9,67	1,68	4,63	2,91	0,05
Интуитивная способность	33,25	6,27	32,56	5,82	1,08	> 0,05
Использование интуиции	32,52	6,65	31,58	6,05	0,92	> 0,05

Table 3. Cognitive characteristics of adolescents with different patriotic attitude profiles

Parameter	Constructive patriotism group		Blind patriotism group		F	p
	M	SD	M	SD		
Cognitive decentration	15.78	19.77	9.55	11.77	3.90	0.01
Open mindset	3.56	9.67	1.68	4.63	2.91	0.05
Intuitive ability	33.25	6.27	32.56	5.82	1.08	> 0.05
Use of intuition	32.52	6.65	31.58	6.05	0.92	> 0.05

Табл. 4. Когнитивные корреляты оценок новостной информации, представленной в сети Интернет, у подростков с разным содержанием патриотических установок

Переменные	1	2	3	4	5	6	7
В целом по выборке							
1. Коэффициент познавательной децентрации	1,00						
2. Коэффициент открытости познавательной позиции	0,03	1,00					
3. Интуитивная способность	0,12	0,06	1,00				
4. Использование интуиции	0,07	0,00	0,60*	1,00			
5. Оперативность появления новостной информации	0,26*	-0,10	0,15	0,12	1,00		
6. Достоверность новостной информации	0,22*	-0,07	0,12	0,12	0,97*	1,00	
7. Значимость новостной информации	0,11	-0,02	0,05	0,03	0,62*	0,67*	1,00
Подростки с преобладанием конструктивных патриотических установок							
1. Коэффициент познавательной децентрации	1,00						
2. Коэффициент открытости познавательной позиции	0,32*	1,00					
3. Интуитивная способность	-0,21*	-0,12	1,00				
4. Использование интуиции	-0,25*	-0,10	0,58*	1,00			
5. Оперативность появления новостной информации	-0,01	0,06	0,06	0,07	1,00		
6. Достоверность новостной информации	-0,08	0,04	0,08	0,06	0,93*	1,00	
7. Значимость новостной информации	-0,07	-0,03	-0,06	0,04	0,59*	0,65*	1,00
Подростки с преобладанием слепых патриотических установок							
1. Коэффициент познавательной децентрации	1,00						
2. Коэффициент открытости познавательной позиции	0,18	1,00					
3. Интуитивная способность	-0,30	-0,05	1,00				
4. Использование интуиции	-0,13	-0,11	0,63*	1,00			
5. Оперативность появления новостной информации	0,03	0,18	0,00	-0,13	1,00		
6. Достоверность новостной информации	0,04	0,18	-0,03	-0,32*	0,97*	1,00	
7. Значимость новостной информации	-0,03	0,18	-0,08	-0,18	0,82*	0,86*	1,00

Примечание: * — $p \leq 0,05$.

Table 4. Cognitive correlates of online news evaluations by adolescents with different patriotic attitude profiles

Variables	1	2	3	4	5	6	7
Cumulative sample							
1. Cognitive decentration	1.00						
2. Open mindset	0.03	1.00					
3. Intuitive ability	0.12	0.06	1.00				
4. Use of intuition	0.07	0.00	0.60*	1.00			
5. Perceived timeliness of news	0.26*	-0.10	0.15	0.12	1.00		

Table 4. Completion

6. Perceived reliability of news	0.22*	-0.07	0.12	0.12	0.97*	1.00	
7. Perceived importance of news	0.11	-0.02	0.05	0.03	0.62*	0.67*	1.00
Constructive patriotism group							
1. Cognitive decentration	1.00						
2. Open mindset	0.32*	1.00					
3. Intuitive ability	-0.21*	-0.12	1.00				
4. Use of intuition	-0.25*	-0.10	0.58*	1.00			
5. Perceived timeliness of news	-0.01	0.06	0.06	0.07	1.00		
6. Perceived reliability of news	-0.08	0.04	0.08	0.06	0.93*	1.00	
7. Perceived importance of news	-0.07	-0.03	-0.06	0.04	0.59*	0.65*	1.00
Blind patriotism group							
1. Cognitive decentration	1.00						
2. Open mindset	0.18	1.00					
3. Intuitive ability	-0.30	-0.05	1.00				
4. Use of intuition	-0.13	-0.11	0.63*	1.00			
5. Perceived timeliness of news	0.03	0.18	0.00	-0.13	1.00		
6. Perceived reliability of news	0.04	0.18	-0.03	-0.32*	0.97*	1.00	
7. Perceived importance of news	-0.03	0.18	-0.08	-0.18	0.82*	0.86*	1.00

Note: * — $p \leq 0.05$.

Обсуждение

В соответствии с первым исследовательским вопросом, на первом этапе были проанализированы различия в оценке новостной информации между подростками с разными по содержанию патриотическими установками. Полученные в ходе исследования эмпирические данные свидетельствуют о том, что в подростковой среде новостная информация в отношении актуальной социально-политической повестки вызывает умеренный интерес, при этом параметры ее оценки (значимость, достоверность и оперативность) тесно взаимосвязаны друг с другом. Это можно интерпретировать как слабую дифференцированность оценок новостной информации, представленной в Интернете, подростками, вне зависимости от содержания их патриотических установок. В то же время установлено, что подростки с преобладанием конструктивных патриотических установок используют более широкий спектр информационных интернет-источников для получения актуальных новостей, в сравнении с подростками, для которых характерны слепые патриотические установки. Эти результаты соотносятся с данными о том, что конструктивный патриотизм взаимосвязан с более широким

спектром обрабатываемой новостной информации (Schatz 2020; Schatz et al. 1999). Подобные выводы позволяют предположить, что подростки, характеризующиеся конструктивными патриотическими установками, анализируют большее количество разнообразной информации. В этом смысле процесс обработки новостной информации в их случае отличается более выраженной субъектностью.

Более высокие значения оценки новостной информации подростками с преобладанием конструктивного патриотизма позволяют сформулировать предположение о том, что эти подростки в целом больше вовлечены в новостное медиапространство, они рассматривают разные точки зрения, критично подходят к анализу информации. Их сверстники с преобладанием слепого патриотизма, напротив, меньше рассматривают альтернативные новостные источники. Это соответствует данным о том, что люди с высокой выраженностью слепого патриотизма зачастую не заинтересованы в повышении собственной информированности в отношении актуальных социальных проблем (Rupar et al. 2021). Отметим, что, хотя в нашем исследовании не анализировалось содержание информационных интернет-источников, которые используются подростками, с опорой

на данные о снижении выраженности конструктивных патриотических установок в ситуации переживания социальной несправедливости (Moon, Travaglio 2024), можно предполагать, что подросткам удастся интегрировать разнородную и подчас противоречивую новостную информацию в целостную картину, поддерживающую привязанность к собственной стране.

Второй исследовательский вопрос предполагал поиск взаимосвязей между особенностями когнитивной сферы подростков с разным содержанием патриотических установок и показателями доверия новостной информации в подгруппах подростков, в которых преобладают конструктивные и слепые патриотические установки. Было установлено, что у подростков, для которых характерно преобладание конструктивных патриотических установок, фиксируются более высокие показатели открытости познавательной позиции и познавательной децентрации, чем у их сверстников с доминирующими установками слепого патриотизма. Вероятно, именно готовность осмыслить одни и те же стороны действительности с различных точек зрения и возможность реализации «особого типа познавательного отношения к миру, отличительным признаком которого является наличие индивидуального умозрения, характеризующееся вариативностью и разнообразием субъективных способов осмысления одного и того же события, а также адекватной восприимчивостью по отношению к необычным аспектам происходящего» (Холодная 2019), выражающиеся в указанных переменных, определяют использование подростками с конструктивными патриотическими установками большего количества источников новостной информации. Эти данные в целом совпадают с представленными в исследованиях других авторов сведениями о том, что конструктивные патриотические установки положительно связаны с готовностью прилагать усилия для обработки социальной информации, самостоятельно осмыслить ее и делать собственные выводы на основе всестороннего анализа (Kofczek et al. 2022). При этом, однако, в нашем исследовании не было обнаружено преобладания интуитивной (в противоположность рациональной) обработки информации в выборке подростков со слепыми патриотическими установками, что не соотносится с представленными в литературе сведениями (Syuhada et al. 2019). Учитывая, что данные о взаимосвязях слепого патриотизма и интуитивного мышления получены на материалах исследований, проведенных с привлечением взрослых респондентов, можно предположить, что такие результаты связаны

с особенностями становления когнитивной сферы в подростковом возрасте, в числе которых активное формирование рефлексивности и критичности мышления, в том числе в контексте возможностей их использования при взаимодействии с пространством сети Интернет (Dharmastutia et al. 2020). В то же время результаты корреляционного анализа, согласно которым в подгруппе подростков с преобладанием конструктивных патриотических установок обнаруживаются отрицательные связи коэффициента познавательной децентрации с интуитивной способностью и использованием интуиции, позволяют отметить следующее: для подростков с конструктивными патриотическими установками в меньшей степени характерно руководствоваться интуитивным мышлением в силу большей критичности и открытости к новой информации, в противоположность опоре на традиции, консерватизм и индивидуальный опыт. Эти данные могут интерпретироваться как предпосылка для возникновения в дальнейшем тех взаимосвязей между содержанием патриотических установок и особенностями когнитивной сферы, которые отмечены в исследованиях с привлечением студенческих и взрослых выборок.

В заключение отметим, что проведенное нами исследование имело несколько ограничений, ключевые из которых связаны с анкетным способом оценки доверия подростков к новостной информации, представленной в сети Интернет, а также с отсутствием детализированного анализа содержания информационных источников, к которым обращаются подростки. Вместе с тем представленные в статье данные, по нашему мнению, определяют актуальные направления дальнейших исследований информационного контекста становления патриотических установок в подростковом возрасте, которые связаны с преодолением указанных ограничений. Данные о связях между содержанием патриотических установок подростков, их отношением к новостной информации, доступной в Интернете, и особенностями когнитивной сферы указывают на то, что нецелесообразно ограждать подростков от новостной информации, представленной в разнообразных интернет-источниках. Напротив, в работу по формированию конструктивных патриотических установок в подростковой среде необходимо включать мероприятия, направленные на расширение информированности подростков о социально-политической новостной повестке и о разнообразных информационных источниках, развивать у них умения находить и использовать различные информационные источники, обучать критическому

и рефлексивному обращению с новостной информацией, представленной в Интернете, оценке ее надежности и достоверности, формулировке самостоятельных суждений на ее основе.

Выводы

В результате исследования зафиксирована слабая дифференцированность оценок новостной информации по параметрам значимости, достоверности и оперативности, свойственная подросткам независимо от содержания патриотических установок. Такие результаты указывают на то, что механизмы оценки социально-политической информации в подростковом возрасте не в полной мере сформированы и находятся на этапе становления. При этом конструктивные патриотические установки подростков взаимосвязаны с более широким спектром обрабатываемой новостной информации, чем патриотические установки, интерпретируемые как проявления слепого патриотизма. Подростки с преобладанием конструктивного патриотизма больше вовлечены в новостное интернет-пространство и более активно взаимодействуют с ним, обладая более открытой познавательной позицией и более выраженной познавательной децентрацией, чем их сверстники с преобладанием слепых патриотических установок. Результаты, полученные в нашем исследовании, свидетельствуют о том, что в контексте задачи формирования конструктивных патриотических установок в подростковой среде наиболее целесообразной стратегией является не ограничение доступа подростков к новостной информации из тех или иных источников, а их обучение критическому и рефлексивному осмыслению новостей, активной когнитивной обработке и формированию самостоятельных суждений и оценок на ее основе.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Программа и протокол исследования были одобрены Этическим комитетом РГПУ имени А. И. Герцена (Протокол ЭК № 24 от 27.11.2023).

Ethics Approval

The study protocol received ethical approval from Herzen University's Ethics Committee (Protocol EC No. 24, 27 November 2023).

Вклад авторов

Л. А. Цветкова — организация сбора эмпирических данных, подготовка рукописи, редактирование текста рукописи.

А. В. Микляева — разработка дизайна исследования, планирование и общая координация работы, анализ и обобщение теоретических материалов, формулировка выводов, подготовка рукописи.

О. М. Самойлов — анализ первичных данных, систематизация эмпирических материалов, обобщение результатов исследования и их интерпретация, подготовка рукописи.

Author Contributions

L. A. Tsvetkova — study implementation, data collection, manuscript preparation and editing.

A. V. Miklyaeva — research design, theoretical framework, conclusions, manuscript preparation, overall supervision.

O. M. Samoilov — data analysis, results synthesis and interpretation, manuscript preparation.

Заявление о доступности данных

Первичные данные доступны по запросу, адресованному автору-корреспонденту.

Data Availability Statement

The data are available upon request submitted to the corresponding author.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность С. В. Васильевой, И. А. Горьковой, А. Ю. Буткевич, М. С. Лыткину и К. Ю. Вильде за неоценимую помощь в организации сбора и первичной обработке эмпирических данных.

Acknowledgements

The authors gratefully acknowledge the invaluable contributions of S. V. Vasileva, I. A. Gorkovaya, A. Yu. Butkevich, M. S. Lytkin, and K. Yu. Vilde in facilitating data collection and preliminary data processing.

Литература

- Васильева, С. В., Микляева, А. В. (2023) Опросник конструктивного патриотизма (подростковая версия): психометрические характеристики. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 3, с. 458–472. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-458-472>
- Васильева, С. В., Микляева, А. В. (2024а) Взаимосвязь патриотических установок с доверием различным информационным источникам в подростковой среде. В кн.: Ю. В. Вайнштейн (ред.). *Информатизация образования и методика электронного обучения: цифровые технологии в образовании. Материалы VIII Международной научной конференции. В 4-х ч. Ч. 2*. Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, с. 75–79. EDN: CNWKCT
- Васильева, С. В., Микляева, А. В. (2024б) Конструктивный и слепой патриотизм подростков: вклад возраста, пола и типа образовательного учреждения. *Психология человека в образовании*, т. 6, № 2, с. 143–157. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-143-157>
- Гельфман, Э. Г., Холодная, М. А., Демидова, Л. Н. (1993) Психологическая основа конструирования учебной информации (проблема интеллектоемких технологий преподавания. *Психологический журнал*, т. 14, № 6, с. 35–45. EDN: PXZFTR
- Корнилова, Т. В., Корнилов, С. А. (2013) Интуиция, интеллект и личностные свойства (результаты апробации шкал опросника С. Эпстайна). *Психологические исследования*, т. 6, № 28. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v6i28.708> (дата обращения 27.10.2024).
- Купрейченко, А. Б., Шляховая, Е. В. (2012) Доверие к информации как фактор доверия к электронным масс-медиа. *Психологическая наука и образование*, № 1, с. 370–380. EDN: OYPZHT
- Микляева, А. В., Безгодова, С. А., Николаева, Е. И. (2023) *Информационный онлайн-поиск как элемент образовательной активности современных школьников и студентов: когнитивные и психофизиологические предпосылки эффективности*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 216 с.
- Симонова, В. А., Лифинцева, Е. А. (2022) Защита несовершеннолетних от негативной информации в сети Интернет. *Научные известия*, № 26, с. 128–131. EDN: TMDKXU
- Тачалова, Я. Л., Парфенова, Н. Б. (2022) Информационно-когнитивный компонент доверительного отношения молодежи к интернет-коммуникации. *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании*, вып. 5, с. 416–423. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2022-5-53>
- Холодная, М. А. (2019) *Психология интеллекта. Парадоксы исследования*. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 334 с.
- Dharmastutia, A., Budi Wiyonob, B., Hitipeuw, I., Rahmawati, H. (2020) Adolescent critical thinking prior to social media information sharing. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, vol. 13, no. 10, pp. 1195–1213.
- Kaya, M. M. (2022) Blind patriotism is out and constructive patriotism is in: Critical thinking is the key to global citizenship. *Journal of Social Studies Education Research*, vol. 13, no. 2, pp. 103–124.
- Końieczek, M., Jamróz-Dolińska, K., Rupa, M., Sekerdej, M. (2022) Thinking like a patriot: Criticising the country and the nation is linked to the differences in thinking style and cognitive ability. *Personality and Individual Differences*, vol. 195, article 111670. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111670>
- Moon, C., Travaglino, G. A. (2024) The association between perceived injustice and political trust: Testing a dual-pathway model through anger and patriotism across four countries. *Political Psychology*, vol. 46, no. 2, pp. 345–364. <https://doi.org/10.1111/pops.13005>
- Norman, G. (2010) Likert scales, levels of measurement and the “laws” of statistics. *Advances in Health Sciences Education: Theory and Practice*, vol. 15, no. 5, pp. 625–632. <https://doi.org/10.1007/s10459-010-9222-y>
- Payan-Carreira, R., Sacau-Fontenla, A., Rebelo, H. et al. (2022) Development and validation of a Critical Thinking Assessment-Scale short form. *Education Sciences*, vol. 12, no. 12, article 938. <https://doi.org/10.3390/educsci12120938>
- Prochazka, F., Schweiger, W. (2018) How to measure generalized trust in news media? An adaptation and test of scales. *Communication Methods and Measures*, vol. 13, no. 1, pp. 26–42. <https://doi.org/10.1080/19312458.2018.1506021>
- Rupa, M., Jamróz-Dolińska, K., Końieczek, M., Sekerdej, M. (2021) Is patriotism helpful to fight the crisis? The role of constructive patriotism, conventional patriotism, and glorification amid the COVID-19 pandemic. *European Journal of Social Psychology*, vol. 51, no. 6, pp. 862–877. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2777>
- Schatz, R. T. (2020) A review and integration of research on blind and constructive patriotism. In: M. Sarđoć (ed.). *Handbook of Patriotism*. Cham: Springer Publ., pp. 613–633. https://doi.org/10.1007/978-3-319-54484-7_30
- Schatz, R. T., Staub, E., Lavine, H. G. (1999) On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism. *Political Psychology*, vol. 20, no. 1, pp. 151–174. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140>
- Syuhada Ginting, A., Joebagio, H., Dyah, C. (2019) The effect of constructive patriotism on constructive thinking ability in historical learning at students of senior high school Muhammadiyah Karanganyar Indonesia. *ASEAN Journal of Education*, vol. 5, no. 2, pp. 32–37.

- Williams, R. L., Foster, L. N., Krohn, K. R. (2008) Relationship of patriotism measures to critical thinking and emphasis on civil liberties versus national security. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, vol. 8, no. 1, pp. 139–156. <https://doi.org/10.1111/j.1530-2415.2008.00165.x>
- Yazıcı, F., Pamuk, A., Yıldırım, T. (2016) The relationship between attitudes of pre-service history teachers toward multiculturalism and patriotism. *Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*, vol. 11, no. 9, pp. 947–964. <https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.9510>
- Zhide, T., Saltanat, F., Almash, T. et al. (2022) Formation of students' values of patriotism through media technology. *World Journal on Educational Technology: Current Issues*, vol. 14, no. 3, pp 897–909. <https://doi.org/10.18844/wjet.v14i3.7328>

References

- Dharmastutia, A., Budi Wiyonob, B., Hitipeuwc, I., Rahmawati, H. (2020) Adolescent critical thinking prior to social media information sharing. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, vol. 13, no. 10, pp. 1195–1213. (In English)
- Gel'fman, E. G., Kholodnaya, M. A., Demidova, L. N. (1993) Psikhologicheskiye osnovy konstruirovaniya uchebnoj informatsii [Psychological fundamentals of design training Information]. *Psikhologicheskij zhurnal — Psychological Journal*, vol. 14, no. 6, pp. 35–45. (In Russian)
- Kaya, M. M. (2022) Blind patriotism is out and constructive patriotism is in: Critical thinking is the key to global citizenship. *Journal of Social Studies Education Research*, vol. 13, no. 2, pp. 103–124. (In English)
- Kholodnaya, M. A. (2019) *Psikhologiya intellekta. Paradoksy issledovaniya [Psychology of intelligence: Paradoxes of research]*. 3rd ed. Moscow: Yurajt Publ., 334 p. (In Russian)
- Końeczek, M., Jamróz-Dolińska, K., Rupa, M., Sekerdej, M. (2022) Thinking like a patriot: Criticising the country and the nation is linked to the differences in thinking style and cognitive ability. *Personality and Individual Differences*, vol. 195, article 111670. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111670> (In English)
- Kornilova, T. V., Kornilov, S. A. (2013) Intuitsiya, intellekt i lichnostnye svoystva (rezul'taty aprobatsii shkal oprosnika S. Epstaina) [Intuition, intelligence and personality traits (the scale of the S. Epstein approbation)]. *Psikhologicheskie issledovaniya — Psychological Studies*, vol. 6, no. 28. [Online]. Available at: <https://doi.org/10.54359/ps.v6i28.708> (accessed 27.10.2024). (In Russian)
- Kuprejchenko, A. B., Shlyakhovaya, E. V. (2012) Doverie k informatsii kak faktor doveriya k elektronnyim mass-media [Confidence in information as a factor of confidence in electronic mass media]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie — Psychological Science and Education*, no. 1, pp. 370–380. (In Russian)
- Miklyayeva, A. V., Bezgodova, S. A., Nikolaeva, E. I. (2023) *Informatsionnyj onlajn-poisk kak element obrazovatel'noj aktivnosti sovremennykh shkol'nikov i studentov: kognitivnye i psikhofiziologicheskie predposylki effektivnosti [Online information search as an element of educational activity of modern schoolchildren and students: cognitive and psychophysiological prerequisites for effectiveness]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 216 p. (In Russian)
- Moon, C., Travaglino, G. A. (2024) The association between perceived injustice and political trust: Testing a dual-pathway model through anger and patriotism across four countries. *Political Psychology*, vol. 46, no. 2, pp. 345–364. <https://doi.org/10.1111/pops.13005> (In English)
- Norman, G. (2010) Likert scales, levels of measurement and the “laws” of statistics. *Advances in health sciences education: theory and practice*, vol. 15, no. 5, pp. 625–632. <https://doi.org/10.1007/s10459-010-9222-y> (In English)
- Payan-Carreira, R., Sacau-Fontenla, A., Rebelo, H. et al. (2022) Development and validation of a Critical Thinking Assessment-Scale short form. *Education Sciences*, vol. 12, no. 12, article 938. <https://doi.org/10.3390/educsci12120938> (In English)
- Prochazka, F., Schweiger, W. (2018) How to measure generalized trust in news media? An adaptation and test of scales. *Communication Methods and Measures*, vol. 13, no. 1, pp. 26–42. <https://doi.org/10.1080/19312458.2018.1506021> (In English)
- Rupa, M., Jamróz-Dolińska, K., Końeczek, M., Sekerdej, M. (2021) Is patriotism helpful to fight the crisis? The role of constructive patriotism, conventional patriotism, and glorification amid the COVID-19 pandemic. *European Journal of Social Psychology*, vol. 51, no. 6, pp. 862–877. <https://doi.org/10.1002/ejsp.2777> (In English)
- Schatz, R. T. (2020) A review and integration of research on blind and constructive patriotism. In: M. Sarđoć (ed.). *Handbook of Patriotism*. Cham: Springer Publ., pp. 613–633. https://doi.org/10.1007/978-3-319-54484-7_30 (In English)
- Schatz, R. T., Staub, E., Lavine, H. G. (1999) On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism. *Political Psychology*, vol. 20, no. 1, pp. 151–174. <https://doi.org/10.1111/0162-895X.00140> (In English)
- Simonova, V. A., Lifintseva, E. A. (2022) Zashchita nesovershennoletnikh ot negativnoj informatsii v seti Internet [Protecting children from negative information on the Internet]. *Nauchnye izvestiya — Scientific News*, no. 26, pp. 128–131. (In Russian)

- Syuhada Ginting, A., Joebagio, H., Dyah, C. (2019) The effect of constructive patriotism on constructive thinking ability in historical learning at students of senior high school Muhammadiyah Karanganyar Indonesia. *ASEAN Journal of Education*, vol. 5, no. 2, pp. 32–37. (In English)
- Tachalova, Ya. L., Parfenova, N. B. (2022) Informatсионно-kognitivnyj komponent doveritel'nogo otnosheniya molodezhi k internet-kommunikatsii [Information and cognitive component of young people's trusting attitude to internet communication]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii — The Herzen University Studies: Psychology in Education*, iss. 5, pp. 416–423. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2022-5-53> (In Russian)
- Vasileva, S. V., Miklyaeva, A. V. (2023) Oprosnik konstruktivnogo patriotizma (podrozkovaya versiya): psikhometricheskie kharakteristiki [Constructive patriotism questionnaire (adolescent version): Psychometric characteristics]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 5, no. 3, pp. 458–472. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-458-472> (In Russian)
- Vasileva, S. V., Miklyaeva, A. V. (2024a) Vzaimosvyaz' patrioticheskikh ustanovok s doveriem razlichnym informatsionnym istochnikam v podrozkovoj srede [The relationship between patriotic attitudes and trust in various information sources in adolescence]. In: Yu. V. Vajnshtejn (ed.). *Informatizatsiya obrazovaniya i metodika elektronnoho obucheniya: tsifrovye tekhnologii v obrazovanii. Materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii. V 4-kh ch. Ch. 2 [Informatization of education and e-learning methods: Digital technologies in education. Proceedings of the VIII International Scientific Conference September. In 4 pts. Pt. 2]*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafiev Publ., pp. 75–79. (In Russian)
- Vasileva, S. V., Miklyaeva, A. V. (2024b) Konstruktivnyj i slepoj patriotizm podrozkov: vklad vozrasta, pola i tipa obrazovatel'nogo uchrezhdeniya [Constructive and blind patriotism in adolescence: The contribution of age, gender and type of educational institution]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 6, no. 2, pp. 143–157. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2024-6-2-143-157> (In Russian)
- Williams, R. L., Foster, L. N., Krohn, K. R. (2008) Relationship of patriotism measures to critical thinking and emphasis on civil liberties versus national security. *Analyses of Social Issues and Public Policy*, vol. 8, no. 1, pp. 139–156. <https://doi.org/10.1111/j.1530-2415.2008.00165.x> (In English)
- Yazici, F., Pamuk, A., Yildirim, T. (2016) The relationship between attitudes of pre-service history teachers toward multiculturalism and patriotism. *Turkish Studies International Periodical for the Languages, Literature and History of Turkish or Turkic*, vol. 11, no. 9, pp. 947–964. <https://doi.org/10.7827/TurkishStudies.9510> (In English)
- Zhide, T., Saltanat, F., Almash, T. et al. (2022) Formation of students' values of patriotism through media technology. *World Journal on Educational Technology: Current Issues*, vol. 14, no. 3, pp 897–909. <https://doi.org/10.18844/wjet.v14i3.7328> (In English)

Сведения об авторах

Лариса Александровна Цветкова, академик Российской академии образования, доктор психологических наук, профессор, и. о. вице-президента Российской академии образования, ведущий научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, заместитель директора по научной деятельности, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
SPIN-код: 2815-8700, Scopus AuthorID: 7006374015, ResearcherID: J-4513-2013, ORCID: 0000-0002-4080-7103, e-mail: larac@mail.ru

Анастасия Владимировна Микляева, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и социальной психологии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
SPIN-код: 9471-8985, Scopus AuthorID: 53984860100, ResearcherID: D-4700-2017, ORCID: 0000-0001-8389-2275, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Олег Михайлович Самойлов, лаборант-исследователь, научно-исследовательская лаборатория когнитивных исследований в образовании, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
SPIN-код: 8767-2741, ORCID: 0009-0005-1509-7225, e-mail: osamoilov1@gmail.com

Authors

Larisa A. Tsvetkova, Full Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Acting Vice-President of the Russian Academy of Education, Senior Researcher at the Institute of Psychology at Herzen State Pedagogical University of Russia, Deputy Director for Research at Higher School of Economics in Saint Petersburg
SPIN: 2815-8700, Scopus AuthorID: 7006374015, ResearcherID: J-4513-2013, ORCID: 0000-0002-4080-7103, e-mail: larac@mail.ru

Anastasia V. Miklyaeva, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Department of General and Social Psychology, Herzen State Pedagogical University of Russia
SPIN: 9471-8985, Scopus AuthorID: 53984860100, ResearcherID: D-4700-2017, ORCID: 0000-0001-8389-2275, e-mail: a.miklyaeva@gmail.com

Oleg M. Samoilov, Laboratory Researcher, Scientific Research Laboratory of Cognitive Research in Education, Herzen State Pedagogical University of Russia
SPIN: 8767-2741, ORCID: 0009-0005-1509-7225, e-mail: osamoilov1@gmail.com

УДК 159.9

EDN АОРКНР

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-197-213>

Научная статья

Личностные корреляты цифровых зависимостей студентов

В. П. Шейнов^{✉1,2}, В. А. Карпиевич³

¹Республиканский институт высшей школы, 220001, Беларусь, г. Минск, ул. Московская, д. 15

²Международная академия информационных технологий (МНОО «МАИТ»),
220013, Беларусь, г. Минск, ул. Сурганова, д. 27–2Н

³Белорусский государственный технологический университет,
220006, Беларусь, г. Минск, ул. Свердлова, д. 13а

Для цитирования: Шейнов, В. П., Карпиевич, В. А. (2025) Личностные корреляты цифровых зависимостей студентов. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 2, с. 197–213. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-197-213> EDN АОРКНР

Получена 24 января 2025; прошла рецензирование 6 апреля 2025; принята 6 апреля 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В. П. Шейнов, В. А. Карпиевич (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии СС BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. Цифровые зависимости — от видеоигр, смартфона и социальных сетей — получили значительное распространение среди студентов и создают проблемы с обучением, что вызывает обоснованную тревогу родителей и педагогов. Цель статьи — нахождение личностных коррелятов цифровых зависимостей русскоязычных студентов. Задачи статьи — выявление возможных взаимосвязей между зависимостью от видеоигр, зависимостью от смартфона, зависимостью от социальных сетей, агрессивностью, тревогой, депрессией, прокрастинацией, продолжительностью ежедневной игры, проблемами со сном.

Материалы и методы. Основой исследования послужили результаты онлайн-тестирования 846 студентов. Используются: опросник АПА зависимости от видеоигр, короткая версия опросника зависимости от смартфона (автор В. П. Шейнов), опросник зависимости от социальных сетей (авторы В. П. Шейнов, А. С. Девицын), короткая версия опросника прокрастинации (авторы В. П. Шейнов, А. С. Девицын), Шкала агрессивности из опросника «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка, русскоязычная версия Госпитальной шкалы тревоги и депрессии (адаптация М. А. Морозовой и др.).

Результаты исследования. Исследованием установлено, что у студентов зависимости от видеоигр, смартфона и социальных сетей положительно связаны между собой и положительно взаимосвязаны с такими проблемными свойствами личности, как агрессивность, тревога, депрессия, прокрастинация, а также с проблемами со сном и продолжительностью ежедневных видеоигр. Показано, что зависимость юношей от видеоигр превышает аналогичную зависимость девушек, а зависимости девушек от социальных сетей и от смартфона превосходят соответствующие зависимости юношей. У девушек больше, чем у юношей, выражены тревожность и прокрастинация. Равным образом юноши и девушки страдают от депрессии и проблем со сном. Выявленные в настоящем исследовании результаты имеют определенное теоретическое значение. Они, в частности, показывают, что зависимость от видеоигр, зависимость от смартфона и зависимость от социальных сетей образуют триединный концепт (состоящее из трех элементов единство), который можно определить как «Проблемный комплекс цифровых зависимостей», включающий в себя зависимость от смартфона, зависимость от социальных сетей и зависимость от видеоигр с их положительными связями между собой и положительными взаимосвязями с проблемными свойствами личности — агрессивностью, тревожностью, депрессией, прокрастинацией, а также с проблемами со сном и продолжительностью ежедневных видеоигр.

Заключение. В практическом плане полученные результаты могут быть использованы в работе по предотвращению формирования у студентов цифровых зависимостей.

Ключевые слова: зависимость от видеоигр, зависимость от смартфона, зависимость от социальных сетей, агрессия, тревожность, депрессия, прокрастинация, продолжительность ежедневных видеоигр, проблемы со сном, студенты

Research article

Personality correlates of digital dependency in students

V. P. Sheinov ^{✉1,2}, V. A. Karpievich ³

¹ Republican Institute of Higher Education, 15 Moskovskaya Str., Minsk 220007, Republic of Belarus

² International Academy of Information Technology" (ISPU "IAIT"),
27–2H Surganova Str., Minsk 220013, Republic of Belarus

³ Belarusian State Technological University, 13a Sverdlova Str., Minsk 220006, Republic of Belarus

For citation: Sheinov, V. P., Karpievich, V. A. (2025) Personality correlates of digital dependency in students. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 2, pp. 197–213. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-197-213> EDN AOPKHP

Received 24 January 2025; reviewed 6 April 2025; accepted 6 April 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V. P. Sheinov, V. A. Karpievich (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The proliferation of digital addictions — particularly to video games, smartphones, and social networks — among students has raised significant concerns among educators and parents due to their detrimental impact on learning outcomes. This study examines the relationships between these digital dependencies and psychological factors (aggression, anxiety, depression, procrastination) as well as behavioral indicators (gaming duration, sleep disturbances) in Russian-speaking students.

Materials and Methods. The study is based on the results of online testing of 846 students. The following were used: the APA questionnaire on video game addiction, a short version of the questionnaire on smartphone addiction (author V. P. Sheynov), a questionnaire on social network addiction (authors V. P. Sheynov, A. S. Devitsyn), a short version of the procrastination questionnaire (authors V. P. Sheynov, A. S. Devitsyn), the Aggression Scale from the questionnaire "Self-Assessment of Mental States" by G. Eysenck, the Russian-language version of the Hospital Anxiety and Depression Scale (adapted by M. A. Morozova et al.).

Results. Significant positive correlations emerged among video game, smartphone, and social media addictions. All three showed positive associations with aggression, anxiety, depression, procrastination, sleep disturbances, and gaming duration. Males reported higher video game addiction, while females showed greater social media/smartphone addiction, anxiety, and procrastination. Both genders exhibited similar depression and sleep issues. These findings support the conceptualization of a unified Problematic Digital Dependency Complex comprising interrelated video game, smartphone, and social media addictions. This complex demonstrates consistent positive interrelationships among its components and maintains significant positive associations with problematic psychological characteristics including aggression, anxiety, depression, procrastination, as well as behavioral indicators such as extended gaming sessions and sleep disturbances.

Conclusion. The results underscore the need for targeted prevention programs addressing the psychological and behavioral correlates of digital overuse in educational settings.

Keywords: video game addiction, smartphone addiction, social media addiction, aggression, anxiety, depression, procrastination, gaming duration, sleep disturbances, schoolchildren

Введение

Цифровые зависимости — от видеоигр, смартфона и социальных сетей — получили значительное распространение в современной жизни. Данное обстоятельство вызывает обоснованную тревогу родителей и педагогов, поскольку подобные зависимости наносят вред здоровью и учебе студентов. В частности, отвлекают от занятий и сокращают время сна.

Оценки распространенности цифровых зависимостей в мире таковы: 26,99% — для зависимости от смартфона, 17,42% — для зависимости от социальных сетей, 14,22% — для

интернет-зависимости и 6,04% — для игровой зависимости. Более высокая распространенность цифровой зависимости обнаружена в странах с низким и ниже среднего уровнем дохода. Мужчины имеют более высокий риск игровой и интернет-зависимости. Обнаружена тенденция к росту цифровой зависимости за последние два десятилетия, которая значительно ускорилась во время пандемии COVID-19 (Meng et al. 2022).

Изучение распространенности увлеченных геймеров, проблемных геймеров и зависимых геймеров показало, что 4,5% из них соответствовали критериям высокой увлеченности

игрой, 5,3% оказались проблемными геймерами, а 1,2% достигли порогового значения игровой зависимости. Молодой возраст, многочасовое общение в Интернете/социальных сетях, одиночество были связаны как с вовлеченными, так и с проблемными и зависимыми геймерами. Результаты этого исследования показывают, что как высокововлеченные игроки, так и проблемные игроки и зависимые игроки испытывают одиночество и психологический стресс в большей степени, чем остальные участники исследования (André et al. 2020).

Другое исследование показало, что 21% студентов колледжей играют в видеоигры, 44% в основном смотрят короткие видео, а 35% занимают время другими действиями в Интернете (Xia et al. 2023).

По мере увеличения времени, проведенного за видеоиграми и просмотром коротких видео, тревога и депрессия становились сильнее (Xia et al. 2023).

Выявлены взаимосвязи одиночества, физической агрессии и тревожности с зависимостью от видеоигр. При этом первые два фактора оказались ее предикторами, а тревожность — последствием видеоигр (Krossbakken et al. 2018).

Имеет место прямая взаимосвязь между зависимостью от видеоигр и агрессивностью (Bayanfar et al. 2022). Установлено, что геймеры, проводящие ежедневно более семи часов за видеоиграми, проявляют значительную агрессию (Hammad, Al-Shahrani 2024).

Положительная значимая связь между зависимостью от видеоигр и агрессивным поведением выявлена рядом исследователей (Akbaş, İşleyen 2024; Caner, Evgin 2021; Yifei, Motevalli 2023). Другими исследователями установлены: 1) значимые положительные корреляции между игровой зависимостью и агрессией ($r = 0,777$, $p < 0,001$) (Pan et al. 2024), 2) более высокие показатели агрессивности в группах с высоким риском зависимости от видеоигр, чем в других группах (Kyung et al. 2021); 3) критическое влияние на агрессию коморбидности зависимости от видеоигр (Zhang et al. 2022); 4) взаимосвязанность агрессивного поведения, с одной стороны, и незащищенности от манипуляций (Шейнов, Девицын 2022) и виктимизации жертв (Sheinov 2018), с другой стороны.

Прокрастинация является серьезной проблемой для студентов, и видеоигры связаны с ней. Причиной этого является способность видеоигр предлагать мгновенное удовлетворение желания приятно провести время, отвлекая тем самым от выполнения более полезных задач (Pfuhl, Nordby 2018).

Установлено, что академическая прокрастинация в значительной мере влияет на игровую зависимость (Saputra et al. 2023). Выявлена положительная связь между прокрастинацией и временем, проведенным за видеоиграми (Nordby et al. 2019).

Ввиду этих и многих других аналогичных фактов неблагоприятных проявлений зависимости от видеоигр, в Международную классификацию болезней включено *интернет-игровое расстройство* (Internet gaming disorder — IGD) как «психическое расстройство, приводящее к личностным и социальным нарушениям» (Zhu et al. 2023, 754). Недавно проведенные международные исследования показали, что уровень распространенности IGD в мире близок к 2% (Hofstedt et al. 2023).

В ряде исследований обнаружена положительная связь между IGD и зависимостью от социальных сетей (Krishnan, Chew 2024). Зависящие от социальных сетей пользователи проводят больше времени за игрой, что имеет непосредственную связь с зависимостью от видеоигр (Li et al. 2020). Показано, что игровая зависимость тесно связана с временем, проведенным за игрой, и зависимостью от социальных сетей (Li et al. 2021).

Установлено также, что зависимость от смартфона имеет прямое влияние на расстройство, связанное с интернет-играми (Yilmaz et al. 2023), поскольку последние тесно связаны ($p < 0,001$) с зависимостью от смартфона (Zhang et al. 2024).

В ходе аналитического обзора 13 эмпирических исследований обнаружены положительные взаимосвязи между интернет-игровым расстройством и зависимостями от смартфона и от социальных сетей (Casale et al. 2021).

Результаты исследований свидетельствуют о том, что степень тяжести IGD связана с ухудшением качества сна (Wong et al. 2020). Выявлены опосредованные связи между временем, проведенным за игрой, и показателями психологического дистресса и бессонницы (Lin et al. 2023). К примеру, среди китайских студентов университета распространенность нарушения сна составляет 14% (Li et al. 2023).

Обнаружены положительные корреляции между зависимостью от смартфонов и агрессией (Deng et al. 2024; Kim et al. 2015). Зависимость от смартфона опосредована агрессией и IGD (Yilmaz et al. 2023).

Существует линейная умеренная положительная связь между зависимостью от социальных сетей и показателем агрессии (Güler et al. 2022). Результаты выявили значимые положительные

связи между зависимостью от социальных сетей, депрессией ($r = 0,25$, $p < 0,01$) и агрессией ($r = 0,26$, $p < 0,001$) (Shahid et al. 2024). Зависимость от социальных сетей предсказывает психическое неблагополучие через агрессию (Rustamov et al. 2023).

Мужчины проводят больше времени за видеоиграми (Boz, Dinç 2023; Wartberg et al. 2020). Обнаружено, что мужчины в тестах на IGD набирают значительно больше баллов, чем женщины (Zhu et al. 2023). Также анализ более 20 исследований, проведенных преимущественно в Европе, показал, что большинство исследователей выявили более высокие показатели IGD у мужчин (González-Bueso et al. 2018).

Начало еженедельной игры до пятилетнего возраста связано со значительно более высоким риском проблемной игры, чем начало еженедельной игры после десятилетнего (Nakayama et al. 2020).

Американская Психиатрическая Ассоциация (АПА) разработала девять критериев для диагностики расстройства зависимости от видеоигр, на основе которых создан соответствующий опросник АПА (Higuchi et al. 2021).

Отечественными авторами разработан ряд оригинальных опросников для диагностики зависимости от компьютерных игр: тест-опросник степени увлеченности младших подростков компьютерными играми (Гришина 2014), измерение компьютерной игровой зависимости (Видова 2016), диагностики гейм-аддикции (Кочетков 2016), тест-опросник для установления зависимости от компьютерных игр и Интернета (Краснова и др. 2008), опросник для оценки степени увлеченности ролевыми компьютерными играми у подростков 13–15 лет (Беловол, Колотилова 2011), опросник для студентов «Игровая компьютерная зависимость» (Лузько 2016).

Однако они не позволяют сравнивать получаемые в исследованиях результаты с теми, что обнаружены зарубежными исследователями по видеоиграм. Поэтому в данной работе использован опросник АПА, адаптированный нами к русскоязычному социуму.

Приведенные выше результаты получены зарубежными исследователями. Ввиду их важности возникает вопрос, имеют ли место аналогичные связи в русскоязычном социуме?

В связи с вышесказанным, *цель* статьи — нахождение личностных коррелятов цифровых зависимостей русскоязычных студентов.

Задачи статьи: выявление возможных взаимосвязей между зависимостью от видеоигр, зависимостью от смартфона, зависимостью

от социальных сетей, агрессивностью, тревогой, депрессией, прокрастинацией, продолжительностью ежедневной игры, проблемами со сном.

Материалы и методы исследования

Сбор данных. Основой данного эмпирического исследования послужили результаты онлайн-тестирования 846 студентов 18–21 лет (средний возраст $M = 19,2$ года, $SD = 0,97$), в том числе 470 (55%) девушек ($M = 19,3$, $SD = 0,95$) и 376 юношей ($M = 19,1$ года, $SD = 1,0$).

Методика исследования. В исследовании использованы: адаптированный опросник АПА зависимости от компьютерных игр (Higuchi et al. 2021), короткая версия опросника зависимости от смартфона (Шейнов 2021), короткая версия опросника прокрастинации (Шейнов, Девицын 2024), опросник зависимости от социальных сетей (Шейнов, Девицын 2021), Шкала агрессивности из опросника «Самооценка психических состояний» Г. Айзенка (Райгородский 2001, 141–145), русскоязычная версия Госпитальной шкалы тревоги и депрессии (Морозова и др. 2023).

Респондентам были заданы дополнительные вопросы: 1) сколько часов ежедневно проводите за видеоиграми? 2) есть ли у вас проблемы со сном?

Статистический анализ проводился программами из пакета SPSS-22, принят уровень статистической значимости $p = 0,05$.

Результаты и их обсуждение

1. Проверка опросника зависимости от видеоигр для русскоязычных школьников

Однородность опросника зависимости от видеоигр (АПА) оказалась приемлемой: α Кронбаха равна 0,785.

Дискриминативность всех пунктов опросника АПА оказалась высокой: корреляции пунктов опросника с его результатом $\geq 0,570^{**}$ ($p < 0,001$) по Пирсону и $\geq 0,465^{**}$ ($p < 0,001$) по Кендаллу.

Проверка надежности опросника АПА проведена по его: 1) внутренней согласованности (однородности), 2) дискриминативности и 3) повторному тестированию (ретестом). Однородность опросника АПА количественно оценивается коэффициентом Альфа Кронбаха, равным 0,785, то есть превышает рекомендуемые (всеми пособиями) значения его показателя, не меньшего, чем 0,7. Дискриминативность пунктов опросника (как следует из предыдущего) также весьма высокая.

Ретестовая надежность опросника АПА проверена повторным тестированием с интервалом в один месяц. В ретесте приняли участие 97 респондентов. Корреляция между первым и вторым тестом равна 0,710 ($p < 0,001$). Этот результат свидетельствует о хорошей ретестовой надежности опросника АПА, поскольку показатель, больший 0,7 служит свидетельством надежности по данному критерию.

2. Выявление взаимосвязей зависимости от видеоигр с личностными свойствами студентов

Проверка по критерию Колмогорова — Смирнова показала, что часть выборок изучаемых переменных отвечает нормальному распределению, другая — не соответствует ему. Нормально распределенными оказались ответы студентов на вопросы опросников зависимости от социальных сетей, зависимости от смартфона, Шкалы агрессивности и прокрастинации. Распределения, отличающиеся от нормального, имеют место для ответов на опросники зависимости от видеоигр, тревожности, депрессии, продолжительности ежедневного использования видеоигр и проблем со сном.

Поэтому возможные взаимосвязи между переменными выявляем посредством параметрической корреляции Пирсона и непараметрической корреляции Кендалла; последняя выбрана, поскольку обнаруживает как линейные, так и нелинейные взаимосвязи.

Взаимосвязи зависимости от смартфона и зависимости от социальных сетей с личностными свойствами активно изучались в русскоязычном социуме (Шейнов 2021; Шейнов, Девицын 2021), получены соответствующие результаты по теме статьи. Поэтому первоначально сосредоточимся на изучении исследовательского вопроса в части зависимости от видеоигр.

Искомые взаимосвязи зависимости от видеоигр с личностными свойствами показаны в нижеследующих таблицах.

Таблица 1 показывает, что зависимость от видеоигр студентов положительно коррелирует по Пирсону и по Кендаллу со всеми рассматриваемыми нами свойствами и отрицательно — с женским полом.

Эти результаты соответствуют ранее полученным зарубежным результатам: положительным взаимосвязям зависимости от видеоигр с зависимостью от социальных сетей (Krishnan 2024; Li et al. 2020; 2021), зависимостью от смартфона (Yilmaz et al. 2023; Zhang et al. 2024), агрессивией (Akbaş, İşleyen 2024; Caner, Evgin 2021; Kyung et al. 2021; Pan et al. 2024; Yifei, Motevalli 2023; Zhang et al. 2022), депрессией (Xia et al. 2023), тревогой (Xia et al. 2023), прокрастинацией (Nordby et al. 2019; Pfuhl, Nordby 2018; Saputra et al. 2023), продолжительностью ежедневного участия в играх (Nordby et al. 2019; Li et al. 2020; 2021), проблемами со сном (Lin et al. 2023; Wong et al. 2020).

Табл. 1. Корреляции r Пирсона и τ Кендалла зависимости от видеоигр с личностными свойствами студентов (N = 846)

Корреляции	Пол	ЗСС	ЗС	Агрессия	Тревога	Депрессия	Прокрастинация	Продолжительность	Проблемы
r	-0,223**	0,388**	0,241**	0,187**	0,274**	0,328**	0,175**	0,489**	0,253**
p	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
τ	-0,220**	0,232**	0,190**	0,127**	0,204**	0,252**	0,149**	0,467**	0,191**
p	0,000	0,000	0,000	0,002	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000

Примечание: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$; ЗС — зависимость от смартфона, ЗСС — зависимость от социальных сетей.

Table 1. Pearson's r and Kendall's τ correlations between video game addiction and students' personality traits (N = 846)

Correlation	Gender	SMA	SA	Aggres	Anxiety	Depres	Procrast	Gaming duration	Sleep dist
r	-0.223**	0.388**	0.241**	0.187**	0.274**	0.328**	0.175**	0.489**	0.253**
p	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000
τ	-0.220**	0.232**	0.190**	0.127**	0.204**	0.252**	0.149**	0.467**	0.191**
p	0.000	0.000	0.000	0.002	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000

Note: * $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$; SA — smartphone addiction, SMA — social media addiction.

Отрицательная связь зависимости от видеоигр с женским полом соответствует ранее полученным зарубежным результатам (Boz, Dinç 2023; González-Bueso et al. 2018; Wartberg et al. 2020; Zhu et al. 2023).

Ввиду возможных различий во взаимосвязях зависимости от видеоигр в зависимости от пола,

рассмотрим соответствующие корреляции по отдельности для юношей и девушек.

Таблицы 2 и 3 свидетельствуют о том, что зависимость от видеоигр студентов мужского и женского пола положительно взаимосвязана со всеми рассматриваемыми нами личностными свойствами, а различия проявляются только

Табл. 2. Корреляции r Пирсона и τ Кендалла зависимости от видеоигр с личностными свойствами студентов мужского пола (N = 376)

Корреляции	ЗСС	ЗС	Агрессия	Тревога	Депрессия	Прокрастинация	Продолжительность	Проблемы
r	0,528**	0,419**	0,249**	0,295**	0,313**	0,248**	0,352**	0,275**
p	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,001	0,007
τ	0,380**	0,353**	0,168*	0,222**	0,268**	0,196**	0,332**	0,188**
p	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,016

Примечание: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$; ЗС — зависимость от смартфона, ЗСС — зависимость от социальных сетей.

Table 2. Pearson's r and Kendall's τ correlations between video game addiction and personality traits in male students (N = 376)

Correlation	SMA	SA	Aggres	Anxiety	Depres	Procrast	Gaming duration	Sleep dist
r	0.528**	0.419**	0.249**	0.295**	0.313**	0.248**	0.352**	0.275**
p	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000	0.001	0.007
τ	0.380**	0.353**	0.168*	0.222**	0.268**	0.196**	0.332**	0.188**
p	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000	0.016

Note: * $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$; SA — smartphone addiction, SMA — social media addiction.

Табл. 3. Корреляции r Пирсона и τ Кендалла зависимости от видеоигр с личностными свойствами студенток (N = 470)

Корреляции	ЗСС	ЗС	Агрессия	Тревога	Депрессия	Прокрастинация	Продолжительность	Проблемы
r	0,354**	0,161**	0,181*	0,338**	0,359**	0,161**	0,554**	0,254**
p	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,001	0,000	0,000
τ	0,215**	0,172**	0,123*	0,272**	0,249**	0,152**	0,497**	0,211**
p	0,000	0,000	0,002	0,000	0,001	0,002	0,000	0,000

Примечание: * $p \leq 0,05$, ** $p \leq 0,01$; ЗС — зависимость от смартфона, ЗСС — зависимость от социальных сетей.

Table 3. Pearson's r and Kendall's τ correlations between video game addiction and personality traits in female students (N = 470)

Correlation	SMA	SA	Aggres	Anxiety	Depres	Procrast	Gaming duration	Sleep dist
r	0.354**	0.161**	0.181*	0.338**	0.359**	0.161**	0.554**	0.254**
p	0.000	0.000	0.000	0.000	0.000	0.001	0.000	0.000
τ	0.215**	0.172**	0.123*	0.272**	0.249**	0.152**	0.497**	0.211**
p	0.000	0.000	0.002	0.000	0.001	0.002	0.000	0.000

Note: * $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$; SA — smartphone addiction, SMA — social media addiction.

в силе связей: у студенток она выше по тревожности и продолжительности ежедневного использования игр, по всем остальным она более выражена у студентов мужского пола (включая депрессию, поскольку она имеет распределение, отличающееся от нормального, и должна оцениваться корреляцией Кендалла).

3. Степень выраженности у студентов проблемных личностных свойств

Для определения выраженности изучаемых нами проблемных свойств студентов в таблице 4 представим их средние значения у юношей и девушек за время обучения; приведем показатель *p* значимости различий. При этом выделим полужирным шрифтом статистически значимые

случаи превышения показателей личностных свойств у одного пола над другим (табл. 4).

Таблица 4 показывает, что в студенческом возрасте у юношей статистически значимо больше, чем у девушек, выражены зависимость от видеоигр и (сильно взаимосвязанная с ней) продолжительность ежедневной игры.

У девушек в студенческом возрасте статистически значимо больше, чем у юношей, выражены зависимости от соцсетей и от смартфона, тревожность и прокрастинация.

В большей степени выражена у девушек и агрессия, хотя различия статистически незначимы.

Равным образом юноши и девушки страдают от депрессии и проблем со сном.

Табл. 4. Сравнение средних значений личностных свойств юношей и девушек (N = 846)

Корреляция	Пол	N	Средние значения	<i>p</i>
Зависимость от видеоигр	Мужской	376	2,12	0,000
	Женский	470	1,26	
Зависимость от соцсетей	Мужской	376	33,38	0,000
	Женский	470	37,21	
Зависимость от смартфона	Мужской	376	16,99	0,000
	Женский	470	20,63	
Агрессивность	Мужской	116	9,17	0,303
	Женский	199	9,63	
Тревожность	Мужской	376	6,80	0,000
	Женский	470	7,93	
Депрессия	Мужской	376	6,98	0,777
	Женский	470	6,90	
Прокрастинация	Мужской	376	22,63	0,006
	Женский	470	24,03	
Продолжительность ежедневной игры	Мальчики	376	2,37	0,000
	Девочки	470	1,65	
Проблемы со сном	Мужской	376	1,56	0,665
	Женский	470	1,58	

Table 4. Comparative analysis of mean personality trait scores between male and female students (N = 846)

Correlation	Gender	N	Mean score	<i>p</i>
Video game addiction	male	376	2.12	0.000
	female	470	1.26	
Social media addiction	male	376	33.38	0.000
	female	470	37.21	
Smartphone addiction	male	376	16.99	0.000
	female	470	20.63	

Table 4. Completion

Correlation	Gender	N	Mean score	p
Aggression	male	116	9.17	0.303
	female	199	9.63	
Anxiety	male	376	6.80	0.000
	female	470	7.93	
Depression	male	376	6.98	0.777
	female	470	6.90	
Procrastination	male	376	22.63	0.006
	female	470	24.03	
Gaming duration	male	376	2.37	0.000
	female	470	1.65	
Sleep disturbances	male	376	1.56	0.665
	female	470	1.58	

4. Личностные корреляты цифровых зависимостей студентов

Таблица 5 показывает, что все изучаемые нами и представленные в таблицах 2–4 личностные свойства студентов положительно связаны как с зависимостью от видеоигр, так и с зависимостями от социальных сетей и от смартфона и положительно все связаны между собой. Причем это имеет место и для общей выборки студентов, и для ее мужской и женской подвыборок. Для краткости приведем только таблицу соответствующих корреляций для общей выборки студентов (табл. 5). Поскольку распределение части выборок отлично от нормаль-

ного, то в таблице приводим корреляции т Кендалла. Соответствующие корреляции Пирсона показывают существенно более высокие значения.

Таким образом, зависимость от видеоигр, зависимость от смартфона и зависимость от социальных сетей образуют (состоящее из трех элементов единство) триединый концепт (конструкт), который можно определить, как «Проблемный комплекс цифровых зависимостей», включающий в себя зависимость от смартфона, зависимость от социальных сетей и зависимость от видеоигр с их положительными связями между собой и положительными взаимосвязями с такими проблемными свойствами личности,

Табл. 5. Корреляции т Кендалла цифровых зависимостей между собой и с личностными свойствами студентов (N = 846)

Корреляция	ЗВИ	ЗСС	ЗС	Агрес	Тревл	Депр	Прокр	Прод	Пробл
Зависимость от видеоигр (ЗВИ)	1,000	0,232**	0,190**	0,127**	0,204**	0,252**	0,149**	0,489**	0,191**
Зависимость от соцсетей (ЗСС)	0,232**	1,000	0,437**	0,222**	0,249**	0,206**	0,159**	0,151**	0,190**
Зависимость от смартфона (ЗС)	0,190**	0,437**	1,000	0,177**	0,326**	0,253**	0,292**	0,077*	0,208**
Агрессия	0,127**	0,222**	0,177**	1,000	0,220**	0,095*	0,124**	0,024*	0,102*
Тревога	0,204**	0,249**	0,326**	0,220**	1,000	0,403**	0,258**	0,120**	0,213**
Депрессия	0,252**	0,206**	0,253**	0,095*	0,403**	1,000	0,171**	0,245**	0,217**
Прокрастинация	0,149**	0,159**	0,292**	0,124**	0,258**	0,171**	1,000	0,089*	0,182**
Продолжительность игры	0,489**	0,151**	0,077*	0,024*	0,120**	0,245**	0,089**	1	0,146**
Проблемы со сном	0,191**	0,190**	0,208**	0,102*	0,213**	0,217**	0,182**	0,146**	1,000

Примечание: * p ≤ 0,05, ** p ≤ 0,01.

Table 5. Kendall's τ correlations among digital dependencies and personality traits in students (N = 846)

Correlation	VGA	SMA	SA	Aggres	Anxiety	Depres	Procrast	Gaming duration	Sleep dist
Video game addiction (VGA)	1.000	0.232**	0.190**	0.127**	0.204**	0.252**	0.149**	0.489**	0.191**
Social media addiction (SMA)	0.232**	1.000	0.437**	0.222**	0.249**	0.206**	0.159**	0.151**	0.190**
Smartphone addiction (SA)	0.190**	0.437**	1.000	0.177**	0.326**	0.253**	0.292**	0.077*	0.208**
Aggression	0.127**	0.222**	0.177**	1.000	0.220**	0.095*	0.124**	0.024*	0.102*
Anxiety	0.204**	0.249**	0.326**	0.220**	1.000	0.403**	0.258**	0.120**	0.213**
Depression	0.252**	0.206**	0.253**	0.095*	0.403**	1.000	0.171**	0.245**	0.217**
Procrastination	0.149**	0.159**	0.292**	0.124**	0.258**	0.171**	1.000	0.089*	0.182**
Gaming duration	0.489**	0.151**	0.077*	0.024*	0.120**	0.245**	0.089**	1	0.146**
Sleep disturbances	0.191**	0.190**	0.208**	0.102*	0.213**	0.217**	0.182**	0.146**	1.000

Note: * $p \leq 0.05$, ** $p \leq 0.01$.

как агрессивность, тревога, депрессия, прокрастинация, а также с продолжительностью ежедневной игры и проблемами со сном.

5. Влияние возраста на проявления проблемных свойств личности студентов

Влияние возраста на цифровые зависимости отражено в нижеследующих рисунках.

Рисунок 1 показывает, что зависимость юношей от видеоигр постоянно превышает аналогичную зависимость девушек и от первого к четвертому курсу увеличивается, в то время как у девушек в целом снижается. Последнее на-

ходит подтверждение в том, что соответствующая корреляция Кендалла зависимости от возраста у юношей $\tau = 0,100$, $p < 0,001$, а у девушек $\tau = -0,131$, $p < 0,001$.

Из рисунка 2 следует, что зависимость девушек от социальных сетей превосходит аналогичную зависимость юношей, но к последнему курсу несколько снижается, а у юношей подрастает.

Рисунок 3 показывает, что зависимость девушек от смартфона постоянно превышает аналогичную зависимость юношей и от первого к четвертому курсу уменьшается, в то время как у юношей эта зависимость повышается.

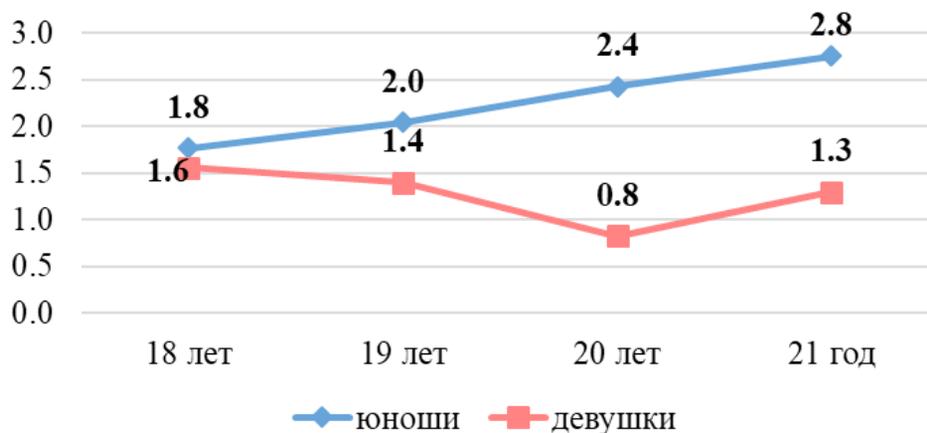

Рис. 1. Влияние возраста на зависимость от видеоигр

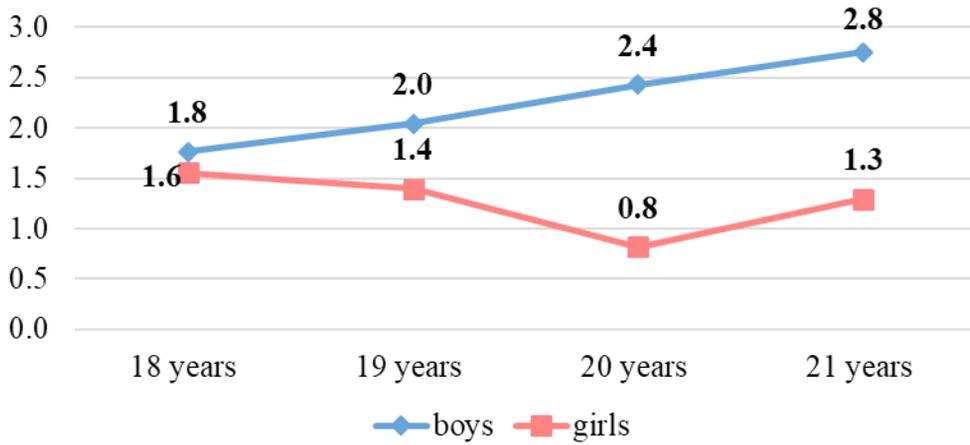

Fig. 1. The Effect of Age on Video Game Addiction

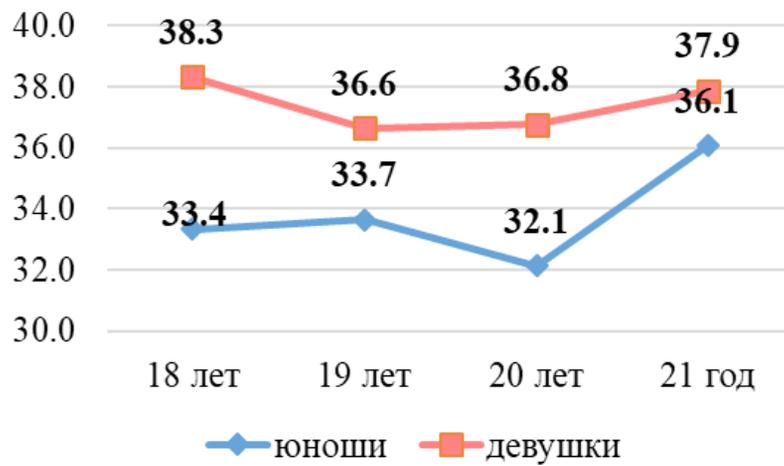

Рис. 2. Влияние возраста на зависимость от социальных сетей

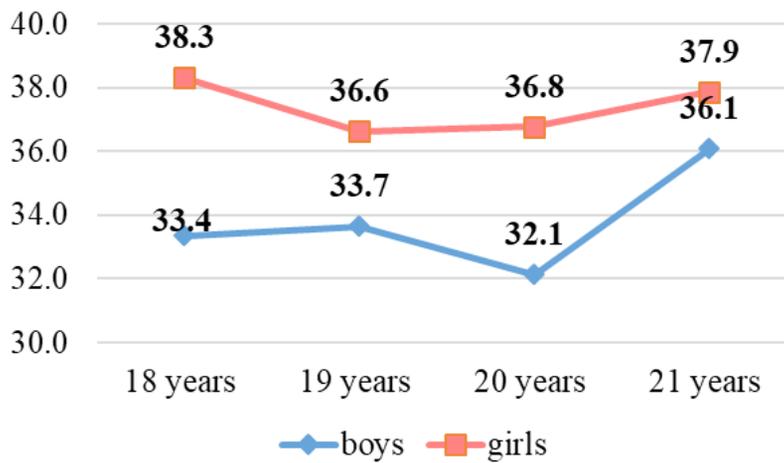

Fig. 2. The Impact of Age on Social Media Addiction

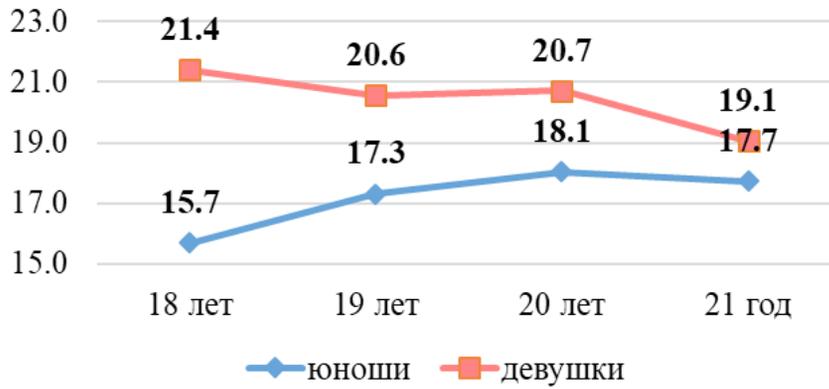

Рис. 3. Влияние возраста на зависимость от смартфона

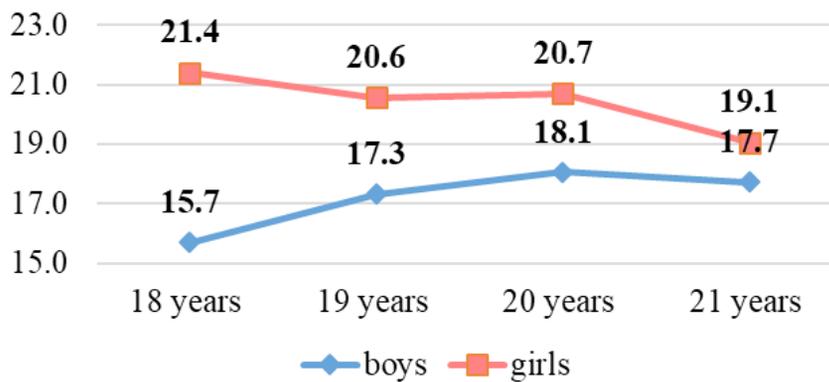

Fig. 3. The Impact of Age on Smartphone Addiction

Выводы

Проведенным исследованием установлено, что у русскоязычных студентов зависимость от видеоигр, зависимость от смартфона и зависимость от социальных сетей положительно взаимосвязаны и положительно связаны с такими проблемными свойствами личности, как агрессивность, тревога, депрессия, прокрастинация, а также с проблемами со сном и продолжительностью ежедневных видеоигр.

В возрасте 18–21 лет зависимость юношей от видеоигр постоянно превышает аналогичную зависимость девушек и от первого к четвертому курсу увеличивается, в то время как у девушек в целом снижается.

Зависимость девушек от социальных сетей превосходит аналогичную зависимость юношей, но к последнему курсу несколько снижается, а у юношей увеличивается.

Зависимость девушек от смартфона постоянно превышает аналогичную зависимость юношей и от первого к четвертому курсу умень-

шается, в то время как у юношей эта зависимость повышается.

У девушек больше, чем у юношей, выражены тревожность и прокрастинация. Равным образом юноши и девушки страдают от депрессии и проблем со сном.

Выявленные в настоящем исследовании результаты имеют определенное теоретическое значение. Они, в частности, показывают, что зависимость от видеоигр, зависимость от смартфона и зависимость от социальных сетей образуют триединый концепт, который можно определить как «Проблемный комплекс цифровых зависимостей», включающий в себя зависимость от смартфона, зависимость от социальных сетей и зависимость от видеоигр с их положительными связями между собой и положительными взаимосвязями с такими проблемными свойствами личности, как агрессивность, тревога, депрессия, прокрастинация, а также с проблемами со сном и продолжительностью ежедневных видеоигр.

В практическом плане полученные результаты могут быть использованы в работе по предотвращению формирования у студентов цифровых зависимостей. Эти результаты показывают, что любая из сформировавшихся цифровых зависимостей психологически связана с другими двумя зависимостями и потому может дополняться этими. Сообщение студентам результатов данного исследования может способствовать убедительности этого воспитательного воздействия.

Перспективы дальнейших исследований авторы видят в изучении *проблемного комплекса цифровых зависимостей* с целью обнаружения новых общих свойств у зависимостей, составляющих данный концепт, и распространения соответствующих результатов на другие возрастные группы.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors report that the study followed the ethical principles stipulated in for research involving humans and animals.

Заявление о доступности данных

Данные доступны по запросу, адресованному автору-корреспонденту.

Data Availability Statement

The data is available upon request addressed to the corresponding author.

Вклад авторов

В. П. Шейнов — постановка задачи, планирование и проведение исследования, работа с литературными источниками, получение конкретных результатов, их критический анализ и интерпретация, написание текста статьи.

В. А. Карпиевич — проведение тестирования, обработка тестов, интерпретация результатов, рекомендации по практическому применению полученных результатов.

Author Contributions

V. P. Sheinov — study conception and design, literature review, data interpretation, manuscript preparation.

V. A. Karpievich — data collection, statistical analysis, results interpretation, practical recommendations.

Литература

- Беловол, Е. В., Колотилова, И. В. (2011) Разработка опросника для оценки степени увлеченности ролевыми компьютерными играми. *Психологический журнал*, т. 32, № 6, с. 49–58. EDN: PEQEOV
- Видова, О. М. (2016) Психологическое измерение компьютерной игровой зависимости. *Ученые записки Российского государственного социального университета*, т. 15, № 1, с. 58–66. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2016-15-1-58-66>
- Гришина, А. В. (2014) Тест-опросник степени увлеченности младших подростков компьютерными играми. *Вестник московского университета. Серия 14. Психология*, № 4, с. 131–141.
- Кочетков, Н. В. (2016) Социально-психологические аспекты зависимости от онлайн-игр и методика ее диагностики. *Социальная психология и общество*, т. 7, № 3, с. 148–163. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070311>
- Краснова, С. В., Казарян, Н. Р., Тундалева, В. С. и др. (2008) *Как справиться с компьютерной зависимостью*. М.: Эксмо, 224 с.
- Лузько, А. В. (2016) Разработка личностного опросника для студентов «Игровая компьютерная зависимость». *Высшая школа*, № 4 (114), с. 57–60.
- Морозова, М. А., Потанин, С. С., Бениашвили, А. Г. и др. (2023) Валидация русскоязычной версии Госпитальной шкалы тревоги и депрессии в общей популяции. *Профилактическая медицина*, т. 26, № 4, с. 7–14. <https://doi.org/10.17116/profmed2023260417>
- Райгородский, Д. Я. (2001) *Практическая психодиагностика. Методики и тесты*. Самара: БАХРАХ-М, 672 с.

- Шейнов, В. П. (2014) Ассертивное поведение: оценки и свойства. *Российский психологический журнал*, т. 11, № 4, с. 55–67. <https://doi.org/10.21702/rpj.2014.4.4>
- Шейнов, В. П. (2021) Короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона». *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, т. 6, № 1, с. 97–115. <https://doi.org/10.38098/iran.opwp.2021.18.1.005>
- Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2021) Разработка надежного и валидного опросника зависимости от социальных сетей. *Системная психология и социология*, № 2 (38), с. 41–55. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.38.2.04>
- Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2022) Короткая версия опросника «незащищенность от манипуляций». *Системная психология и социология*, № 1 (41), с. 70–80. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2022.41.1.6>
- Шейнов, В. П., Девицын, А. С. (2024) Короткая версия опросника прокрастинации: надежность, валидность, факторная структура. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*, № 2, с. 68–76.
- Akbaş, E., İşleyen, E. K. (2024) The effect of digital game addiction on aggression and anger levels in adolescents: A cross-sectional study. *Archives of Psychiatric Nursing*, vol. 52, pp. 106–112. <https://doi.org/10.1016/j.apnu.2024.06.022>
- André, F., Broman, N., Håkansson, A., Claesdotter-Knutsson, E. (2020) Gaming addiction, problematic gaming and engaged gaming—Prevalence and associated characteristics. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 12, article 100324. <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2020.100324>
- Bayanfar, F., Khatami, M., Halakouei Filabadi, Z., Amir Reza, R. M. (2022) Explaining an online gaming addiction model based on academic failure, concentration skill, and aggressive behavior: Mediating role of family life events and changes. *Journal of Family Psychology*, vol. 8, no. 2, pp. 39–56. <https://doi.org/10.52547/ijfp.2022.536816.0>
- Boz, C., Dinç, M. (2023) Examination of game addiction studies conducted in Turkey: A systematic review study. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 14, article 1014621. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1014621>
- Caner, N., Evgin, D. (2021) Digital risks and adolescents: The relationships between digital game addiction, emotional eating, and aggression. *International Journal of Mental Health Nursing*, vol. 30, no. 6, pp. 1599–1609. <https://doi.org/10.1111/inm.12912>
- Casale, S., Musicò, A., Spada, M. M. (2021) A systematic review of metacognitions in Internet Gaming Disorder and problematic Internet, smartphone and social networking sites use. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, vol. 28, no. 6, pp. 1494–1508. <https://doi.org/10.1002/cpp.2588>
- Deng, X., Li, X., Xiang, Y. (2024) Smartphone addiction and internalized and externalized aggression among adolescents: Evidence from longitudinal study and weekly diary study. *Computers in Human Behavior*, vol. 150, article 107988. <http://doi.org/10.1016/j.chb.2023.107988>
- González-Bueso, V., Santamaría, J. J., Fernández, D. et al. (2018) Association between internet gaming disorder or pathological video-game use and comorbid psychopathology: A comprehensive review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 15, no. 4, article 668. <http://dx.doi.org/10.3390/ijerph15040668>
- Güler, H., Öztay, O. H., Özkoçak, V. (2022) Evaluation of the relationship between social media addiction and aggression. *Gaziantep University Journal of Social Sciences*, vol. 21, no. 3, pp. 1350–1366. <https://doi.org/10.21547/jss.1109602>
- Hammad, M. A., Al-Shahrani, H. F. (2024) Impulsivity and aggression as risk factors for internet gaming disorder among university students. *Scientific Reports*, vol. 14, article 3712. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-53807-5>
- Higuchi, S., Osaki, Y., Kinjo, A. et al. (2021) Development and validation of a nine-item short screening test for ICD-11 gaming disorder (GAMES test) and estimation of the prevalence in the general young population. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 10, no. 2, pp. 263–280. <https://doi.org/10.1556/2006.2021.00041>
- Hofstedt, A., Mide, M., Arvidson, E. et al. (2023) Pilot data findings from the Gothenburg treatment for gaming disorder: A cognitive behavioral treatment manual. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 14, article 1162492. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1162492>
- Kim, M. O., Kim, H., Kim, K. et al. (2015) Smartphone addiction:(focused depression, aggression and impulsions) among college students. *Indian Journal of Science and Technology*, vol. 8, no. 25, pp. 1–8. <https://doi.org/10.17485/ijst/2015/v8i25/80215>
- Krishnan, A., Chew, P. K. H. (2024) Impact of social media addiction and internet gaming disorder on sleep quality: Serial mediation analyses. *Psychiatric Quarterly*, vol. 95, pp. 185–202. <https://doi.org/10.1007/s11126-024-10068-9>
- Krossbakken, E., Pallesen, S., Mentzoni, R. A. et al. (2018) A cross-lagged study of developmental trajectories of video game engagement, addiction, and mental health. *Frontiers in Psychology*, vol. 9, article 2239. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02239>
- Kyung, K. S., Shin, S., Lee, J. I. (2021) The moderating effect of self-efficacy on the relationship between internet game addiction and aggression among Korean adolescents. *Social Sciences*, vol. 10, no. 2, pp. 58–66. <http://dx.doi.org/10.11648/j.ss.20211002.13>
- Li, L., Griffiths, M. D., Niu, Z., Mei, S. (2020) Fear of missing out (FoMO) and gaming disorder among Chinese university students: Impulsivity and game time as mediators. *Issues in Mental Health Nursing*, vol. 41, no. 12, pp. 1104–1113. <https://doi.org/10.1080/01612840.2020.1774018>

- Li, L., Liu, L., Niu, Z. et al. (2023) Gender differences and left-behind experiences in the relationship between gaming disorder, rumination and sleep quality among a sample of Chinese university students during the late stage of the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 14, article 1108016. <http://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1108016>
- Li, L., Niu, Z., Griffiths, M. D., Mei, S. (2021) Relationship between gaming disorder, self-compensation motivation, game flow, time spent gaming, and fear of missing out among a sample of Chinese university students: A network analysis. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 12, article 761519. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.761519>
- Lin, C.-Y., Potenza, M. N., Pontes, H. M., Pakpour, A. H. (2023) Psychometric properties of the Persian Gaming Disorder Test and relationships with psychological distress and insomnia in adolescents. *BMC Psychology*, no. 11, article 326. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01368-z>
- Meng, S.-Q., Cheng, J.-L., Li, Y.-Y. et al. (2022) Global prevalence of digital addiction in general population: A systematic review and meta-analysis. *Clinical Psychology Review*, vol. 92, article 102128. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128>
- Nakayama, H., Matsuzaki, T., Mihara, S. et al. (2020) Relationship between problematic gaming and age at the onset of habitual gaming. *Pediatrics International*, vol. 62, no. 11, pp. 1275–1281. <https://doi.org/10.1111/ped.14290>
- Nordby, K., Løkken, R. A., Pfuhl, G. (2019) Playing a video game is more than mere procrastination. *BMC Psychology*, vol. 7, article 33. <https://doi.org/10.1186/s40359-019-0309-9>
- Pan, Y., Motevalli, S., Yu, L. (2024) The relationship between game addiction and aggression among adolescents with mediating role of narcissism and self-control. *Iranian Journal of Psychiatry*, vol. 19, no. 3, pp. 274–284. <https://doi.org/10.18502/ijps.v19i3.15804>
- Pfuhl, G., Nordby, K. (2018) Procrastination among videogamers. *BMC Psychology*, pp. 1–26. <https://doi.org/10.31219/osf.io/4r7eg>
- Rustamov, E., Aliyeva, M., Rustamova, N. et al. (2023) Aggression mediates relationships between social media addiction and adolescents' wellbeing. *The Open Psychology Journal*, vol. 16, no. 1, article e187435012309120. <http://dx.doi.org/10.2174/0118743501251575230925074655>
- Saputra, M. D., Marjohan, M., Yarni, S. N., Ahmad, R. (2023) The contribution of academic procrastination to game addiction behavior. *IBERS: Jurnal Pendidikan Indonesia Bermutu*, vol. 2, no. 1, pp. 11–21. <https://doi.org/10.61648/ibers.v2i1.75>
- Shahid, M. S., Yousaf, R., Munir, H. (2024) Social media addiction, depression and aggression in young adults. *Journal of Professional & Applied Psychology*, vol. 5, no. 2, pp. 276–285. <https://doi.org/10.52053/jpap.v5i2.297>
- Sheinov, V. P. (2018) Developing the technique for assessing the degree of victimization in adults. *Russian Psychological Journal*, vol. 15, no. 2/1, pp. 69–85. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.1.5>
- Wartberg, L., Kriston, L., Thomasius, R. (2020) Internet gaming disorder and problematic social media use in a representative sample of German adolescents: Prevalence estimates, comorbid depressive symptoms and related psychosocial aspects. *Computers in Human Behavior*, vol. 103, pp. 31–36. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.09.014>
- Wong, H. Y., Mo, H. Y., Potenza, M. N. et al. (2020) Relationships between severity of internet gaming disorder, severity of problematic social media use, sleep quality and psychological distress. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no 6, article 1879. <https://doi.org/10.3390/ijerph17061879>
- Xia, L. L., Li, J. D., Duan, F. et al. (2023) Effects of online game and short video behavior on academic delay of gratification-mediating effects of anxiety, depression and retrospective memory. *Psychology Research and Behavior Management*, vol. 16, pp. 4353–4365. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S432196>
- Yifei, P., Motevalli, S. (2023) Exploring the correlations between game addiction, aggression, narcissism, and self-control among adolescents: a comprehensive literature review. *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development*, vol. 12, no. 3, pp. 500–519. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARPE/v12-i3/17869>
- Yilmaz, R., Sulak, S., Griffiths, M. D., Yilmaz, F. G. K. (2023) An exploratory examination of the relationship between internet gaming disorder, smartphone addiction, social appearance anxiety and aggression among undergraduate students. *Journal of Affective Disorders Reports*, vol. 11, article 100483. <https://doi.org/10.1016/j.jadr.2023.100483>
- Zhang, M., Chi, C., Liu, Q. et al. (2024) Prevalence of smartphone addiction and its relation with psychological distress and internet gaming disorder among medical college students. *Frontiers in Public Health*, vol. 12, article e1362121. <http://dx.doi.org/10.3389/fpubh.2024.1362121>
- Zhang, Y., Hou, Z., Wu, S. et al. (2022) The relationship between internet addiction and aggressive behavior among adolescents during the COVID-19 pandemic: Anxiety as a mediator. *Acta Psychologica*, vol. 227, article 103612. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2022.103612>
- Zhu, L., Zhu, Y., Li, S. et al. (2023) Association of internet gaming disorder with impulsivity: Role of risk preferences. *BMC Psychiatry*, vol. 23, article 754. <https://doi.org/10.1186/s12888-023-05265-y>

References

- Akbaş, E., İşleyen, E. K. (2024) The effect of digital game addiction on aggression and anger levels in adolescents: A cross-sectional study. *Archives of Psychiatric Nursing*, vol. 52, pp. 106–112. <https://doi.org/10.1016/j.apnu.2024.06.022> (In English)

- André, F., Broman, N., Håkansson, A., Claesdotter-Knutsson, E. (2020) Gaming addiction, problematic gaming and engaged gaming—Prevalence and associated characteristics. *Addictive Behaviors Reports*, vol. 12, article 100324. <https://doi.org/10.1016/j.abrep.2020.100324> (In English)
- Bayanfar, F., Khatami, M., Halakouei Filabadi, Z., Amir Reza, R. M. (2022) Explaining an online gaming addiction model based on academic failure, concentration skill, and aggressive behavior: Mediating role of family life events and changes. *Journal of Family Psychology*, vol. 8, no. 2, pp. 39–56. <https://doi.org/10.52547/ijfp.2022.536816.0> (In English)
- Belovol, E. V., Kolotilova, I. V. (2011) Razrabotka oprosnika dlya otsenki stepeni uvlechennosti rolevymi komp'yuternymi igrami [Development of a questionnaire to assess the degree of passion for role-playing computer games]. *Psikhologicheskij zhurnal — Psychological Journal*, vol. 32, no. 6, pp. 49–58. (In Russian)
- Boz, C., Dinç, M. (2023) Examination of game addiction studies conducted in Turkey: A systematic review study. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 14, article 1014621. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1014621> (In English)
- Caner, N., Evgin, D. (2021) Digital risks and adolescents: The relationships between digital game addiction, emotional eating, and aggression. *International Journal of Mental Health Nursing*, vol. 30, no. 6, pp. 1599–1609. <https://doi.org/10.1111/inm.12912> (In English)
- Casale, S., Musicò, A., Spada, M. M. (2021) A systematic review of metacognitions in Internet Gaming Disorder and problematic Internet, smartphone and social networking sites use. *Clinical Psychology & Psychotherapy*, vol. 28, no. 6, pp. 1494–1508. <https://doi.org/10.1002/cpp.2588> (In English)
- Deng, X., Li, X., Xiang, Y. (2024) Smartphone addiction and internalized and externalized aggression among adolescents: Evidence from longitudinal study and weekly diary study. *Computers in Human Behavior*, vol. 150, article 107988. <http://doi.org/10.1016/j.chb.2023.107988> (In English)
- González-Bueso, V., Santamaría, J. J., Fernández, D. et al. (2018) Association between internet gaming disorder or pathological video-game use and comorbid psychopathology: A comprehensive review. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 15, no. 4, article 668. <http://dx.doi.org/10.3390/ijerph15040668> (In English)
- Grishina, A. V. (2014) Test-oprosnik stepeni uvlechennosti mladshikh podrostkov komp'yuternymi igrami [A test questionnaire on the degree of fascination of younger teenagers with computer games]. *Vestnik moskovskogo universiteta. Seria 14. Psikhologiya — Lomonosov Psychology Journal*, no. 4, pp. 131–141. (In Russian)
- Güler, H., Öztay, O. H., Özkoçak, V. (2022) Evaluation of the relationship between social media addiction and aggression. *Gaziantep University Journal of Social Sciences*, vol. 21, no. 3, pp. 1350–1366. <https://doi.org/10.21547/jss.1109602> (In English)
- Hammad, M. A., Al-Shahrani, H. F. (2024) Impulsivity and aggression as risk factors for internet gaming disorder among university students. *Scientific Reports*, vol. 14, article 3712. <https://doi.org/10.1038/s41598-024-53807-5> (In English)
- Higuchi, S., Osaki, Y., Kinjo, A. et al. (2021) Development and validation of a nine-item short screening test for ICD-11 gaming disorder (GAMES test) and estimation of the prevalence in the general young population. *Journal of Behavioral Addictions*, vol. 10, no. 2, pp. 263–280. <https://doi.org/10.1556/2006.2021.00041> (In English)
- Hofstedt, A., Mide, M., Arvidson, E. et al. (2023) Pilot data findings from the Gothenburg treatment for gaming disorder: A cognitive behavioral treatment manual. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 14, article 1162492. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1162492> (In English)
- Kim, M. O., Kim, H., Kim, K. et al. (2015) Smartphone addiction:(focused depression, aggression and impulsion) among college students. *Indian Journal of Science and Technology*, vol. 8, no. 25, pp. 1–8. <https://doi.org/10.17485/ijst/2015/v8i25/80215> (In English)
- Kochetkov, N. V. (2016) Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty zavisimosti ot onlajn-igr i metodika ee diagnostiki [Socio-psychological aspects of online gaming addiction and methods of its diagnosis]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo — Social Psychology and Society*, vol. 7, no. 3, pp. 148–163. <https://doi.org/10.17759/sps.2016070311> (In Russian)
- Krasnova, S. V., Kazaryan, N. R., Tundaleva, V. S. et al. (2008) *Kak spravit'sya s komp'yuternoj zavisimost'yu [How to deal with computer addiction]*. Moscow: Eksmo Publ., 224 p. (In Russian)
- Krishnan, A., Chew, P. K. H. (2024) Impact of social media addiction and internet gaming disorder on sleep quality: Serial mediation analyses. *Psychiatric Quarterly*, vol. 95, pp. 185–202. <https://doi.org/10.1007/s11126-024-10068-9> (In English)
- Krossbakken, E., Pallesen, S., Mentzoni, R. A. et al. (2018) A cross-lagged study of developmental trajectories of video game engagement, addiction, and mental health. *Frontiers in Psychology*, vol. 9, article 2239. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.02239> (In English)
- Kyung, K. S., Shin, S., Lee, J. I. (2021) The moderating effect of self-efficacy on the relationship between internet game addiction and aggression among Korean adolescents. *Social Sciences*, vol. 10, no. 2, pp. 58–66. <http://dx.doi.org/10.11648/j.ss.20211002.13> (In English)
- Li, L., Griffiths, M. D., Niu, Z., Mei, S. (2020) Fear of missing out (FoMO) and gaming disorder among Chinese university students: Impulsivity and game time as mediators. *Issues in Mental Health Nursing*, vol. 41, no. 12, pp. 1104–1113. <https://doi.org/10.1080/01612840.2020.1774018> (In English)

- Li, L., Liu, L., Niu, Z. et al. (2023) Gender differences and left-behind experiences in the relationship between gaming disorder, rumination and sleep quality among a sample of Chinese university students during the late stage of the COVID-19 pandemic. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 14, article 1108016. <http://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1108016> (In English)
- Li, L., Niu, Z., Griffiths, M. D., Mei, S. (2021) Relationship between gaming disorder, self-compensation motivation, game flow, time spent gaming, and fear of missing out among a sample of Chinese university students: A network analysis. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 12, article 761519. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.761519> (In English)
- Lin, C.-Y., Potenza, M. N., Pontes, H. M., Pakpour, A. H. (2023) Psychometric properties of the Persian Gaming Disorder Test and relationships with psychological distress and insomnia in adolescents. *BMC Psychology*, no. 11, article 326. <https://doi.org/10.1186/s40359-023-01368-z> (In English)
- Luz'ko, A. V. (2016) Razrabotka lichnostnogo oprosnika dlya studentov "Igrovaya komp'yuternaya zavisimost'" [Development of a personality questionnaire for students on "Computer gaming addiction"]. *Vyshejschaya shkola*, no. 4 (114), pp. 57–60. (In Russian)
- Meng, S.-Q., Cheng, J.-L., Li, Y.-Y. et al. (2022) Global prevalence of digital addiction in general population: A systematic review and meta-analysis. *Clinical Psychology Review*, vol. 92, article 102128. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2022.102128> (In English)
- Morozova, M. A., Potanin, S. S., Beniashvili, A. G. et al. (2023) Validatsiya russkoyazychnoj versii Gospital'noj shkaly trevogi i depressii v obshchej populyatsii [Validation of the Russian version of the Hospital Anxiety and Depression Scale in the general population]. *Profilakticheskaya meditsina — Russian Journal of Preventive Medicine*, vol. 26, no. 4, pp. 7–14. <https://doi.org/10.17116/profmed2023260417> (In Russian)
- Nakayama, H., Matsuzaki, T., Mihara, S. et al. (2020) Relationship between problematic gaming and age at the onset of habitual gaming. *Pediatrics International*, vol. 62, no. 11, pp. 1275–1281. <https://doi.org/10.1111/ped.14290> (In English)
- Nordby, K., Løkken, R. A., Pfuhl, G. (2019) Playing a video game is more than mere procrastination. *BMC psychology*, vol. 7, article 33. <https://doi.org/10.1186/s40359-019-0309-9> (In English)
- Pan, Y., Motevalli, S., Yu, L. (2024) The relationship between game addiction and aggression among adolescents with mediating role of narcissism and self-control. *Iranian Journal of Psychiatry*, vol. 19, no. 3, pp. 274–284. <https://doi.org/10.18502/ijps.v19i3.15804> (In English)
- Pfuhl, G., Nordby, K. (2018) Procrastination among videogamers. *BMC Psychology*, pp. 1–26. <https://doi.org/10.31219/osf.io/4r7eg> (In English)
- Rajgorodskij, D. Ya. (2001) *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical psychodiagnosics. Methods and tests]. Samara: BAKhRAKh-M Publ., 672 p. (In Russian)
- Rustamov, E., Aliyeva, M., Rustamova, N. et al. (2023) Aggression mediates relationships between social media addiction and adolescents' wellbeing. *The Open Psychology Journal*, vol. 16, no. 1, article e187435012309120. <http://dx.doi.org/10.2174/0118743501251575230925074655> (In English)
- Saputra, M. D., Marjohan, M., Yarni, S. N., Ahmad, R. (2023) The contribution of academic procrastination to game addiction behavior. *IBERS: Jurnal Pendidikan Indonesia Bermutu*, vol. 2, no. 1, pp. 11–21. <https://doi.org/10.61648/ibers.v2i1.75> (In English)
- Shahid, M. S., Yousaf, R., Munir, H. (2024) Social media addiction, depression and aggression in young adults. *Journal of Professional & Applied Psychology*, vol. 5, no. 2, pp. 276–285. <https://doi.org/10.52053/jpap.v5i2.297> (In English)
- Sheinov, V. P. (2014) Assertivnoe povedenie: otsenki i svoystva [Assertive behavior: Assessments and properties]. *Rossijskij psikhologicheskij zhurnal — Russian Psychological Journal*, vol. 11, no. 4, pp. 55–67. <https://doi.org/10.21702/rpj.2014.4.4> (In Russian)
- Sheinov, V. P. (2018) Developing the technique for assessing the degree of victimization in adults. *Russian Psychological Journal*, vol. 15, no. 2/1, pp. 69–85. <https://doi.org/10.21702/rpj.2018.2.1.5> (In English)
- Sheinov, V. P. (2021) Korotkaya versiya oprosnika "Shkala zavisimosti ot smartfona" [Short version of the questionnaire "Scale of dependence on the smartphone"]. *Institut psikhologii Rossijskoj Akademii Nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda — Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational Psychology and Labor Psychology*, vol. 6, no. 1, pp. 97–115. <https://doi.org/10.38098/ipran.opwp.2021.18.1.005> (In Russian)
- Sheinov, V. P., Devitsyn, A. S. (2021) Razrabotka nadezhnogo i validnogo oprosnika zavisimosti ot sotsial'nykh setej [The development of a reliable and valid social media dependence questionnaire]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya — Systems Psychology and Sociology*, vol. 2, no. 38, pp. 41–55. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2021.38.2.04> (In Russian)
- Sheinov, V. P., Devitsyn, A. S. (2022) Korotkaya versiya oprosnika "Nezashchishchennost' ot manipulyatsiy" [Short version of the questionnaire "Vulnerability to manipulation"]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya — Systemic Psychology and Sociology*, vol. 1, no. 41, pp. 70–80. <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2022.41.1.6> (In Russian)
- Sheinov, V. P., Dziavitsyn, A. S. (2024) Korotkaya versiya oprosnika prokrastinatsii: nadezhnost', validnost', faktornaya struktura [Short version of the procrastination questionnaire: Reliability, validity, factor structure]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya — Journal of the Belarusian State University*, no. 2, pp. 68–76. (In Russian)

- Vidova, O. M. (2016) Psikhologicheskoe izmerenie komp'yuternoj igrovoj zavisimosti [Psikhologicheskoye izmereniye komp'yuternoy igrovoj zavisimosti]. *Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta — Scientific Notes of the Russian State Social University*, vol. 15, no. 1, pp. 58–66. <https://doi.org/10.17922/2071-5323-2016-15-1-58-66> (In Russian)
- Wartberg, L., Kriston, L., Thomasius, R. (2020) Internet gaming disorder and problematic social media use in a representative sample of German adolescents: Prevalence estimates, comorbid depressive symptoms and related psychosocial aspects. *Computers in Human Behavior*, vol. 103, pp. 31–36. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2019.09.014> (In English)
- Wong, H. Y., Mo, H. Y., Potenza, M. N. et al. (2020) Relationships between severity of internet gaming disorder, severity of problematic social media use, sleep quality and psychological distress. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no 6, article 1879. <https://doi.org/10.3390/ijerph17061879> (In English)
- Xia, L. L., Li, J. D., Duan, F. et al. (2023) Effects of online game and short video behavior on academic delay of gratification—mediating effects of anxiety, depression and retrospective memory. *Psychology Research and Behavior Management*, vol. 16, pp. 4353–4365. <https://doi.org/10.2147/PRBM.S432196> (In English)
- Yifei, P., Motevalli, S. (2023) Exploring the correlations between game addiction, aggression, narcissism, and self-control among adolescents: a comprehensive literature review. *International Journal of Academic Research in Progressive Education and Development*, vol. 12, no. 3, pp. 500–519. <http://dx.doi.org/10.6007/IJARPED/v12-i3/17869> (In English)
- Yilmaz, R., Sulak, S., Griffiths, M. D., Yilmaz, F. G. K. (2023) An exploratory examination of the relationship between internet gaming disorder, smartphone addiction, social appearance anxiety and aggression among undergraduate students. *Journal of Affective Disorders Reports*, vol. 11, article 100483. <https://doi.org/10.1016/j.jadr.2023.100483> (In English)
- Zhang, M., Chi, C., Liu, Q. et al. (2024) Prevalence of smartphone addiction and its relation with psychological distress and internet gaming disorder among medical college students. *Frontiers in Public Health*, vol. 12, article e1362121. <http://dx.doi.org/10.3389/fpubh.2024.1362121> (In English)
- Zhang, Y., Hou, Z., Wu, S. et al. (2022) The relationship between internet addiction and aggressive behavior among adolescents during the COVID-19 pandemic: Anxiety as a mediator. *Acta Psychologica*, vol. 227, article 103612. <https://doi.org/10.1016/j.actpsy.2022.103612> (In English)
- Zhu, L., Zhu, Y., Li, S. et al. (2023) Association of internet gaming disorder with impulsivity: Role of risk preferences. *BMC Psychiatry*, vol. 23, article 754. <https://doi.org/10.1186/s12888-023-05265-y> (In English)

Сведения об авторах

Виктор Павлович Шейнов, доктор социологических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, профессор кафедры психологии и педагогического мастерства Республиканского института высшей школы, академик Международной академии информационных технологий
SPIN-код: [7605-9100](https://orcid.org/0000-0002-2191-646X), ORCID: [0000-0002-2191-646X](https://orcid.org/0000-0002-2191-646X), e-mail: sheinov1@mail.ru

Виктор Александрович Карпиевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и права, Белорусский государственный технологический университет
SPIN-код: [9276-3330](https://orcid.org/0000-0002-6198-618X), Scopus AuthorID: [59392133900](https://orcid.org/0000-0002-6198-618X), ORCID: [0000-0002-6198-618X](https://orcid.org/0000-0002-6198-618X), e-mail: karpievich68@yandex.by

Authors

Viktor P. Sheinov, Doctor of Sciences (Sociology), Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Professor of the Department of Psychology and Pedagogical Excellence, Republican Institute of Higher Education, Academician of the International Academy of Information Technologies
SPIN: [7605-9100](https://orcid.org/0000-0002-2191-646X), ORCID: [0000-0002-2191-646X](https://orcid.org/0000-0002-2191-646X), e-mail: sheinov1@mail.ru

Viktor A. Karpievich, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Law, Belarusian State Technological University
SPIN: [9276-3330](https://orcid.org/0000-0002-6198-618X), Scopus AuthorID: [59392133900](https://orcid.org/0000-0002-6198-618X), ORCID: [0000-0002-6198-618X](https://orcid.org/0000-0002-6198-618X), e-mail: karpievich68@yandex.by

УДК 159.9

EDN FHWULB

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-214-226>

Научная статья

Взаимосвязь воспитательной практики матерей, эмоционального состояния и суицидального риска у подростков с девиантным поведением

И. А. Горьковая ^{✉1}

¹ Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет,
194100, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Литовская, д. 2

Для цитирования: Горьковая, И. А. (2025) Взаимосвязь воспитательной практики матерей, эмоционального состояния и суицидального риска у подростков с девиантным поведением. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 2, с. 214–226. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-214-226> EDN FHWULB

Получена 24 января 2025; прошла рецензирование 18 марта 2025; принята 8 апреля 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © И. А. Горьковая (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. Актуальность исследования обусловлена ростом суицидального риска в подростковом возрастном периоде, с одной стороны, и изменениями в институте семьи, снижением сплоченности и повышением агрессивности в детско-родительских отношениях, с другой стороны. Цель исследования состоит в изучении взаимосвязи между воспитательной практикой матерей подростков с девиантным поведением и показателями суицидального риска с учетом их эмоционального состояния.

Материалы и методы. В статье приводится анализ эмпирических данных, полученных на выборке 80 подростков с девиантным поведением (мелкие кражи, дерзость в отношении взрослых, прогулы в школе, повышенная конфликтность, эпизодическое употребление психоактивных веществ и т. п.). Исследование проведено в 2024 году. Использовались методика «Подростки о родителях» в адаптации Л. И. Вассермана, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромицыной; «Опросник суицидального риска» А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой; опросник DASS-21 в адаптации А. А. Золотаревой. Выборка была поделена на три группы: с низким, средним и высоким уровнями суицидального риска.

Результаты исследования. У подростков с девиантным поведением низкий уровень суицидального риска встречается у 21 % и высокий уровень — у 34 %. Первичная социализация происходит у 75 % подростков с девиантным поведением в дисфункциональных семьях, из них 50 % от общего числа подростков во внешне благополучных семьях. У подавляющего большинства подростков (78 %) с девиантным поведением выявлены нарушенные отношения с отцами вплоть до прерванных, несмотря на совместное проживание. При низком уровне суицидального риска преобладают показатели суицидального риска, связанные преимущественно с воспитательной практикой матерей, при этом наибольшее значение имеет «Непоследовательность». При среднем уровне суицидального риска взаимосвязей между воспитательной практикой матерей и показателями суицидального риска не выявлено, суицидальный риск взаимосвязан с тревогой, депрессией и стрессом. При высоком уровне суицидального риска его показатели связаны с воспитательными практиками («враждебность», «позитивность», «непоследовательность») и показателями эмоционального состояния в равной степени.

Заключение. Результаты могут быть использованы при индивидуальном психологическом сопровождении подростков с девиантным поведением с разным уровнем суицидального риска.

Ключевые слова: подростки, девиантное поведение, воспитательная практика, семья, суицидальный риск, эмоциональное состояние

Research article

The relationship of maternal parenting practices with emotional state and suicide risk in adolescents with deviant behavior

I. A. Gorkovaya ¹¹ Saint Petersburg State Pediatric Medical University, 2 Litovskaya Str., Saint Petersburg 194100, Russia

For citation: Gorkovaya, I. A. (2025) The relationship of maternal parenting practices with emotional state and suicide risk in adolescents with deviant behavior. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 2, pp. 214–226. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-214-226> EDN FHWULB

Received 24 January 2025; reviewed 18 March 2025; accepted 8 April 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. A. Gorkovaya (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under CC BY-NC License 4.0.

Abstract

Introduction. The relevance of this study is determined by the increasing risk of suicide in adolescence and the transformation of the family institution, marked by declining cohesion and rising aggressiveness in child–parent relationships. The study aims to explore how maternal parenting practices are associated with suicidal risk indicators in adolescents with deviant behaviour, while also considering their emotional state

Materials and Methods. This article presents an analysis of empirical data collected in 2024 from a sample of 80 adolescents with deviant behavior (petty theft, insolence towards adults, truancy from school, increased conflict, occasional use of psychoactive substances, etc.). The following instruments were used: the Teenagers about Parents Questionnaire (adapted by L. Wasserman, I. Gorkovaya, E. Romitsyna), the Suicidal Risk Questionnaire by A. Shmelev (modified by T. Razuvaeva), and the DASS-21 questionnaire (adapted by A. Zolotareva). The sample was divided into groups exhibiting low, medium and high level of suicidal risk. **Results.** In adolescents with deviant behaviour, a low suicidal risk was observed in 21 %, a medium risk in 45 %, and a high risk in 34 % of respondents. It was found that 75 % of adolescents came from dysfunctional families, including 50 % from families that appeared outwardly positive. The vast majority (78 %) reported broken relationships with their fathers, including no interaction despite cohabitation. In adolescents with low suicidal risk, the strongest indicators of suicidal risk were mainly associated with maternal parenting practices, with ‘inconsistency’ being the most significant. In the medium-risk group, no correlations were established between maternal parenting practices and suicidal risk indicators; in this group, suicidal risk was associated with anxiety, depression, and stress. In adolescents with high suicidal risk, indicators of suicidal risk were equally associated with the maternal parenting practices ‘hostility’, ‘positivity’ and ‘inconsistency’, and the adolescents’ emotional state.

Conclusions. The results can be used in individual psychological support of adolescents with deviant behaviour exhibiting varying levels of suicide risk.

Keywords: adolescents, deviant behavior, educational practice, family, suicide risk, emotional state

Введение

Проблема суицидального поведения у подростков является актуальной, в первую очередь, из-за неутешительной статистики, констатирующей третье место суицидов в рейтинге причин молодежной смертности, причем некоторые авторы считают эти данные заниженными из-за их рассмотрения в контексте несчастных случаев (Алимов, Алимова 2023).

Выделяют различные детерминанты, повышающие суицидальный риск у подростков, к которым относят эмоциональное состояние, в первую очередь, депрессию и тревогу, степень стрессоустойчивости, уровень жизнестойкости,

способность к саморегуляции и т. д., но наибольшее значение придается взаимоотношениям в родительской семье. Не вызывает сомнения решающая роль детско-родительских отношений в развитии детей и их психологическом благополучии. Эта проблема является междисциплинарной, привлекающей внимание психологов, педагогов, юристов, социальных работников, медицинских работников. Семья — основа, фундамент для развития ребенка, для его социального функционирования не только в период проживания в родительской семье, но и на последующих этапах его жизненного пути.

В настоящее время отмечаются изменения в институте семьи, что не может не отразиться

на детско-родительских отношениях. Все чаще наблюдается комплекс суицидального поведения у подростков из вполне благополучных семей. Приводятся данные о том, что 78 % зарегистрированных суицидов совершили подростки из внешне вполне гармоничных семей (Петров и др. 2023). В связи с этим цель исследования состоит в изучении взаимосвязи между воспитательной практикой матерей подростков с девиантным поведением и показателями суицидального риска с учетом их эмоционального состояния.

Теоретический обзор современного состояния проблемы

При рассмотрении детско-родительских отношений в контексте суицидальных рисков у детей и подростков акцентируется внимание на специфике дисфункциональных семей. К деструктивным факторам семейного воспитания обычно относят жестокое отношение к детям, личностные особенности родителей и употребление ими психоактивных веществ (Ирикина 2023), а также родительскую депривацию (Игнатова 2018), дефицит адаптивных способностей членов семьи на фоне негативного эмоционального фона (Клепикова, Нестерова 2020). Показано, что манипулятивное суицидальное поведение подростков на 50 % обусловлено сложными взаимоотношениями с родителями (Бабарахимова, Абдуллаева 2020), при этом авторы акцентируют внимание на латентных, скрытых от окружающих взрослых, в первую очередь от родителей, суицидальных рисков у подростков. На основе эмпирического исследования 60 подростков с нормативным поведением выявлено, что либеральный и авторитетный стиль воспитания снижают суицидальный риск, тогда как авторитарный стиль воспитания, наоборот, повышает его (Светогор, Шатюк 2022), а также провоцирует иные формы девиаций поведения, что нивелируется коррекцией авторитарного стиля воспитания и стимулированием сотрудничества в семейной системе (Гасанова 2022). Существует другое мнение, в соответствии с которым последствием либерального стиля родительского воспитания является пассивная жизненная позиция и недостаточное самообладание у детей (Кухтова и др. 2023), что снижает их стрессоустойчивость и повышает суицидальный риск. Другие исследователи обнаружили, что, несмотря на восприятие подростками мужского и женского пола воспитательной практики как позитивной со стороны матери и отца, все равно существует

суицидальный риск у подростков-мальчиков с высокими показателями «временной перспективы», у подростков-девочек с показателем «максимализм» (Михайлова 2023) на фоне повышения тревожности (Мишина 2024) с изменением представлений о жизненной перспективе (Углова и др. 2020). Особое внимание уделяется степени выраженности психопатологической симптоматики (за исключением расстройств психотического спектра) при высоком и низком уровне суицидального риска и при наличии депрессивной и соматической ослабленности, где к основному фактору, повышающему суицидальный риск у подростков с появлением психопатологической симптоматики, отнесено неадекватное субъективное восприятие значимых отношений подростков, в частности с родителями (Нагуманова 2020). В эмпирическом исследовании пациентов социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних доказано, что подростки с высоким уровнем безнадежности в нестандартных, стрессовых для них ситуациях ищут поддержку в семье, от наличия/отсутствия которой зависит степень выраженности антивитальной направленности, в то время как подростки с низким уровнем безнадежности склонны искать социальную поддержку у сверстников, педагогов и т. д. (Юсупов 2023).

Отдельно рассматривается вопрос о влиянии дисфункциональной родительской семьи на суицидальный риск у подростков. Приводится довольно много критериев различий между функциональной и дисфункциональной семьями, которые определяют разное понимание содержания понятия дисфункциональных семей. Одни авторы делают акцент на специфике исполнения родителями основных функций семьи, в первую очередь воспитательной, хозяйственно-бытовой функциях и функции первичного социального контроля (Эйдемиллер и др. 2003). Другие авторы наибольшее значение придают отсутствию сплоченности между членами семьи (Павлова 2023), изменению коммуникаций (Лучинкина, Руденко 2022), агрессии со стороны отца (Дяченко, Разуваева 2022), насилию в семье (Васягина, Тактуева 2023), а также низкому уровню принятия и нетолерантному отношению родителей к неудачам и ошибкам подростков (Осипова, Дышлюк 2023) и т. д. Несмотря на разные взгляды на содержание понятия дисфункциональной семьи, все авторы сходятся во мнении о формировании деструктивных форм поведения и повышении суицидального риска у подростков при их социализации в дисфункциональных семьях.

Итак, все авторы констатируют взаимосвязь детско-родительских отношений и показателей суицидального риска у подростков, но единого мнения о характеристике семьи и возникновении суицидального риска не наблюдается. Большинство эмпирических исследований показывают, что позитивная и либеральная воспитательная практика родителей понижают суицидальный риск у подростков, тогда как враждебная и авторитарная воспитательная практика повышают. Однако в исследованиях последних лет констатируется, что даже позитивные и либеральные взаимоотношения между родителями и детьми не гарантируют отсутствия суицидального риска у современных подростков. Также не наблюдается единого мнения о показателях дисфункциональной семьи, тем не менее большинство авторов придерживаются мнения о том, что в дисфункциональных семьях повышается суицидальный риск у подростков. Анализ воспитательной практики родителей подростков с девиантным поведением может помочь более глубокому пониманию наличия/отсутствия суицидального риска, а также уровня выраженности суицидального риска у данного контингента подростков.

Организация и методы исследования

Объект исследования — подростки с девиантным поведением, предметом являются показатели суицидального риска и воспитательные практики в семьях подростков с девиантным поведением. В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие задачи исследования: проанализировать семейную систему в контексте ее функциональности/дисфункциональности; выявить частоту встречаемости низкого, умеренного и высокого уровня суицидального риска у подростков с девиантным поведением; проанализировать взаимосвязь воспитательной практики родителей с точки зрения их детей в подростковом возрастном периоде с показателями суицидального риска при разном уровне суицидального риска у подростков с учетом их эмоционального состояния.

Были выдвинуты следующие исследовательские гипотезы: 1) враждебная и автономная воспитательные практики со стороны матери повышают суицидальный риск у подростков с девиантным поведением, тогда как позитивная воспитательная практика снижает суицидальный риск; 2) тревога, депрессия и стресс повышают суицидальный риск.

Сбор эмпирического материала проведен в 2024 году в специализированном образова-

тельном учреждении для несовершеннолетних. В выборку вошли 80 подростков с девиантным поведением: систематические мелкие кражи, нежелание учиться, эпизодическое употребление психоактивных веществ, повышенная конфликтность, дерзость в общении и т. п. Возраст респондентов 13–17 лет, они являются учащимися 7–11 классов, из них 35 % подростки женского пола и 65 % подростки мужского пола.

Исследование воспитательной практики проведено посредством опросника «Подростки о родителях» (ADOR) Е. Шафера, модификация З. Матейчика и П. Ржичана в адаптации Л. И. Вассермана, И. А. Горьковой, Е. Е. Ромицыной, куда входят шкалы «позитивной», «директивной», «враждебной», «автономной», «непоследовательной» воспитательных практик родителей (Вассерман и др. 2004). Анализ суицидального риска осуществлялся с помощью «Опросника суицидального риска» А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой со шкалами «демонстративность», «аффективность», «уникальность», «несостоятельность», «социальный пессимизм», «слом культурных барьеров», «максимализм», «временная перспектива», «антисуицидальный фактор» (Разуваева 1993). Эмоциональное состояние рассматривалось при помощи методики DASS-21 с анализом шкал «депрессии», «тревоги» и «стресса» (Золотарева 2020). Родительские семьи подростков с девиантным поведением изучались в процессе полуструктурированного интервью, где фиксировались следующие показатели: полная/неполная семья; исполнение родительских функций: удовлетворение витальных потребностей ребенка, хозяйственная функция и осуществление социального контроля за поведением ребенка; проведение членами семьи досуга; традиции семьи; информированность о членах семьи: кем работают родители, их хобби и достижения; особенности общения с другими членами семьи и иные показатели.

В соответствии с целью исследования на основании показателя «антисуицидальный фактор» опросника «Суицидального риска» А. Г. Шмелева в модификации Т. Н. Разуваевой выделены три группы подростков: группа 1 — низкий уровень суицидального риска, отмечается у 21 % (17) подростков (Г1), группа 2 — средний уровень суицидального риска, встречается у 45 % (36) подростков (Г2), группа 3 — высокий уровень суицидального риска, обнаруживается у 34 % (27) подростков (Г3).

Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась при помощи пакета статистики SPSS-23 с расчетом описательных

статистик ($M \pm S$), критерия Краскела — Уоллиса (H), корреляционного анализа Спирмена (r).

Результаты и их обсуждение

В результате полуструктурированного интервью выявлено, что 82 % (66) подростков с девиантным поведением проживают в полных семьях, из них 30 % (21) с отчимами. Более двух последних лет не общаются с отцами 9 % (7) подростков, вспоминают о них негативно, эмоционально насыщено, рассказывают о систематических избиениях и оскорблениях членов семьи. Со слов подростков, 25 % (20) родительских семей можно отнести к криминальной субкультуре: близкие родственники отбывают/отбывали наказания в исправительно-трудовых учреждениях, имеют расширенные границы допустимого поведения (отношение к кражам, угонам автотранспорта и т. п. рассматривается как источник дохода, драки как проявление мужественности, систематическое употребление спиртных напитков и т. д.). Еще у 25 % (20) подростков родительские семьи можно отнести к традиционным семьям, но с нарушениями поведения у детей с раннего детства: трудности адаптации в детском саду, нарушение дисциплины в школе, импульсивность и т. д. Родители предпринимают усилия по контролю над ребенком, посещают психолога, невролога, педиатра, постоянно взаимодействуют с социальным педагогом, тем не менее происходят срывы. Как отмечают дети, дома всегда есть приготовленная еда, убрано, белье постирано и т. д. Подростки знают, кем работают и чем увлекаются их родители, могут рассказать хоть одну семейную историю, которая произошла до их рождения. В семье имеются и реализуются традиции, например, дети называют конкретный день ежегодного посещения кладбища с дальнейшим сбором родственников с обсуждением общих воспоминаний. Родители поддерживают увлечения детей при их наличии, организуют посещение кружков, спортивных секций, иногда дети совместно с родителями ездят на экскурсии и т. д.

Остальные 50 % (40) подростков отмечают, что дома есть еда, чисто, но родители много времени проводят на работе, в смартфоне, постоянно общаются в социальных сетях, играют в компьютерные игры, смотрят блогеров. Родители между собой общаются, иногда они вместе посещают шоу, концерты, но подростков обычно не берут с собой, аргументируя желанием побыть вдвоем, дороговизной билетов и т. д. Со слов подростков, члены семьи живут в какой-

то мере автономно. С родственниками отношений не поддерживают независимо от проживания с ними в одном городе или в разных. С бабушками и дедушками практически не общаются, так как родители по разным причинам «исключили» их из своей жизни. Как следствие, никаких историй семьи не знают, традиций в семье нет. В отношении подростков родители, с точки зрения их детей, также дистанцированы, не помогают им в разрешении возникающих проблем, не находят нужным их защищать. Подростки об этом рассказывают эмоционально насыщено, вспоминают истории не только из настоящего, но и из раннего детства. Обращает на себя внимание равнодушие к родителям, потребительское отношение к ним со стороны детей в подростковом возрастном периоде.

Итак, 75 % родительских семей подростков с девиантным поведением можно отнести к дисфункциональным по разным показателям. Как отмечалось выше, у 25 % обследованных подростков социализация происходит в условиях криминальной субкультуры, что во многом определяет их девиантное поведение, еще в 50 % семей нарушены детско-родительские отношения, в первую очередь с отцами, и наблюдается автономность членов семьи с эмоциональной холодностью между родителями и подростками. При сравнении родительских семей у подростков с девиантным поведением отмечается снижение выходцев из неблагополучных семей с криминальной направленностью с 74–76 % по результатам исследований в 1989, 1996, 2004 годов (Горьковая 2005; Горьковая, Оксенчук 2023) до 25 % по результатам исследования 2024 года параллельно со значительным ростом подростков из внешне благополучных семей.

Впервые за многолетние проведения обследований подростков с девиантным поведением 78 % (62) подростков отказались заполнять опросник «Подростки о родителях» в отношении отцов. Аргументировали это или жестоким отношением с применением физического и/или психологического насилия, или демонстративным игнорированием, полным отстранением от жизни подростков. Из полуструктурированного интервью становится понятным два варианта механизма нарушения взаимоотношений между отцами и детьми: а) в ситуации конкретных проступков детей отцы пытались проводить воспитательные мероприятия, применяя разные тактики от бесед до санкций вплоть до оплеух и порки с требованием соблюдать правила поведения на фоне разногласий видения воспитания матерью ребенка; при отсутствии эффективности воспитательных мер и появления чувства

безысходности, роста напряженности в семье, у отца и ребенка-подростка принятие друг друга пропадает, возникают стойкие негативные переживания между ними и, как следствие, отец самоустраивается от воспитания; б) неготовность к родительству в принципе, с равнодушным отношением к ребенку, к его будущему с применением так называемого «либерального» стиля воспитания с изначальным самоустранением от ответственности на фоне удовле-

ствия витальных потребностей ребенка на достаточно высоком уровне.

Сравнительный анализ показателей воспитательной практики матерей, суицидального риска и эмоционального состояния у подростков с девиантным поведением представлен в таблице 1.

Как показано в таблице 1, статистически значимых различий между воспитательными практиками матерей у подростков с девиантным

Табл. 1. Описательные статистики показателей воспитательной практики матерей и суицидального риска у подростков с девиантным поведением с разным уровнем суицидального риска H критерий Краскала — Уоллиса для независимых выборок

Показатели	Г1 (n = 17) (M ± S)	Г2 (n = 36) (M ± S)	Г3 (n = 27) (M ± S)	H	p
Тревога	8,87 ± 5,65	6,34 ± 5,12	4,57 ± 3,60	0,042	p < 0,05 ^{abc}
Депрессия	8,18 ± 6,06	6,45 ± 5,25	5,84 ± 4,88	0,502	
Стресс	9,68 ± 5,98	6,48 ± 4,96	5,50 ± 4,94	0,054	
Позитивность	2,05 ± 0,82	2,31 ± 1,10	2,26 ± 1,07	0,856	
Директивность	2,41 ± 0,79	2,34 ± 1,02	2,30 ± 1,01	0,943	
Враждебность	3,47 ± 1,28	3,42 ± 1,37	2,88 ± 1,47	0,273	
Автономность	2,76 ± 1,20	2,88 ± 1,13	3,11 ± 1,07	0,559	
Непоследовательность	3,58 ± 0,87	3,45 ± 0,78	2,96 ± 1,07	0,127	
Демонстративность	2,82 ± 1,79	1,86 ± 1,29	1,40 ± 1,20	0,021	p < 0,05 ^a
Аффективность	3,74 ± 1,79	2,75 ± 1,69	1,99 ± 1,14	0,003	p < 0,01 ^a
Уникальность	2,40 ± 1,84	1,95 ± 1,25	0,80 ± 1,05	0,000	p < 0,001 ^{ac}
Несостоятельность	3,44 ± 1,81	3,00 ± 1,47	2,42 ± 1,15	0,161	
Социальный пессимизм	4,19 ± 1,35	3,80 ± 1,36	2,51 ± 1,34	0,000	p < 0,001 ^a
Слом культурных барьеров	3,02 ± 1,76	3,00 ± 1,53	2,12 ± 1,79	0,063	
Максимализм	3,01 ± 2,39	2,53 ± 2,52	1,89 ± 2,03	0,316	
Временная перспектива	2,32 ± 1,97	1,82 ± 1,43	1,30 ± 1,39	0,142	

Примечание: а — различия между Г1 и Г3, в — различия между Г1 и Г2, с — различия между Г1 и Г3 статистически достоверны; (p < 0,05; p < 0,01; p < 0,001).

Table 1. Descriptive statistics of maternal parenting practices and suicide risk indicators in adolescents with deviant behavior at different levels of suicide risk (H Kruskal–Wallis test for independent samples)

Indicators	G1 (n = 17) (M ± S)	G2 (n = 36) (M ± S)	G3 (n = 27) (M ± S)	H	p
Anxiety	8.87 ± 5.65	6.34 ± 5.12	4.57 ± 3.60	0.042	p < 0.05 ^{abc}
Depression	8.18 ± 6.06	6.45 ± 5.25	5.84 ± 4.88	0.502	
Stress	9.68 ± 5.98	6.48 ± 4.96	5.50 ± 4.94	0.054	
Positivity	2.05 ± 0.82	2.31 ± 1.10	2.26 ± 1.07	0.856	
Directiveness	2.41 ± 0.79	2.34 ± 1.02	2.30 ± 1.01	0.943	
Hostility	3.47 ± 1.28	3.42 ± 1.37	2.88 ± 1.47	0.273	
Autonomy	2.76 ± 1.20	2.88 ± 1.13	3.11 ± 1.07	0.559	
Inconsistency	3.58 ± 0.87	3.45 ± 0.78	2.96 ± 1.07	0.127	
Demonstrativeness	2.82 ± 1.79	1.86 ± 1.29	1.40 ± 1.20	0.021	p < 0.05 ^a

Table 1. Completion

Indicators	G1 (n = 17) (M ± S)	G2 (n = 36) (M ± S)	G3 (n = 27) (M ± S)	H	p
Affectivity	3.74 ± 1.79	2.75 ± 1.69	1.99 ± 1.14	0.003	p < 0.01 ^a
Uniqueness	2.40 ± 1.84	1.95 ± 1.25	0.80 ± 1.05	0.000	p < 0.001 ^{ac}
Helplessness	3.44 ± 1.81	3.00 ± 1.47	2.42 ± 1.15	0.161	
Social pessimism	4.19 ± 1.35	3.80 ± 1.36	2.51 ± 1.34	0.000	p < 0.001 ^a
Breaking down cultural barriers	3.02 ± 1.76	3.00 ± 1.53	2.12 ± 1.79	0.063	
Maximalism	3.01 ± 2.39	2.53 ± 2.52	1.89 ± 2.03	0.316	
Time perspective	2.32 ± 1.97	1.82 ± 1.43	1.30 ± 1.39	0.142	

Note: Statistically reliable differences: a — between G1 and G3 (p < 0.05); b — between G1 and G2 (p < 0.01); c — between G1 and G3 (p < 0.001).

поведением с разным уровнем суицидального риска не обнаружено. Обращает на себя внимание, что показатель «тревога» наиболее выражен у подростков с низким уровнем суицидального риска и статистически значимо снижается последовательно в группах подростков со средним и высоким уровнем суицидального риска. Видимо, повышенная тревожность является «предо-

хранительным клапаном» для аутоагрессивного поведения, в частности суицидального, у подростков с девиантным поведением.

Далее был проведен корреляционный анализ воспитательной практики матерей, показателей суицидального риска, тревоги, депрессии и стресса, результаты которого представлены в таблице 2.

Табл. 2. Взаимосвязь воспитательной практики матерей, показателей суицидального риска и эмоционального состояния

Шкалы	Позитивность	Директив-ность	Враждебность	Автономность	Непоследова-тельность
Группа 1 (17, 21%) Низкий уровень суицидального риска					
Тревога	0,029	0,315	0,355	0,176	0,522*
Депрессия	0,194	0,586*	0,190	0,164	0,559*
Стресс	-0,027	0,450	0,366	0,158	0,531*
Демонстративность	0,076	0,097	0,248	0,607**	0,543*
Аффективность	0,238	0,631**	-0,092	0,291	0,528*
Уникальность	0,064	0,208	0,389	0,496*	0,629**
Несостоятельность	0,005	0,181	0,269	0,145	0,584*
Социальный пессимизм	0,286	0,820**	0,289	0,218	0,491*
Слом культурных барьеров	0,203	-0,52	-0,092	0,258	0,489*
Максимализм	-0,392	0,181	0,237	0,260	0,567*
Временная перспектива	0,090	0,383	0,427	0,528*	0,801**
Группа 2 (36, 45%) Средний уровень суицидального риска					
Тревога	0,103	0,365*	0,340*	0,179	0,522*
Депрессия	0,054	0,322	0,419*	0,046	0,559*
Стресс	-0,041	0,452*	0,501*	0,097	0,531*
Демонстративность	0,161	0,288	-0,041	0,100	0,023
Аффективность	-0,012	0,234	0,287	0,062	0,064
Уникальность	0,013	0,223	0,139	0,182	0,035
Несостоятельность	-0,102	0,203	0,301	-0,258	0,159
Социальный пессимизм	0,101	-0,047	-0,012	-0,010	0,070
Слом культурных барьеров	0,109	-0,214	-0,172	0,206	-0,175
Максимализм	-0,163	0,035	0,011	-0,202	-0,089
Временная перспектива	-0,112	0,430*	0,402*	-0,285	0,311

Табл. 2. Продолжение

Шкалы	Позитивность	Директив-ность	Враждебность	Автономность	Непоследова-тельность
Группа 3 (27, 34%) Высокий уровень суицидального риска					
Тревога	0,315	0,366	0,465*	0,131	0,242
Депрессия	0,161	0,380	0,481*	0,039	0,284
Стресс	0,234	0,515**	0,434*	0,182	0,349
Демонстративность	-0,392*	0,132	0,407*	-0,104	0,205
Аффективность	-0,012	0,247	-0,009	0,232	0,103
Уникальность	-0,216	0,213	0,288	-0,127	0,420*
Несостоятельность	-0,426*	-0,153	0,044	-0,231	-0,136
Социальный пессимизм	-0,010	-0,136	0,003	0,180	-0,065
Слом культурных барьеров	-0,269	-0,131	0,044	0,020	-0,124
Максимализм	0,245	0,294	-0,203	0,150	0,003
Временная перспектива	-0,318	0,181	0,467*	-0,256	0,455*

Примечание: * — $p < 0,05$, ** — $p < 0,01$.

Table 2. Relationship between maternal parental practices, suicide risk indicators and emotional state

Scales	Positivity	Directiveness	Hostility	Autonomy	Inconsistency
Group 1 (17 respondents, 21%), low suicide risk					
Anxiety	0.029	0.315	0.355	0.176	0.522*
Depression	0.194	0.586*	0.190	0.164	0.559*
Stress	-0.027	0.450	0.366	0.158	0.531*
Demonstrativeness	0.076	0.097	0.248	0.607**	0.543*
Affectivity	0.238	0.631**	-0.092	0.291	0.528*
Uniqueness	0.064	0.208	0.389	0.496*	0.629**
Helplessness	0.005	0.181	0.269	0.145	0.584*
Social pessimism	0.286	0.820**	0.289	0.218	0.491*
Breaking down cultural barriers	0.203	-0.52	-0.092	0.258	0.489*
Maximalism	-0.392	0.181	0.237	0.260	0.567*
Time perspective	0.090	0.383	0.427	0.528*	0.801**
Group 2 (36 respondents, 45%), medium suicide risk					
Anxiety	0.103	0.365*	0.340*	0.179	0.522*
Depression	0.054	0.322	0.419*	0.046	0.559*
Stress	-0.041	0.452*	0.501*	0.097	0.531*
Demonstrativeness	0.161	0.288	-0.041	0.100	0.023
Affectivity	-0.012	0.234	0.287	0.062	0.064
Uniqueness	0.013	0.223	0.139	0.182	0.035
Helplessness	-0.102	0.203	0.301	-0.258	0.159
Social pessimism	0.101	-0.047	-0.012	-0.010	0.070
Breaking down cultural barriers	0.109	-0.214	-0.172	0.206	-0.175
Maximalism	-0.163	0.035	0.011	-0.202	-0.089
Time perspective	-0.112	0.430*	0.402*	-0.285	0.311
Group 3 (27, respondents 34%), high suicide risk					
Anxiety	0.315	0.366	0.465*	0.131	0.242
Depression	0.161	0.380	0.481*	0.039	0.284
Stress	0.234	0.515**	0.434*	0.182	0.349

Table 2. Completion

Scales	Positivity	Directiveness	Hostility	Autonomy	Inconsistency
Demonstrativeness	-0.392*	0.132	0.407*	-0.104	0.205
Affectivity	-0.012	0.247	-0.009	0.232	0.103
Uniqueness	-0.216	0.213	0.288	-0.127	0.420*
Helplessness	-0.426*	-0.153	0.044	-0.231	-0.136
Social pessimism	-0.010	-0.136	0.003	0.180	-0.065
Breaking down cultural barriers	-0.269	-0.131	0.044	0.020	-0.124
Maximalism	0.245	0.294	-0.203	0.150	0.003
Time perspective	-0.318	0.181	0.467*	-0.256	0.455*

Note: * — $p < 0.05$, ** — $p < 0.01$.

Как показано в таблице 2, у подростков с девиантным поведением с низким уровнем суицидального риска значимых прямых взаимосвязей как с «позитивной», так и с «враждебной» воспитательной практикой со стороны матери не выявлено. При этом «непоследовательная» воспитательная практика взаимосвязана со всеми рассматриваемыми показателями суицидального риска, а также с тревогой, депрессией и стрессом. Следовательно, подростки с низким уровнем суицидального риска наиболее «чувствительны» к непоследовательной воспитательной практике со стороны матери в контексте суицидального риска и негативного эмоционального состояния. На втором месте по значимости находится «автономная» воспитательная практика, при которой подростки пытаются привлечь к себе внимание матери на фоне неумения учиться на примерах переживания проблем другими людьми и успешного их преодоления, а также уверенности в уникальности, нестандартности возникающих проблем с невозможностью их преодолеть обычными способами и желанием решать их радикальным способом. Также для рассматриваемой группы подростков значимым является «директивная» воспитательная практика, которая взаимосвязана с двумя показателями суицидального риска — «аффективность» и «социальный пессимизм», выражающимися в повышенном эмоциональном реагировании и пессимистичным взглядом на мир и свои возможности.

У подростков с девиантным поведением со средним уровнем суицидального риска значимых взаимосвязей с воспитательными практиками со стороны матери не обнаруживается, при этом «враждебная», «автономная» и «непоследовательная» воспитательная практики напрямую связаны с тревогой, депрессией и стрессом у подростков с девиантным поведением.

Для подростков с высоким уровнем суицидального риска наибольшее значение приобретает «враждебная» воспитательная практика со стороны матери, которая определяет негативное эмоциональное состояние, а также взаимосвязана с такими показателями суицидального риска, как «демонстративность» и «временная перспектива». Только у подростков с высоким суицидальным риском наблюдаются обратные взаимосвязи показателей суицидального риска «демонстративность» и «несостоятельность» с «позитивной» воспитательной практикой со стороны матери,

Обращает на себя внимание, что показатель суицидального риска «временная перспектива» имеет наибольшее количество взаимосвязей с воспитательными практиками матерей, что указывает на затруднения при планировании будущего, отсутствие позитивного видения мира и себя в нем, возможно, из-за излишней погруженности в текущие проблемы у подростков с девиантным поведением с разным уровнем суицидального риска.

Таким образом, первая гипотеза подтверждается в группе подростков с девиантным поведением с высоким суицидальным риском, где зафиксированы две прямые взаимосвязи показателей суицидального риска с «враждебной» воспитательной практикой и две обратные взаимосвязи с «позитивной» воспитательной практикой. В группах подростков с низким и средним уровнем суицидального риска эта гипотеза не подтвердилась, так как «позитивная» и «враждебная» воспитательные практики со стороны матери у подростков с девиантным поведением с низким и средним уровнем суицидального риска не взаимосвязаны ни с одним показателем суицидального риска, кроме показателя «временная перспектива» у подростков со средним уровнем суицидального риска.

«Автономная» воспитательная практика не взаимосвязана ни с одним показателем суицидального риска у подростков со средним и высоким уровнем суицидального риска, тогда как с низким уровнем суицидального риска обнаруживается взаимосвязь с тремя показателями. В группе подростков с низким уровнем суицидального риска ведущей является «непоследовательная» воспитательная практика, которая взаимосвязана со всеми показателями суицидального риска.

Вторая гипотеза подтвердилась, так как в каждой из трех групп подростков с разным уровнем суицидального риска выявлены статистически значимые взаимосвязи с тревогой, депрессией и стрессом, что наиболее ярко проявляется в группе подростков с девиантным поведением со средним уровнем суицидального риска.

Выводы

У большинства подростков с девиантным поведением (75 %) первичная социализация происходит в дисфункциональных семьях, но по сравнению с исследованиями конца XX начала XXI века значительно снижается количество родительских семей криминальной направленности наряду с увеличением числа внешне благополучных семей. Также у большинства обследованных подростков с девиантным поведением констатировано нарушение взаимоотношений с отцами, у которых снижен воспитательный потенциал с «психологическим отказом» от собственных детей вследствие неэффективности длительных воспитательных мероприятий или выявлена неготовность к родительству.

Высокий суицидальный риск обнаружен у каждого третьего подростка с девиантным поведением, низкий уровень суицидального риска выявлен у каждого пятого подростка с девиантным поведением.

У подростков с низким уровнем суицидального риска выявлено наибольшее количество взаимосвязей с воспитательной практикой матери, в первую очередь, с «непоследовательностью», тогда как у подростков со средним уровнем суицидального риска воспитательная практика со стороны матери взаимосвязана только с одним показателем. У подростков с высоким суицидальным риском наибольшее значение имеет «враждебная», «позитивная» и «непоследовательная» воспитательные практики.

У подростков с низким уровнем суицидального риска наибольшее значение в контексте суицидального риска имеет воспитательная практика со стороны матери, тогда как у под-

ростков со средним уровнем суицидального риска — эмоциональное состояние, а у подростков с высоким уровнем суицидального риска воспитательная практика со стороны матери, депрессия, тревога и стресс имеют равное значение.

Полученные результаты позволяют конкретизировать первичную и вторичную профилактику суицидального риска у подростков с девиантным поведением, а также проводить психокоррекционные мероприятия в семейной системе «родители — дети» и повышать родительскую компетентность с учетом особенностей поведения у детей и подростков.

Ограничения проведенного исследования связаны с отсутствием группы сравнения подростков с условно нормативным поведением. Перспективы исследования связаны с выявлением различий или сходства во взаимосвязи воспитательной практики родителей и показателей суицидального риска подростков с учетом их эмоционального состояния, пола, возраста, особенностей их образовательного маршрута при разном состоянии психического и соматического здоровья.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Автор сообщает, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The author reports that the study complied with the ethical principles applicable to research involving humans and animals.

Заявление о доступности данных

Данные недоступны по этическим причинам.

Data Availability Statement

The access to the reported data cannot be provided for ethical reasons.

Литература

- Алимов, А. О., Алимова, Н. И. (2023) Современное состояние исследований риска суицидального поведения личности. *Международный научно-исследовательский журнал*, № 1 (127). [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.133> (дата обращения 20.01.2025).
- Бабарахимова, С. Б., Абдуллаева, В. К. (2020) Идентификация суицидального риска у подростков с учетом типов семейных отношений. *Вопросы психического здоровья детей и подростков*, т. 20, № 1, с. 59–64. EDN: [VGA VSN](#)
- Вассерман, Л. И., Горьковая, И. А., Ромицына, Е. Е. (2004) *Родители глазами подростка: психологическая диагностика в медико-педагогической практике*. СПб.: Речь, 256 с.
- Васягина, Н. Н., Тактуева, Ю. Г. (2023) Особенности внутрисемейных взаимоотношений у подростков с саморазрушающим поведением. *Педагогическое образование в России*, № 6, с. 249–255. EDN: [WQCEIA](#)
- Гасанова, Г. (2022) Учет влияния стиля семейного воспитания на развитие агрессивного поведения у подростков в контексте психокоррекционной и психопрофилактической работы психолога. *Психология человека в образовании*, т. 4, № 1, с. 112–120. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-1-112-120>
- Горьковая, И. А. (2005) *Личность подростка-правонарушителя*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 234 с.
- Горьковая, И. А., Оксенчук, А. О. (2023) Сравнительный анализ воспитательной практики родителей подростков мужского и женского пола с устойчивым противоправным поведением в 2004 и 2020 гг. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 3, с. 376–386. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-376-386>
- Дяченко, А. А., Разуваева, Т. Н. (2022) Особенности образа мира студентов, склонных к суицидальному поведению. *Педагогика и психология образования*, т. 8, № 3, с. 146–157. <https://www.doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-13>
- Золотарева, А. А. (2020) Систематический обзор психометрических свойств Шкалы депрессии, тревоги и стресса (DASS-21). *Обзорные психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева*, № 2, с. 26–37. <https://www.doi.org/10.31363/2313-7053-2020-2-26-37>
- Игнатова, Е. С. (2018) Родительская депривация как фактор суицидального риска у подростков. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, т. 7, № 2А, с. 72–82. EDN: [UWQAJE](#)
- Ирикина, А. А. (2023) Роль семьи в формировании девиантного поведения у подростков. *Наукофера*, № 2 (1), с. 139–144. EDN: [RSRDIH](#)
- Клепикова, Н. М., Нестерова, С. Б. (2020) Дисфункциональная семья как фактор формирования девиаций у подростков. *СМАЛЬТА*, № 4, с. 66–80. EDN: [CZTAXO](#)
- Кухтова, Н. В., Сотникова, Е. И., Белановская, М. Л. (2023) Измерение стилей семейного воспитания детей и механизмов социального научения. *Психология человека в образовании*, т. 5, № 2, с. 283–304. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-2-283-304>
- Лучинкина, А. И., Руденко, Е. С. (2022) Особенности коммуникативного поведения личности подростков с разными уровнями суицидальных рисков при смене реальности. *Российский психологический журнал*, т. 19, № 2, с. 118–128. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.2.9>
- Михайлова, И. В. (2023) Роль семейных отношений в проявлении тревожности и суицидального риска у подростков. В кн.: *Проблемы психологического благополучия. Материалы Международной научно-практической онлайн-конференции*. Екатеринбург; Фергана: Изд-во Уральского государственного педагогического университета; Изд-во Ферганского государственного университета, с. 112–116. EDN: [SPWYRJ](#)
- Мишина, С. С. (2024) *Подростковый суицид: анализ механизмов и психологическая превенция*. СПб.: Скифия-принт, 168 с.
- Нагуманова, Э. Р. (2020) Различия психологического профиля подростков с высоким и низким уровнем суицидального риска. В кн.: А. Г. Дмитриева (ред.). *Психология диалога и мир человека. Т. 4*. Уфа; М.: Башкирский государственный университет, с. 202–206.
- Осипова, А. А., Дышлок, И. С. (2023) Исследование взаимосвязи девиантного поведения подростков со стилем родительского отношения. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*, т. 12, № 9А, с. 108–118. EDN: [WAXAKF](#)
- Павлова, А. А. (2023) Особенности семейного взаимодействия у подростков со склонностью к суицидальному поведению. В кн.: *Молодежная наука и современность. Материалы 88 Международной научной конференции студентов и молодых ученых: в 4 т. Т. 2*. Курск: Изд-во Курского государственного медицинского университета, с. 120–122. EDN: [SVHLYS](#)
- Петров, Д. С., Самойлов, Т. В., Варнавская, Е. И. (2023) Реализация концепции ответственного родительства в семьях с подростками суицидального риска. В кн.: *Российское общество сегодня: ценности, институты, процессы. XVII Ковалевские чтения. Материалы Всероссийской научной конференции*. СПб.: Изд-во Сциентиа, с. 1956–1958. EDN: [HLTZLF](#)
- Разуваева, Т. Н. (1993) *Диагностика личности*. Шадринск: Исеть, 280 с.
- Светогор, Д. Д., Шатюк, Т. Г. (2022) Суицидальные риски у подростков из семей с разным стилем детско-родительских отношений. В кн.: М. А. Крылова (ред.). *Молодежь и государство: научно-методологические*

социально-педагогические и психологические аспекты развития современного образования, международный и российский опыт. Сборник трудов XII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, с. 92–98.

- Углова, А. Б., Богдановская, И. М., Королева, Н. Н., Микляева, А. В. (2020) Представления о жизненной перспективе учащихся старших классов с различным уровнем личностной зрелости. *Science for Education Today*, т. 10, № 6, с. 55–73. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2006.04>
- Эйдемиллер, Э. Г., Добряков, И. В., Никольская, И. Н. (2003) *Семейный диагноз и семейная психотерапия*. СПб.: Речь, 338 с.
- Юсупов, П. Р. (2023) Антивитальная направленность поведения подростков в социально опасном положении в контексте безнадежности. *Межкультурная коммуникация в образовании и медицине*, № 2, с. 72–84. EDN: [ILVIWX](https://doi.org/10.15293/2658-6762.2023.02.072-84)

References

- Alimov, A. O., Alimova, N. I. (2023) Sovremennoe sostoyanie issledovaniy riska suitsidal'nogo povedeniya lichnosti [The current state of research on the risk of suicidal personality behavior]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal — International Research Journal*, no. 1 (127). [Online]. Available at: <https://www.doi.org/10.23670/IRJ.2023.127.133> (accessed 20.01.2025). (In Russian)
- Babarakhimova, S. B., Abdullaeva, V. K. (2020) Identifikatsiya suitsidal'nogo riska u podrostkov s uchetom tipov semejnykh otnoshenij [The identify suicidal risk in adolescents, taking into account types of family relationship]. *Voprosy psikhicheskogo zdorov'ya detej i podrostkov — Mental Health of Children and Adolescent*, vol. 20, no. 1, pp. 59–64. (In Russian)
- Dyachenko, A. A., Razuvaeva, T. N. (2022) Osobennosti obraza mira studentov, sklonnykh k suitsidal'nomu povedeniyu [Features of the image of the world of students prone to suicidal behavior]. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya — Pedagogy and Psychology of Education*, vol. 8, no. 3, pp. 146–157. <https://www.doi.org/10.18413/2313-8971-2022-8-3-0-13> (In Russian)
- Ejdemiller, E. G., Dobryakov, I. V., Nikol'skaya, I. N. (2003) *Semejnyj diagnost i semejnaya psikhoterapiya [Family diagnosis and family psychotherapy]*. Saint Petersburg: Rech' Publ., 338 p. (In Russian)
- Gasanova, G. (2022) Uchet vliyaniya stilya semejnogo vospitaniya na razvitie agressivnogo povedeniya u podrostkov v kontekste psikhokorreksionnoj i psikhoprofilakticheskoy raboty psikhologa [Consideration of the influence of family parenting style on the development of aggressive behavior in adolescents in the context of psychocorrective and psychoprophylactic work of a psychologist]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 4, no. 1, pp. 112–120. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2022-4-1-112-120> (In Russian)
- Gorkovaya, I. A. (2005) *Lichnost' podrostka-pravonarushitelya [The personality of a juvenile offender]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., 234 p. (In Russian)
- Gorkovaya, I. A., Oksenchuk, A. O. (2023) Sravnitel'nyj analiz vospitatel'noj praktiki roditel'ej podrostkov muzhskogo i zhenskogo pola s ustojchivym protivopravnym povedeniem v 2004 i 2020 gg. [Comparative analysis of the educational practices of parents of male and female adolescents with persistent illegal behavior in 2004 and 2020]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 5, no. 3, pp. 376–386. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-3-376-386> (In Russian)
- Ignatova, E. S. (2018) Roditel'skaya deprivatsiya kak faktor suitsidal'nogo riska u podrostkov [Parental deprivation as a factor of suicide risk in adolescents]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya — Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, vol. 7, no. 2 A, pp. 72–82. (In Russian)
- Irikina, A. A. (2023) Rol' sem'i v formirovani deviantnogo povedeniya u podrostkov [The role of family in the formation of deviant behavior in adolescents]. *Naukosfera*, no. 2 (1), pp. 139–144. (In Russian)
- Klepikova, N. M., Nesterova, S. B. (2020) Disfunktsional'naya sem'ya kak faktor formirovaniya devyatsij u podrostkov [Dysfunctional family as a factor in the formation of deviations in adolescents]. *SMALTA*, no. 4, pp. 66–80. (In Russian)
- Kukhtova, N. V., Sotnikova, E. I., Belanovskaya, M. L. (2023) Izmerenie stilej semejnogo vospitaniya detej i mekhanizmov sotsial'nogo naucheniya [Measuring family parenting styles and social learning mechanisms]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 5, no. 2, pp. 283–304. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-2-283-304> (In Russian)
- Luchinkina, A. I., Rudenko, E. S. (2022) Osobennosti kommunikativnogo povedeniya lichnosti podrostkov s raznymi urovnymi suitsidal'nykh riskov pri smene real'nosti [The peculiarities of the communicative behavior of adolescents with different levels of suicidal risks in changing reality]. *Rossiyskiy psikhologicheskij zhurnal — Russian Psychological Journal*, vol. 19, no. 2, pp. 118–128. <https://doi.org/10.21702/rpj.2022.2.9> (In Russian)
- Mikhajlova, I. V. (2023) Rol' semejnykh otnoshenij v proyavlenii trevozhnosti i suitsidal'nogo riska u podrostkov [The role of family relationships in the manifestation of anxiety and suicide risk in adolescents]. In: *Problemy psikhologicheskogo blagopoluchiya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy onlajn-konferentsii [Problems of psychological well-being. Proceedings of the International Scientific and Practical Online Conference]*. Ekaterinburg; Fergana: Ural State Pedagogical University Publ.; Fergana State University Publ., pp. 112–116. (In Russian)

- Mishina, S. S. (2024) *Podrostkovyj suitsid: analiz mekhanizmov i psikhologicheskaya preventsiya [Adolescent suicide: Analysis of mechanisms and psychological prevention]*. Saint Petersburg: Skifiya-print Publ., 168 p. (In Russian)
- Nagumanova, E. R. (2020) Razlichiya psikhologicheskogo profilya podrostkov s vysokim i nizkim urovnem suitsidal'nogo riska [Differences in the psychological profile of adolescents with high and low suicide risk]. In: L. G. Dmitrieva (ed.). *Psikhologiya dialoga i mir cheloveka. T. 4 [Psychology of dialogue and the human world. Vol. 4]*. Ufa; Moscow: Ufa University of Science and Technology Publ., pp. 202–206. (In Russian)
- Osipova, A. A., Dyshlyuk, I. S. (2023) Issledovanie vzaimosvyazi deviantnogo povedeniya podrostkov so stilem roditel'skogo otnosheniya [Study of the relationship between deviant behavior of adolescents and parental attitude style]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya — Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches*, vol. 12, no. 9A, pp. 108–118. <https://www.doi.org/10.34670/AR.2023.53.10.015> (In Russian)
- Pavlova, A. A. (2023) Osobennosti semejnogo vzaimodejstviya u podrostkov so sklonnost'yu k suitsidal'nomu povedeniyu [Features of family interaction in adolescents with a tendency to suicidal behavior]. In: *Molodezhnaya nauka i sovremennost. Materialy 88 Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii studentov i molodykh uchenykh: v 4 t. T. 2 [Youth science and modernity. Proceedings of the 88th International Scientific Conference of Students and Young Scientists: In 4 vols. Vol. 2]*. Kursk: Kursk State Medical University Publ., pp. 120–122. (In Russian)
- Petrov, D. S., Samojlov, T. V., Varnavskaya, E. I. (2023) Realizatsiya kontseptsii otvetstvennogo roditel'stva v sem'yakh s podrostkami suitsidal'nogo riska [Implementation of the concept of responsible parenting in families with suicidal adolescents]. In: *Rossiyskoe obshchestvo segodnya: tsennosti, instituty, protsessy. XVII Kovalevskie chteniya. Materialy Vserossiyskoj nauchnoj konferentsii [Russian society today: values, institutions, processes. XVII Kovalevsky readings. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference]*. Saint Petersburg: Stsientia Publ., pp. 1956–1958. (In Russian)
- Razuvaeva, T. N. (1993) *Diagnostika lichnosti [Personality diagnosis]*. Shadrinsk: Iset' Publ., 280 p. (In Russian)
- Svetogor, D. D., Shatyuk, T. G. (2022) Suitsidal'nye riski u podrostkov iz semej s raznym stilem detsko-roditel'skikh otnoshenij [Suicidal risks in adolescents from families with different styles of child-parent relationships]. In: M. A. Krylova (ed.). *Molodezh' i gosudarstvo: nauchno-metodologicheskie, sotsial'no-pedagogicheskie i psikhologicheskie aspekty razvitiya sovremennogo obrazovaniya, mezhdunarodnyj i rossijskij opyt. Sbornik trudov XII Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Youth and the state: scientific, methodological, socio-pedagogical and psychological aspects of the development of modern education, international and Russian experience. Proceedings of the XII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation]*. Tver: Tver State University Publ., pp. 92–98. (In Russian)
- Uglova, A. B., Bogdanovskaya, I. M., Koroleva, N. N., Miklyaeva, A. V. (2020) Predstavleniya o zhiznennoj perspektive uchashchikhsya starshikh klassov s razlichnym urovnem lichnostnoj zrelosti [Ideas about the life perspective of high school students with different levels of personal maturity]. *Science for Education Today*, vol. 10, no. 6, pp. 55–73. <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2006.04> (In Russian)
- Vasserman, L. I., Gorkovaya, I. A., Romitsyna, E. E. (2004) *Roditeli glazami podrostka: psikhologicheskaya diagnostika v mediko-pedagogicheskoy praktike [Parents through the eyes of a teenager: Psychological diagnostics in medical and pedagogical practice]*. Saint Petersburg: Rech' Publ., 256 p. (In Russian)
- Vasyagina, N. N., Taktueva, Yu. G. (2023) Osobennosti vnutrisemejnykh vzaimootnoshenij u podrostkov s samorazrushayushchim povedeniem [Features of intra-family relationships in adolescents with self-destructive behavior]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii — Pedagogical Education in Russia*, no. 6, pp. 249–255. (In Russian)
- Yusupov, P. R. (2023) Antivital'naya napravlennost' povedeniya podrostkov v sotsial'no opasnom polozhenii v kontekste beznadezhnosti [The anti-social orientation of adolescents' behavior in a socially dangerous situation in the context of hopelessness]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v obrazovanii i meditsine*, no. 2, pp. 72–84. (In Russian)
- Zolotareva, A. A. (2020) Sistematischeskij obzor psikhometricheskikh svoystv Shkaly depressii, trevogi i stressa (DASS-21) [Systematic review of the psychometric properties of the Depression Anxiety and Stress Scale-21 (DASS-21)]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii im. V. M. Bekhtereva — V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, no. 2, pp. 26–37. <https://www.doi.org/10.31363/2313-7053-2020-2-26-37> (In Russian)

Сведения об авторе

Ирина Алексеевна Горьковская, доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психосоматики и психотерапии, Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет
SPIN-код: 1604-2157, Scopus AuthorID: 42761436800, ORCID: 0000-0002-1488-4746, e-mail: iralgork@mail.ru

Author

Irina A. Gorkovaya, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Psychosomatics and Psychotherapy, Saint Petersburg State Pediatric Medical University
SPIN: 1604-2157, Scopus AuthorID: 42761436800, ORCID: 0000-0002-1488-4746, e-mail: iralgork@mail.ru

УДК 159.9

EDN KXIKZH

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-227-243>

Научная статья

Качество жизни замужних и незамужних женщин после пневмонии COVID-19

О. А. Гуськова^{✉1,2}, Б. Ю. Приленский², Е. И. Ярославская¹,
И. Я. Стоянова^{3,4}, Т. И. Петелина¹

¹ Тюменский кардиологический научный центр, филиал Томского национального исследовательского медицинского центра Российской академии наук, 625026, Россия, г. Тюмень, ул. Мельникайте, д. 111

² Тюменский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, 625023, Россия, г. Тюмень, ул. Одесская, д. 54

³ Научно-исследовательский институт психического здоровья, Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук, 634009, Россия, г. Томск, пер. Кооперативный, д. 5

⁴ Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, д. 36

Для цитирования: Гуськова, О. А., Приленский, Б. Ю., Ярославская, Е. И., Стоянова, И. Я., Петелина, Т. И. (2025) Качество жизни замужних и незамужних женщин после пневмонии COVID-19. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 2, с. 227–243. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-227-243> EDN KXIKZH

Получена 14 августа 2024; прошла рецензирование 23 сентября 2024; принята 22 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © О. А. Гуськова, Б. Ю. Приленский, Е. И. Ярославская, И. Я. Стоянова, Т. И. Петелина (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. Семейное положение — важный аспект жизни людей. В период пандемии COVID-19 отношения в семьях и между супругами изменились, что отразилось на качестве жизни (КЖ) и психическом здоровье женщин. Цель исследования: изучить особенности психоэмоционального состояния и КЖ замужних и незамужних женщин, перенесших пневмонию COVID-19, в динамике, с оценкой оказывающих влияние личностных факторов.

Материалы и методы. Обследовано 43 женщины, перенесших пневмонию COVID-19 (возраст 56 ± 1 год). Материал набран в рамках «Перспективного наблюдения пациентов, перенесших COVID-19-ассоциированную пневмонию» и исследования «Описание и оценка копинг-стратегий и отношения к состоянию здоровья у пациентов, перенесших доказанную COVID-19-ассоциированную пневмонию». Использованы валидные шкалы и опросники для оценки КЖ, психоэмоционального состояния и личностных характеристик.

Результаты. Замужние женщины (62,8%) более тревожны через год после выздоровления ($p = 0,001$, $4,00 [4,00; 7,00]$ и $2,00 [2,00; 4,00]$ соответственно). За два года у незамужних снизилась выраженность депрессии ($p = 0,026$), у замужних снизилась тревога ($p = 0,036$). Замужние более экстравертированы ($p = 0,048$) и эмоциональны ($p = 0,043$). Среди незамужних психологический компонент здоровья зависел от депрессии и тревоги ($R^2 = 0,667$, $\beta = -1,875$, $p = 0,012$ и $R^2 = 0,667$, $\beta = -4,538$, $p < 0,001$ соответственно). Физический компонент здоровья зависел от выраженности экстраверсии ($R^2 = 0,274$, $\beta = 0,610$, $p = 0,004$). У замужних психологический компонент здоровья зависел от депрессии ($R^2 = 0,420$, $\beta = -1,875$, $p = 0,012$), стресса ($R^2 = 0,427$, $\beta = -1,111$, $p = 0,002$) и эмоциональной сдержанности ($R^2 = 0,470$, $\beta = -0,386$, $p = 0,039$), физический компонент здоровья — от выраженности экстраверсии ($R^2 = 0,483$, $\beta = 0,372$, $p = 0,039$).

Заключение. Замужние женщины, перенесшие пневмонию COVID-19, характеризуются повышенной эмоциональностью, которая проявляется в выраженности тревоги и депрессии на протяжении первого года после выздоровления. Психологический аспект КЖ и эмоциональное состояние связаны с сохраняющимся напряжением, вызванным состоянием стресса у замужних женщин, у незамужних — с выраженностью негативно окрашенного аффекта. Физический аспект КЖ улучшается при повышении экстраверсии у женщин обеих групп. Эмоциональное состояние незамужних женщин связано

с дезадаптивным применением стратегий совладания. КЖ и психическое состояние женщин не зависят от соматического состояния после перенесенного заболевания.

Ключевые слова: COVID-19, качество жизни, психическое здоровье, здоровье женщин, семейное положение, тревога, депрессия

Research article

Quality of life following COVID-19 pneumonia in married and unmarried women

O. A. Guskova ^{1,2}, B. Yu Prilenskij², E. I. Yaroslavskaya¹, I. Ya. Stoyanova^{3,4}, T. I. Petelina¹

¹ Tyumen Cardiology Research Center, Branch of Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences, 111 Melnikayte Str., Tyumen 625026, Russia

² Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, 54 Odesskaya Str., Tyumen 625023, Russia

³ Mental Health Research Institute, Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences, 5 Kooperativny Ln, Tomsk 634009, Russia

⁴ National Research Tomsk State University, 36 Lenina Ave., Tomsk 634050, Russia

For citation: Guskova, O. A., Prilenskij, B. Yu., Yaroslavskaya, E. I., Stoyanova, I. Ya., Petelina, T. I. (2025) Quality of life following COVID-19 pneumonia in married and unmarried women. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 2, pp. 227–243. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-227-243> EDN KXIKZH

Received 14 August 2024; reviewed 23 September 2024; accepted 22 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © O. A. Guskova, B. Yu Prilenskij, E. I. Yaroslavskaya, I. Ya. Stoyanova, T. I. Petelina (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. During the COVID-19 pandemic, spousal relationships changed significantly, impacting women's quality of life and mental health. The purpose of this study was to examine the psycho-emotional state and quality of life over time in women of different marital statuses who had experienced COVID-19-related pneumonia.

Materials and Methods. The study involved 43 women aged 56 ± 1 years who had experienced COVID-19 pneumonia. Data were collected as part of the 'One-year cardiac follow-up of patients with COVID-19 pneumonia' and the 'Description and estimation of coping strategies and health attitudes in patients after COVID-19 pneumonia' studies. Validated questionnaires were used to assess quality of life, psycho-emotional state, and personality traits.

Results. Among participants, 62.8% were married. Married women exhibited higher anxiety levels one year post-recovery ($p = 0.001$; 4.00 [4.00; 7.00] vs. 2.00 [2.00; 4.00] in unmarried women). Over two years, depression severity decreased in unmarried women ($p = 0.026$), while anxiety decreased in married women ($p = 0.036$). Married women scored higher on extraversion ($p = 0.048$) and emotionality ($p = 0.043$). In unmarried women, the psychological health component depended on depression and anxiety ($R^2 = 0.667$; $\beta = -1.875$, $p = 0.012$ and $R^2 = 0.667$; $\beta = -4.538$, $p < 0.001$, respectively), while the physical health component depended on extraversion intensity ($R^2 = 0.274$; $\beta = 0.610$, $p = 0.004$). In married women, the psychological health component depended on depression ($R^2 = 0.420$; $\beta = -1.875$, $p = 0.012$), stress ($R^2 = 0.427$; $\beta = -1.111$, $p = 0.002$), and emotional restraint ($R^2 = 0.470$; $\beta = -0.386$, $p = 0.039$), while the physical health component depended on extraversion intensity ($R^2 = 0.483$; $\beta = 0.372$, $p = 0.039$).

Conclusions. Married women after COVID-19 pneumonia demonstrated increased emotionality, which manifested in the severity of anxiety and depression during the first year after recovery. Their emotional state and the life quality psychological aspect are associated with persistent tension. In unmarried women, these parameters are associated with the severity of the negative affect. In both groups, the physical aspect of life quality was associated with higher levels of extraversion. The emotional state of unmarried women was associated with the maladaptive use of coping strategies. Overall, quality of life and emotional state in both groups did not depend on the somatic condition after COVID-19.

Keywords: COVID-19, quality of life, mental health, women's health, marital status, anxiety, depression

Актуальность

Ситуация пандемии COVID-19 привлекла внимание исследователей из разных стран. В медико-психологических работах отмечается негативное влияние заболевания на психическое состояние и поведение переболевших. В предрасположении выделяют личностные и семейные факторы нарушений психического здоровья (Hossain et al. 2022).

Семейное положение рассматривается как важный, но неоднозначный фактор, определяющий психическое здоровье в период пандемии (Jace, Makridis 2021).

Исследователи отмечают преобладание негативных последствий COVID-19 для женщин, состоящих в браке. В связи с заболеванием и ограничительными мероприятиями изменились детско-родительские отношения, что отразилось на психическом состоянии матерей (Vargas-Rubilar et al. 2023). В период COVID-19 в семьях наблюдалось неравное распределение ролей, что у женщин в условиях изоляции приводило к повышению стресса, проявлению эмоционального дискомфорта, усталости, беспокойства (Del Río Lozano, García Calvente 2021). При изоляции отмечался рост домашнего насилия в отношении женщин (Ostadtaghizadeh et al. 2023).

В силу повышенной чувствительности женщины более восприимчивы к стрессогенным событиям, что ведет к формированию аффективных нарушений (Afifi 2007), стресса, тревоги, депрессии, а также посттравматическому стрессовому расстройству (Liu et al. 2020; Wang et al. 2020). Это проявляется в снижении показателей качества жизни (КЖ) по сравнению с мужчинами (Гуськова и др. 2024).

Вне зависимости от влияния COVID-19 в научной литературе описано положительное влияние брака на здоровье женщин. Для замужних характерны более высокие показатели физического (Sorlie et al. 1995) и психического здоровья по сравнению с незамужними (Davis et al. 2000). При этом отмечается уменьшение риска сердечно-сосудистых, онкологических и других заболеваний (Krajc et al. 2023; Manfredini et al. 2017; O'Keefe et al. 2020). В пожилом возрасте наличие супруга способствует поддержанию оптимального уровня физической активности и психического здоровья (Park et al. 2023). У женщин различного семейного положения в целом определяются особенности КЖ (Потемина и др. 2018). Например, пациенты онкологического профиля, состоящие в браке, имеют более высокие показатели КЖ,

чем одинокие (Huang et al. 2023; Kung'u et al. 2022).

Анализ литературы позволяет предположить, что женщины различного семейного положения отличаются психологическими характеристиками, что связано с адаптацией к постоянному партнеру. Так, П. А. Андреева рассматривает женскую эмоциональность как неотъемлемую часть гендерной роли, отмечает ее значение для коммуникации и функциональных межличностных отношений (Андреева 2009). В исследовании С. Н. Карасевой описаны различия в ценностно-мотивационной сфере, сформированные в зависимости от брачного статуса женщин (Карасева 2013). В работе О. О. Кривобокова определены особенности самоактуализации у замужних и незамужних женщин, которые в первом случае характеризуются повышенным чувством ответственности, склонностью к отрицанию и подавлению негативного аффекта и большей коммуникабельностью, во втором — склонностью принимать проявления себя и других людей (Кривобоков 2021).

Изучение психоэмоционального состояния и КЖ у женщин после перенесенного COVID-19 представляется актуальным. У перенесших вирусную пневмонию влияние семейного положения на КЖ и психическое здоровье неоднозначно, оно требует изучения с включением в анализ психологических и соматических характеристик. В зависимости от брачного статуса женщины могут иметь различную выраженность характеристик личности, по-разному реагировать и совладать с травматическими событиями. Мы предполагаем, что психическое состояние и КЖ женщин после пневмонии COVID-19 имеет различную динамику в зависимости от семейного положения. Показатели психоэмоционального состояния и КЖ обусловлены влиянием различного сочетания психоэмоциональных реакций на перенесенное заболевание с личностными особенностями.

Цель исследования: изучить особенности психоэмоционального состояния и КЖ замужних и незамужних женщин, перенесших пневмонию COVID-19, в динамике, с оценкой оказывающих влияние личностных факторов.

Материалы и методы

Данная работа основана на материале, полученном в Тюменском кардиологическом научном центре. Проводилось два этапа обследования: первый этап осуществлялся в рамках медицинского исследования «Проспективное наблюдение пациентов, перенесших COVID-19-

ассоциированную пневмонию» (одобрен локальным этическим комитетом, протокол № 159 от 23.07.2020), зарегистрированного в международном реестре клинических исследований ClinicalTrials.gov (No. NCT04501822). Второй этап — связанное с первым научное исследование «Описание и оценка копинг-стратегий и отношения к состоянию здоровья у пациентов, перенесших доказанную COVID-19-ассоциированную пневмонию» (одобрен локальным этическим комитетом, протокол № 177 от 18.01.2022).

Выборка составила 43 пациента женского пола, перенесших лабораторно подтвержденную пневмонию COVID-19 в многопрофильных больницах Тюмени. Возраст пациентов при первом обследовании составил 56 ± 1 год. Пациенты включались в исследование при возрасте старше 18 лет и желании участвовать в наблюдении. Респонденты исключены при наличии хронических заболеваний в стадии обострения, заболеваний, сопровождающихся пневмофиброзом, хронических гепатитах, вирусе иммунодефицита, онкологических заболеваниях при ремиссии менее 5 лет и гемодинамически значимых пороках сердца. Пациентами подписаны информированные согласия на участие в научной программе.

На первом этапе пациенты обследованы через 3, 12 и 26 месяцев после выздоровления в соответствии с протоколом научной программы. Обследование включало скрининговую психологическую диагностику, представленную анкетой с вопросами о семейном положении, шкалы тревоги (GAD-7), депрессии (PHQ-9) и стресса («Шкала воспринимаемого стресса-10» — ШВС-10), опросник КЖ (SF-36). Следуя инструкции к шкалам GAD-7 и PHQ-9, сумма баллов 5 и более принималась за положительный результат диагностики (Instructions for Patient Health Questionnaire... 2010). Итоговая сумма баллов по ШВС-10 позволяет оценить степень интенсивности стрессового состояния. Количество в 30 баллов и более оценивалось как наличие выраженной стрессовой реакции (Абабков и др. 2016). Результаты опросника SF-36 представлены баллами, распределенными по 8 шкалам, характеризующим различные сферы КЖ и двум обобщенным показателям: физический и психологический компоненты здоровья (ФКЗ и ПКЗ соответственно) (Новик и др. 2002).

На втором этапе исследования через 26 месяцев после выписки получены данные о личностных характеристиках обследованных. Применены методики «Стратегии совладающего поведения» (ССП) и «Пятифакторный опросник личности 5PFQ». Опросник SSP направлен

на изучение копинг-стратегий, представленных «Конфронтацией», «Дистанцированием», «Самоконтролем», «Поиском социальной поддержки», «Принятием ответственности», «Бегством-избеганием», «Планированием решения проблемы» и «Положительной переоценкой» (Вассерман 2009). 5PFQ в соответствии с пятифакторной структурой личности, характеризует обобщенные черты-факторы: экстраверсия — интроверсия, привязанность — отдаленность, контролирование — естественность, эмоциональность — эмоциональная сдержанность, игривость — практичность. Повышение суммарного балла соответствует первой указанной категории (Хромов 2000).

Соматическое состояние представлено информацией о сердечно-сосудистом здоровье и тяжести перенесенной пневмонии. Врач-кардиолог обследовал пациентов на всех контрольных точках исследования. Данные по пневмонии COVID-19 получены из выписных эпикризов госпитализации. Тяжесть перенесенного заболевания представлена степенью поражения легких по результатам компьютерной томографии (КТ) и продолжительностью госпитализации.

В соответствии с целью данной работы сформированы группы замужних и не состоящих в браке. К замужним отнесены лица, проживающие на одной территории с партнером, имеющие общее хозяйство и взаимную экономическую ответственность. Женщины, не состоящие в браке, были в разводе и проживали отдельно, являлись вдовами или незамужними.

Для статистической обработки данных использован пакет программ IBM SPSS Statistics 26. Критерием Шапиро — Уилка проверена нормальность распределения. Данные, имеющие нормальное распределение, представлены в виде среднего со стандартным отклонением ($M \pm SD$), в случае распределения отличного от нормального — в виде медианы с интерквартильным размахом ($Me [Q_{25}; Q_{75}]$). Сопоставление данных между группами, имеющими нормальное распределение, осуществлено с помощью Т-критерия Стьюдента; имеющими распределение отличное от нормального — с помощью критерия Манна — Уитни. Сравнение групп категориальных переменных — с использованием критерия Фишера. Динамика непрерывных переменных оценена критерием Фридмана с поправкой на множественные сравнения. Критерий Макнемара с поправкой на множественные сравнения использован для оценки динамики категориальных переменных. Взаимосвязи между переменными оценены с помощью корреляции

Спирмана, методов линейной и логистической регрессии. Различия считались значимыми при двусторонней значимости $p < 0,05$.

Результаты

Исходно в браке состояло 62,8% женщин. Между группами замужних и незамужних пациентов не выявлено значимых различий по тяжести перенесенной пневмонии COVID-19. Продолжительность госпитализации составила 12,00 [12,00; 19,00] для незамужних и 13,00 [12,00; 16,00] для замужних ($p = 0,271$), средне тяжелая и тяжелая степени поражения легких по КТ определены у 18,6% незамужних пациентов

и у 23,3% замужних пациентов ($p = 0,526$). На протяжении периода наблюдения количество замужних пациентов не изменилось значимо, составив 62,8% через год и 65,1% через 2 года после выписки. Сопоставление распространенности и выраженности признаков тревоги, депрессии, стрессового состояния у пациентов относительно семейного положения представлены в таблице 1. У замужних и незамужних пациентов значимо различался возраст. Различий по тяжести сердечно-сосудистой патологии между группами женщин не выявлено.

Через год после выздоровления признаки тревоги выявлялись чаще у замужних женщин. У пациентов различного семейного положения

Табл. 1. Сравнительная характеристика показателей соматического, психоэмоционального состояния и КЖ у женщин различного семейного положения после пневмонии COVID-19

Показатель		Замужние пациенты, n = 27	Незамужние пациенты, n = 16	P
Возраст, лет M ± SD		54 ± 7	60 ± 7	0,005
Количество коморбидных ССЗ, Me [Q25; Q75]	3 месяца	2,00 [1,00; 3,00]	2,00 [2,00; 3,00]	0,143
	12 месяцев	2,00 [1,00; 2,00]	2,00 [2,00; 3,00]	0,063
	26 месяцев	2,00 [1,00; 2,00]	2,00 [2,00; 3,00]	0,063
	p	0,122	0,549	
Наличие тревоги, %	3 месяца	55,6	31,3	0,122
	12 месяцев	40,7	6,3	0,017
	26 месяцев	29,6	12,5	0,276
	p	> 0,05	> 0,05	
Наличие депрессии, %	3 месяца	48,1	50,0	0,907
	12 месяцев	44,4	25,0	0,202
	26 месяцев	37,0	37,5	0,976
	p	> 0,05	> 0,05	
Наличие состояния стресса, %	3 месяца	18,5	0	0,139
	12 месяцев	18,5	0	0,139
	26 месяцев	7,4	6,3	1,000
	p	> 0,05	> 0,05	
Выраженность тревоги, Me [Q25; Q75]	3 месяца	5,00 [3,00; 7,00]	2,00 [2,00; 7,00]	0,041
	12 месяцев	4,00 [4,00; 7,00]	2,00 [2,00; 4,00]	0,001
	26 месяцев	2,00 [2,00; 5,00]	1,50 [0,00; 3,00]	0,267
	p	0,036	0,689	
Выраженность депрессии, Me [Q25; Q75]	3 месяца	4,00 [4,00; 8,00]	4,50 [2,00; 6,00]	0,278
	12 месяцев	3,00 [3,00; 6,00]	1,50 [1,00; 4,00]	0,019
	26 месяцев	3,00 [2,00; 5,00]	3,00 [0,00; 5,00]	0,374
	p	0,138	0,026	
Выраженность состояния стресса, Me [Q25; Q75]	3 месяца	23,00 [21,00; 26,00]	20,00 [18,00; 21,00]	0,062
	12 месяцев	23,00 [22,00; 27,00]	20,50 [15,00; 23,00]	0,022
	26 месяцев	22,00 [20,00; 25,00]	20,50 [17,00; 22,00]	0,203
	p	0,368	0,602	

Табл. 1. Продолжение

Показатель		Замужние пациенты, n = 27	Незамужние пациенты, n = 16	P
Возраст, лет M ± SD		54 ± 7	60 ± 7	0,005
Психологический компонент здоровья, Me [Q25; Q75]	3 месяца	48,22 [36,58; 53,31]	51,07 [41,05; 56,58]	0,218
	12 месяцев	47,65 [40,04; 56,46]	52,10 [44,43; 59,82]	0,183
	26 месяцев	51,37 [41,81; 58,01]	53,72 [41,42; 62,11]	0,468
	p	0,089	0,444	
Физический компонент здоровья, Me [Q25; Q75]	3 месяца	54,92 [38,30; 50,93]	40,29 [35,88; 49,34]	0,303
	12 месяцев	43,66 [36,95; 52,43]	44,30 [37,28; 49,99]	0,615
	26 месяцев	44,78 [39,37; 53,64]	42,80 [35,88; 46,63]	0,312
	p	0,607	0,646	

Примечание: Полужирным шрифтом выделены значимые различия (p < 0,005).

Table 1. Comparative characteristics of somatic, psycho-emotional state and quality of life in different marital state women after COVID-19 pneumonia

Index		Married women, n = 27	Unmarried women, n = 16	P
Age, years M ± SD		54 ± 7	60 ± 7	0.005
Comorbid CVD quantity, Me [Q25; Q75]	3 month	2.00 [1.00; 3.00]	2.00 [2.00; 3.00]	0.143
	12 month	2.00 [1.00; 2.00]	2.00 [2.00; 3.00]	0.063
	26 month	2,00 [1.00; 2.00]	2.00 [2.00; 3.00]	0.063
	p	0.122	0.549	
Anxiety, %	3 month	55.6	31.3	0.122
	12 month	40.7	6.3	0.017
	26 month	29.6	12.5	0.276
	p	> 0.05	> 0.05	
Depression, %	3 month	48.1	50.0	0.907
	12 month	44.4	25.0	0.202
	26 month	37.0	37.5	0.976
	p	> 0.05	> 0.05	
Stress, %	3 month	18.5	0	0.139
	12 month	18.5	0	0.139
	26 month	7.4	6.3	1.000
	p	> 0.05	> 0.05	
Anxiety intensity, Me [Q25; Q75]	3 month	5.00 [3.00; 7.00]	2.00 [2.00; 7.00]	0.041
	12 month	4.00 [4.00; 7.00]	2.00 [2.00; 4.00]	0.001
	26 month	2.00 [2.00; 5.00]	1.50 [0.00; 3.00]	0.267
	p	0.036	0.689	
Depression intensity, Me [Q25; Q75]	3 month	4.00 [4.00; 8.00]	4.50 [2.00; 6.00]	0.278
	12 month	3.00 [3.00; 6.00]	1.50 [1.00; 4.00]	0.019
	26 month	3.00 [2.00; 5.00]	3.00 [0.00; 5.00]	0.374
	p	0.138	0.026	
Stress intensity, Me [Q25; Q75]	3 month	23.00 [21.00; 26.00]	20.00 [18.00; 21.00]	0.062
	12 month	23.00 [22.00; 27.00]	20.50 [15.00; 23.00]	0.022
	26 month	22.00 [20.00; 25.00]	20.50 [17.00; 22.00]	0.203
	p	0.368	0.602	

Table 1. Completion

Index		Married women, n = 27	Unmarried women, n = 16	P
Age, years M ± SD		54 ± 7	60 ± 7	0.005
Mental health component, Me [Q25; Q75]	3 month	48.22 [36.58; 53.31]	51.07 [41.05; 56.58]	0.218
	12 month	47.65 [40.04; 56.46]	52.10 [44.43; 59.82]	0.183
	26 month	51.37 [41.81; 58.01]	53.72 [41.42; 62.11]	0.468
	p	0.089	0.444	
Physical health component, Me [Q25; Q75]	3 month	54.92 [38.30; 50.93]	40.29 [35.88; 49.34]	0.303
	12 month	43.66 [36.95; 52.43]	44.30 [37.28; 49.99]	0.615
	26 month	44.78 [39.37 53.64]	42.80 [35.88; 46.63]	0.312
	p	0.607	0.646	

Note: Significant differences are highlighted in bold ($p < 0.005$).

значимо различалась выраженность тревоги при обследовании через 3 и 12 месяцев после пневмонии COVID-19, выраженность депрессии и стрессового состояния — только через год. К 26 месяцам после выздоровления показатели распространенности и выраженности психических состояний между группами пациентов сравнивались. В группе замужних обследованных за весь период наблюдения отмечается снижение выраженности тревоги. У незамужних ко второму году после пневмонии COVID-19 выявлено снижение выраженности депрессии.

По обобщенным показателям КЖ различия не выявлены как между группами обследованных, так и в динамике наблюдения.

Сопоставление характерологических особенностей и копинг-стратегий пациентов показало (рисунки 1 и 2), что среди замужних

выявлены более высокие значения по шкалам «Экстраверсия — интроверсия» ($p = 0,048$) и «Эмоциональность — эмоциональная сдержанность» ($p = 0,043$), что соответствует повышенной экстраверсии и эмоциональности у женщин первой группы. Логистический анализ подтвердил зависимость между уровнем эмоциональности и семейным положением женщин. Вероятность повышения значений по данной шкале выше у замужних пациентов [$p = 0,040$, ОШ = 1,091, 95 % ДИ 1,00–1,19]. Несмотря на то, что значимые различия по используемым копинг-стратегиям не выявлены, у незамужних женщин наблюдается большее напряжение стратегии «Дистанцирование» по сравнению с замужними, у которых отмечается большая выраженность «Конфронтационного копинга» и «Бегства-избегания».

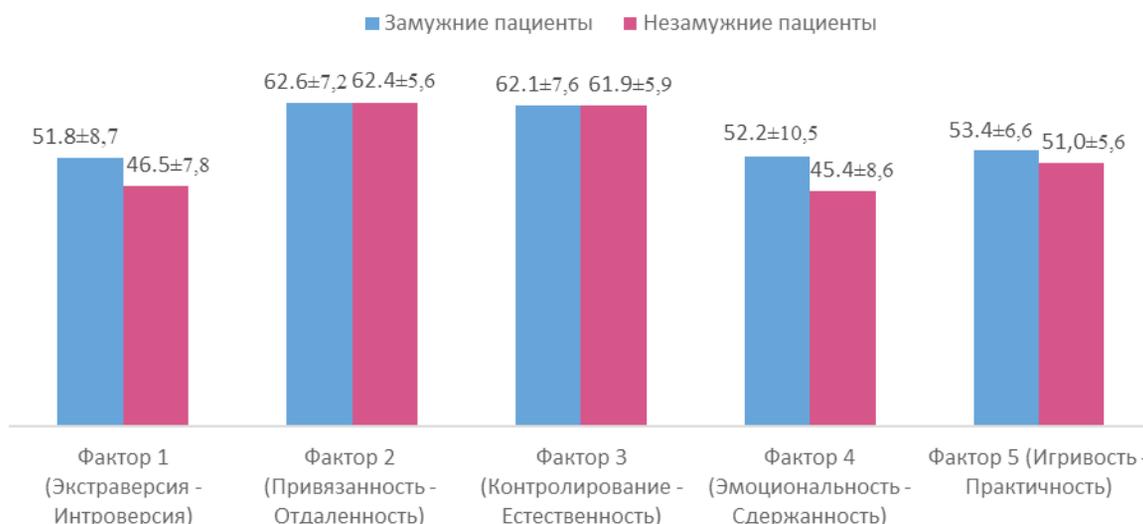

Рис. 1. Сравнительная выраженность характеристик личности у замужних и незамужних пациентов

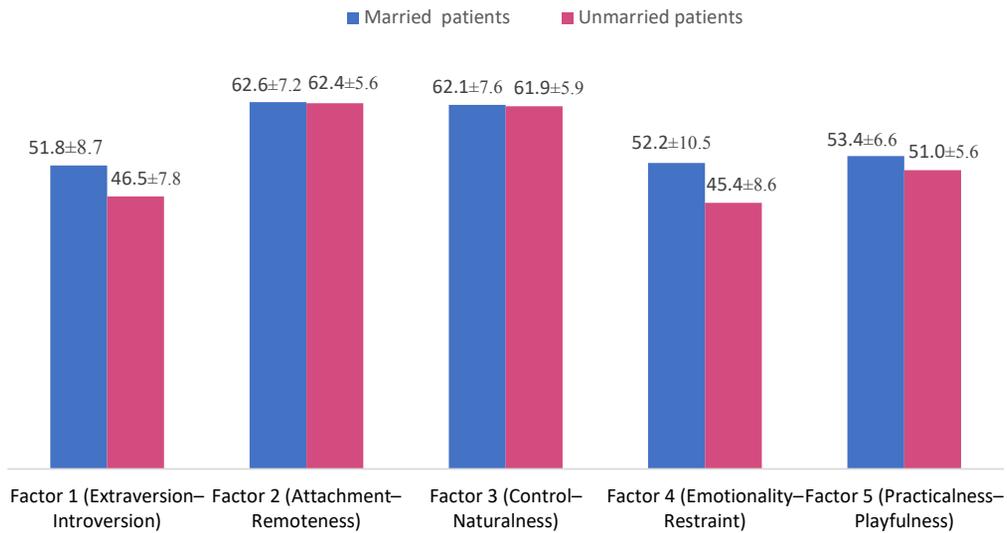

Fig. 1. Comparative scores of personality characteristics in married and unmarried patients

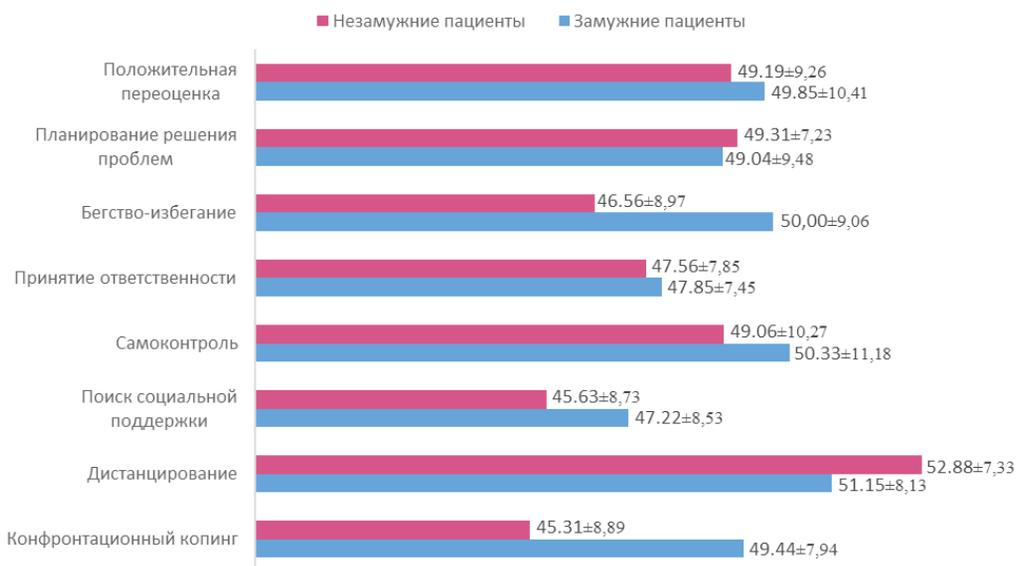

Рис. 2. Сравнительная выраженность напряжения копинг-стратегий у замужних и незамужних пациентов

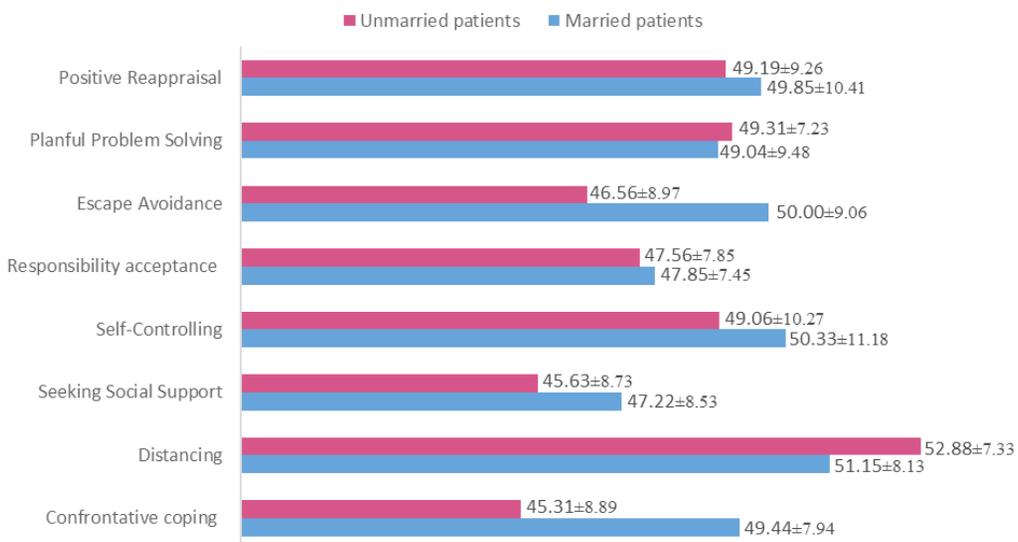

Fig. 2. Comparative scores of coping strategies in married and unmarried patients

Для каждой группы проведен корреляционный анализ с целью определения взаимосвязей между переменными, отражающими психическое состояние и КЖ. Корреляции между возрастом и продолжительностью госпитализации, а также возрастом и обобщенными показателями КЖ отсутствуют в обеих группах на протяжении всего периода наблюдения. Показатели, имеющие значимые корреляционные взаимосвязи, включались в модели регрессии, где зависимые переменные представлены обобщенными показателями КЖ.

В группе незамужних пациентов тревога на первой контрольной точке имела обратную

взаимосвязь с возрастом и прямую с копингом «Поиск социальной поддержки», характеристиками личности по 4 и 5 факторам (таблица 2). На второй контрольной точке тревога ассоциирована с выраженностью состояния стресса. На третьей точке тревога взаимосвязана с выраженностью стрессового состояния и депрессии. У пациентов данной группы депрессия через 3 месяца после выздоровления связана с тревогой и 4 фактором характеристик личности. На последующих точках обследования выявлены корреляции с копинг-стратегиями и выраженностью стресса.

Табл. 2. Корреляционные взаимосвязи между показателями психоэмоционального состояния и личностными характеристиками

Показатель		Замужние пациенты	Незамужние пациенты
Тревога	3 месяца	Выраженность состояния стресса $r = 0,715, p < 0,001$ Бегство-избегание $r = 0,419, p = 0,030$	Возраст $r = -0,664, p = 0,005$ Поиск социальной поддержки $r = 0,584, p = 0,018$ 4 фактор $r = 0,569, p = 0,021$ 5 фактор $r = 0,531, p = 0,034$
	12 месяцев	Выраженность состояния стресса $r = 0,637, p < 0,001$	Выраженность состояния стресса $r = 0,614, p = 0,004$ Выраженность депрессии $r = 0,812, p < 0,001$ 4 фактор $r = 0,530, p = 0,016$
	26 месяцев	Выраженность депрессии $r = 0,746, p < 0,001$ Бегство-избегание $r = 0,487, p = 0,010$ 4 фактор $r = 0,614, p = 0,001$	Выраженность состояния стресса $r = 0,593, p = 0,015$ Выраженность депрессии $r = 0,816, p = 0,001$
Депрессия	3 месяца	Выраженность состояния стресса $r = 0,689, p < 0,001$	Выраженность тревоги $r = 0,653, p = 0,005$ 4 фактор $r = 0,590, p = 0,016$
	12 месяцев	Выраженность состояния стресса $r = 0,637, p < 0,001$ Принятие ответственности $r = 0,384, p = 0,048$	Бегство-избегание $r = 0,592, p = 0,016$ Принятие ответственности $r = 0,668, p = 0,005$ Самоконтроль $r = 0,600, p = 0,014$ 4 фактор $r = 0,712, p = 0,002$
	26 месяцев	Конфронтационный копинг $r = 0,450, p = 0,018$ Бегство-избегание $r = 0,504, p = 0,007$ 4 фактор $r = 0,453, p = 0,018$	Выраженность состояния стресса $r = 0,552, p = 0,015$ Конфронтационный копинг $r = 0,517, p = 0,040$ Принятие ответственности $r = 0,614, p = 0,004$

Table 2. Correlations between psychic state indices and personal characteristics

Index		Married women	Unmarried women
Anxiety	3 month	Stress intensity $r = 0.715, p < 0.001$ Escape Avoidance $r = 0.419, p = 0.030$	Age $r = -0.664, p = 0.005$ Seeking social support $r = 0.584, p = 0.018$ Factor 4 $r = 0.569, p = 0.021$ Factor 5 $r = 0.531, p = 0.034$
	12 month	Stress intensity $r = 0.637, p < 0.001$	Stress intensity $r = 0.614, p = 0.004$ Depression intensity $r = 0.812, p < 0.001$ Factor 4 $r = 0.530, p = 0.016$
	26 month	Depression intensity $r = 0.746, p < 0.001$ Escape Avoidance $r = 0.487, p = 0.010$ Factor 4 $r = 0.614, p = 0.001$	Stress intensity $r = 0.593, p = 0.015$ Depression intensity $r = 0.816, p = 0.001$
Depression	3 month	Stress intensity $r = 0.689, p < 0.001$	Anxiety intensity $r = 0.653, p = 0.005$ 4 фактор $r = 0.590, p = 0.016$
	12 month	Stress intensity $r = 0.637, p < 0.001$ Responsibility acceptance $r = 0.384, p = 0.048$	Escape Avoidance $r = 0.592, p = 0.016$ Responsibility acceptance $r = 0.668, p = 0.005$ Self-Controlling $r = 0.600, p = 0.014$ Factor 4 $r = 0.712, p = 0.002$
	26 month	Confrontative coping $r = 0.450, p = 0.018$ Escape Avoidance $r = 0.504, p = 0.007$ Factor 4 $r = 0.453, p = 0.018$	Stress intensity $r = 0.552, p = 0.015$ Confrontative coping $r = 0.517, p = 0.040$ Responsibility acceptance $r = 0.614, p = 0.004$

В группе замужних пациентов определена взаимосвязь тревоги с выраженностью стресса на первых двух точках обследования. На третьей точке выраженность депрессии коррелирует с тревогой, сменяя влияние состояния стресса. Также отмечается взаимосвязь с копингом «Бегство-избегание» на первой и последней точках. Выявленность депрессии также коррелировала с выраженностью состояния стресса через 3 и 12 месяцев после выздоровления. Через два года выявлена взаимосвязь депрессии с копингами «Конфронтации» и «Бегства-

избегания», и фактором личностной характеристики «Эмоциональность — эмоциональная сдержанность». Также определены взаимосвязи между возрастом и количеством коморбидных ССЗ ($r = 0,413, p = 0,032$ для первой контрольной точки, $r = 0,453, p = 0,018$ для второй контрольной точки и $r = 0,438, p = 0,025$ для третьей контрольной точки).

В группе незамужних регрессионный анализ, проведенный с целью определения факторов, влияющих на КЖ, показал зависимость значения ПКЗ от выраженности проявлений депрессии

через 3 месяца после выздоровления ($R^2 = 0,667$, $\beta = -1,875$, $p = 0,012$) и через год ($R^2 = 0,773$, $\beta = -3,848$, $p < 0,001$). Через два года данный показатель имел зависимость от выраженности тревоги ($R^2 = 0,667$, $\beta = -4,538$, $p < 0,001$). ФКЗ не имел взаимосвязей ни с одной из имеющихся переменных на первой и второй точках обследования. На третьей точке данный показатель повышался при повышении значений фактора личностной характеристики «Экстраверсия — интроверсия» ($R^2 = 0,274$, $\beta = 0,610$, $p = 0,004$).

В группе пациентов, состоящих в браке, выявлены следующие факторы, влияющие на психологический компонент здоровья: через 3 месяца после выздоровления значения данного показателя повышались при снижении выраженности депрессивных проявлений ($R^2 = 0,420$, $\beta = -1,875$, $p = 0,012$). Через год после пневмонии значения показателя зависели только от актуально переживаемого состояния стресса ($R^2 = 0,427$, $\beta = -1,111$, $p = 0,002$). Через два года ПКЗ снижался при повышении значений по шкале «Эмоциональность — сдержанность» ($R^2 = 0,470$, $\beta = -0,386$, $p = 0,039$). ФКЗ в данной группе имел зависимость от выраженности стрессовой реакции и фактора «Экстраверсии — интроверсии» ($R^2 = 0,483$, $\beta = -0,447$, $p = 0,025$; $\beta = 0,372$, $p = 0,039$, соответственно). Данный показатель зависел только от фактора «Экстраверсии — интроверсии» через год ($R^2 = 0,193$, $\beta = 0,498$, $p = 0,048$) и два года после пневмонии COVID-19 ($R^2 = 0,303$, $\beta = 0,610$, $p = 0,004$).

Обсуждение

В результате проведенного анализа частично подтверждается гипотеза о различиях психоэмоционального состояния и КЖ и динамике данных показателей у женщин различного семейного положения после пневмонии COVID-19. Гипотеза о влиянии факторов в различном сочетании на психоэмоциональное состояние и КЖ замужних и незамужних женщин подтвердилась.

Для замужних характерна более высокая частота распространения тревоги и интенсивность выраженности депрессии, стрессового состояния и тревоги. Состоящие в браке являются более эмоционально лабильными по сравнению с незамужними, что объясняет большую выраженность негативно окрашенных эмоциональных состояний. Снижение выраженности тревоги у данной категории обследованных в течение двух лет после выздоровления свидетельствует об их адаптации к жизненной ситуа-

ции, либо о стабилизации условий и обстоятельств жизни.

Обследованные нами женщины в зависимости от семейного положения характеризовались различной степенью эмоциональной лабильности при более выраженной эмоциональной сдержанности у незамужних. Можно предположить, что эмоциональная сдержанность является результатом адаптации в качестве одного из возможных факторов жизни без партнера.

Обращают на себя внимание проявления сходства и различия во взаимосвязях показателей между замужними и незамужними. Общим для обеих групп пациентов стало влияние на эмоциональное состояние личностной характеристики «Эмоциональность — сдержанность» и напряжения, вызванного стрессом. Такие взаимосвязи ассоциированы с тревогой и депрессией у замужних женщин на протяжении всего исследования. Также отмечается большое число взаимосвязей со стратегией «Бегство-избегание», которая рассматривается как пассивный вариант копинга, наблюдаемый при снижении жизнестойкости (Белых, Ткач 2020). Кроме того, преобладание этой стратегии отмечается у людей с низким уровнем счастья (Памукчи 2022). Таким образом, опираясь на полученные данные и результаты других исследований, установлено, что избыточное использование «Бегства-избегания» приводит к дезадаптации, проявляющейся в виде проявлений аффективных нарушений.

У незамужних отмечается изменение взаимосвязанных с тревогой факторов. Так через три месяца после COVID-19 выраженность тревоги понижается у более старших пациентов, что может объясняться накоплением и распоряжением мудростью, обретенной в течение жизни (Блехарская 2017). В этот период повышение тревоги связано с большей напряженностью копинг-стратегии «Поиск социальной поддержки» и личностных факторов эмоциональности и игривости, подразумевающих большую эмоциональную лабильность, склонность к негативно окрашенному аффекту, сензитивности и мечтательности. На следующих точках обследования факторы, связанные с тревогой, сопоставимы между группами женщин.

Необходимо отметить широту диапазона копинг-стратегий, связанных с эмоциональным состоянием пациенток. Женщины обеих групп используют все стратегии, что отражает гибкость поведения в сложных ситуациях. При этом в проявлениях тревоги и депрессии замужним свойственно использование «Конфронтации», принятия ответственности и «Бегства-избегания».

Данные стратегии объединены Л. В. Бабаковой в группу негативных реакций, характерных для женщин пожилого возраста. В этом же исследовании самоконтроль относится к группе адаптивного совладания (Бабакова, Стрижичкая 2017). Для незамужних женщин в нашей работе самоконтроль при избыточном использовании усиливает выраженность проявлений депрессии. По мнению Е. Р. Исаевой, такая взаимосвязь опосредована избытком эмоционального напряжения и повышением контроля над аффективным состоянием, приводящим к истощению (Исаева, Зуева 2002). Конфронтационный копинг — достаточно агрессивная стратегия совладания, которая наблюдается при высоких показателях профессиональной успешности (Шевченко 2016). В то же время «Конфронтация» наряду с «Бегством-избеганием» у пациентов с депрессией представляют собой проявление защитного поведения, которое при отсутствии результата в реальности способствует ухудшению состояния (Исаева, Зуева 2002).

Для не состоящих в браке характерна зависимость восприятия психологического благополучия от актуальной выраженности аффективной симптоматики. Влияние депрессии, присутствующей на протяжении года, к двум годам после COVID-19 сменяется влиянием тревожных переживаний. Для женщин, состоящих в браке, характерно улучшение психологической составляющей КЖ при повышении сдержанности.

Восприятие физического здоровья в обеих группах женщин обусловлено влиянием личностного фактора «Экстраверсия — интроверсия», с тенденцией в сторону экстраверсии. Среди замужних обследованных экстраверсия положительно влияет на отношение к физическому состоянию на протяжении всего периода наблюдения, при этом среди незамужних — только через два года после выздоровления. Исследователи отмечают, что экстраветированность выступает в качестве протективного фактора здоровьесбережения. Экстравертам свойственны лучшие показатели психического здоровья и физической активности (Wilson et al. 2016). При этом исключается влияние возраста и особенностей соматического состояния на функционирование психики и КЖ у данной категории пациентов.

Несмотря на то что мы получили сравнительно небольшой объем данных о прямом влиянии характеристик личности на КЖ у пациентов групп исследования, отмечается опосредованная психоэмоциональными состояниями взаимосвязь между показателями.

Установлено, что на КЖ и эмоциональное состояние у женщин, перенесших пневмонию COVID-19, не оказывают непосредственного влияния ни актуальное соматическое состояние, ни тяжесть инфекционного заболевания.

Семейное положение может рассматриваться как фактор, способствующий выделению мишеней при планировании коррекционных мероприятий. В работе с пациентами, не состоящими в браке, целесообразно сфокусировать внимание на имеющейся или возможной тревожно-депрессивной симптоматике, избыточном применении стратегий «Самоконтроля» и «Конфронтации». У пациентов, состоящих в браке, дополнительно к этому необходимо оценивать и корректировать или проводить профилактические мероприятия в отношении психического напряжения, связанного со стресс-реакцией, а также с использованием стратегии «Бегство-избегание», формируя активный и жизнестойкий копинг. Выработка навыков саморегуляции с целью повышения эмоциональной стабильности и формирования умения самостоятельно снимать излишнее психическое напряжение будет способствовать улучшению эмоционального состояния вне зависимости от семейного положения. Для улучшения отношения к физическому здоровью полезным представляется проведение психопрофилактических мероприятий с акцентом на повышение активности, общительности, интереса к миру вокруг у женщин обеих групп.

В данном исследовании семейное положение представлено только в качестве социального аспекта, что ограничивает возможности интерпретации полученной информации. Анализ переменных, отражающих психологическое благополучие в браке, в частности, оценка коммуникативной компетенции, совпадения жизненных ценностей и мировоззрения партнеров, понимания и взаимоуважения между супругами (Комарова 2024) обеспечит более полное понимание проблемы. Другим ограничением является количество обследованных женщин, их возрастная представленность. В дальнейшем желательно дополнить выборку исследования с учетом нивелирования возрастных различий, наличия других членов семьи.

Выводы

Замужние женщины, перенесшие пневмонию COVID-19, характеризуются повышенной эмоциональностью, которая проявляется в выраженности тревоги и депрессии на протяжении первого года после выздоровления. Психологический аспект КЖ и эмоциональное состояние

связаны с сохраняющимся напряжением, вызванным состоянием стресса у замужних женщин, у незамужних — с выраженностью негативно окрашенного аффекта. Физический аспект КЖ улучшается при повышении экстраверсии у женщин обеих групп. Эмоциональное состояние незамужних женщин связано с дезадаптивным применением стратегий совладания. КЖ и психоэмоциональное состояние не зависят от соматического состояния после перенесенного заболевания.

Список сокращений

КЖ — качество жизни
COVID-19 — Coronavirus disease 2019
ССЗ — сердечно-сосудистые заболевания
КТ — компьютерная томография
PHQ-9 — Patient health questionnaire 9
GAD-7 — Generalized anxiety disorder 7
SF-36 — Short form 36
ССП — способы совладающего поведения
5PFQ — 5 personality factor questionnaire

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных. Исследования одобрены

локальным этическим комитетом Тюменского кардиологического научного центра (протоколы № 159 от 23.07.2020 и № 177 от 18.01.2022).

Ethics Approval

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research. The study was approved by the Ethics Committee of the Tyumen Cardiological Research Center (Minutes No. 159 dated 23 July 2020 and No. 177 dated 18 January 2022).

Вклад авторов

Гуськова, О. А. — проведение исследования, обработка данных, подготовка текста;
Приленский, Б. Ю. — научное руководство, доработка и редактирование текста;
Ярославская, Е. И. — администрирование проекта, научное руководство, доработка и редактирование текста;
Стоянова, И. Я. — доработка и редактирование текста;
Петелина, Т. И. — администрирование проекта.

Author Contributions

О. А. Guskova — empirical data collection, data analysis, manuscript preparation;
B. Yu. Prilenskij — scientific supervision, manuscript revision and editing;
E. I. Yaroslavskaya — project administration, scientific supervision, manuscript revision and editing;
I. Ya. Stoyanova — manuscript revision and editing;
T. I. Petelina — project administration.

Литература

- Аббатов, В. А., Барышникова, К., Воронцова-Венгер, О. В. и др. (2016) Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*, № 2, с. 6–15. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.202>
- Андреева, П. А. (2009) Эмоциональные основания «Женского мира». *Аналитика культурологии*, т. 3, № 15, с. 88–91. EDN: [QZARUL](https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.202)
- Бабакова, Л. В., Стрижицкая, О. Ю. (2017) Копинг-стратегии пожилых людей в Болгарии и России. *Мир науки. Педагогика и психология*, т. 5, № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/07PSMN117.pdf> (дата обращения 02.10.2024).
- Бельх, Е. А., Ткач, Е. Н. (2020) Проблема взаимосвязи выбора копинг-стратегий и феномена жизнестойкости личности. В кн.: Е. Н. Ткач (ред.). *Психологическая наука и практика в современном обществе: реальность и тенденции развития. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции*. Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, с. 46–51. EDN: [HLTWTI](https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.202)

- Блехарская, Е. В. (2017) Пожилой возраст как переходный этап жизненного пути человека. *Педагогическое образование в России*, № 12, с. 36–43. <http://dx.doi.org/10.26170/po17-12-06>
- Вассерман, А. И. (ред.). (2009) *Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями*. СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 37 с.
- Гуськова, О. А., Николаенко, Т. А., Приленский, Б. Ю. и др. (2024) Гендерные различия в оценках психоэмоционального состояния и качества жизни пациентов через три месяца после пневмонии COVID-19. *Психиатрия*, т. 22, № 2, с. 28–38. <http://doi.org/10.30629/2618-6667-2024-22-2-28-38>
- Исаева, Е. Р., Зуева, Н. В. (2002) Защитно-совладающий стиль поведения больных депрессивными расстройствами. *Сибирский психологический журнал*, № 16–17, с. 84–88.
- Карасева, С. Н. (2013) Система ценностных ориентаций современных российских женщин. *Гуманитарные научные исследования*, № 6. [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2013/06/3412> (дата обращения 02.10.2024).
- Комарова, О. Н. (2024) Супружеские взаимоотношения как фактор психологического благополучия семьи. *Психическое здоровье семьи: российские традиции и современные подходы к оказанию помощи*, № 1, с. 196–200. <http://doi.org/10.24412/cl-37257-2024-1-196-200>
- Кривобоков, О. О. (2021) Особенности самоактуализации одиноких и замужних женщин фертильного возраста. *Молодой ученый*, № 41 (383), с. 299–302. EDN: UEYYWP
- Новик, А. А., Матвеев, Р. А., Ионова, Т. И. и др. (2002) Оценка качества жизни больного в медицине. *Клиническая медицина*, т. 80, № 2, с. 10–12. EDN: ZXTUPR
- Памукчи, Е. Н. (2022) Особенности копинг-стратегий у лиц с различным уровнем счастья. *NovaInfo*, № 134, с. 132–135.
- Потемина, Т. Е., Кузнецова, С. В., Перешеин, А. В. и др. (2018) Качество жизни в здравоохранении: критерии, цели, перспективы. *Российский остеопатический журнал*, № 3–4, с. 98–106. <https://doi.org/10.32885/2220-0975-2018-3-4-98-106>
- Хромов, А. Б. (2000) *Пятифакторный опросник личности*. Курган: Курганский государственный университет, 23 с.
- Шевченко, А. А. (2016) Специфика совладающего поведения лиц с психическим выгоранием. *Мир науки. Педагогика и психология*, т. 4, № 3. [Электронный ресурс]. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/41PSMN316.pdf> (дата обращения 27.06.2024).
- Afifi, M. (2007) Gender differences in mental health. *Singapore Medical Journal*, vol. 48, no. 5, pp. 385–391. PMID: [17453094](https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/17453094/)
- Davis, M. A., Murphy, S. P., Neuhaus, J. M. et al. (2000) Living arrangements affect dietary quality for U.S. adults aged 50 years and older: NHANES III 1988–1994. *The Journal of Nutrition*, vol. 130, no. 9, pp. 2256–2264. <https://doi.org/10.1093/jn/130.9.2256>
- Del Río Lozano, M., García Calvente, M. D. M. (2021) Cuidados y abordaje de la pandemia de COVID-19 con enfoque de género. *Gaceta Sanitaria*, vol. 35, no. 6, pp. 594–597. <http://doi.org/10.1016/j.gaceta.2020.05.006>
- Hossain, M. A., Shafin, R., Ahmed, M. S. et al. (2022) Health-related quality of life and coping strategies adopted by COVID-19 survivors: A nationwide cross-sectional study in Bangladesh. *PLoS One*, vol. 17, no. 11, article e0277694. <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0277694>
- Huang, K., Przeslowski, C., Ramirez, C. A. (2023) What risk factors are associated with poorer quality of life in patients with head and neck cancer? *Journal of Oral and Maxillofacial Surgery*, vol. 81, no. 5, pp. 648–653. <http://doi.org/10.1016/j.joms.2022.11.016>
- Instructions for Patient Health Questionnaire (PHQ) and GAD-7 Measures. (2010) *Instruction manual*. [Online]. Available at: [PHQandGAD7 InstructionManual.pdf \(ons.org\)](https://www.ons.org/PHQandGAD7/InstructionManual.pdf) (accessed 15.07.2020).
- Jace, C. E., Makridis, C. A. (2021) Does marriage protect mental health? Evidence from the COVID-19 pandemic. *Social Science Quarterly*, vol. 102, no. 6, pp. 2499–2515. <http://doi.org/10.1111/ssqu.13063>
- Krajc, K., Mirošević, Š., Sajovic, J. et al. (2023) Marital status and survival in cancer patients: A systematic review and meta-analysis. *Cancer Medicine*, vol. 12, no. 2, pp. 1685–1708. <http://doi.org/10.1002/cam4.5003>
- Kung'u, M., Onsongo, L., Ogutu, J. O. (2022) Factors influencing quality of life among cancer survivors in Kenya. *African Health Sciences*, vol. 22, no. 4, pp. 87–95. <http://doi.org/10.4314/ahs.v22i4.12>
- Liu, N., Zhang, F., Wei, C. et al. (2020) Prevalence and predictors of PTSS during COVID-19 outbreak in China hardest-hit areas: Gender differences matter. *Psychiatry*, vol. 287, article 112921. <http://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112921>
- Manfredini, R., De Giorgi, A., Tiseo, R. et al. (2017) Marital status, cardiovascular diseases, and cardiovascular risk factors: A review of the evidence. *Journal of Women's Health (Larchmont)*, vol. 26, no. 6, pp. 624–632. <http://doi.org/10.1089/jwh.2016.6103>
- O'Keefe, J., Torres-Acosta, N., Lavie, C. J. (2020) Living alone makes the heart more vulnerable. *Heart*, vol. 106, no. 4, pp. 246–247. <http://doi.org/10.1136/heartjnl-2019-316042>
- Ostadtaghizadeh, A., Zarei, M., Saniee, N., Rasouli, M. A. (2023) Gender-based violence against women during the COVID-19 pandemic: Recommendations for future. *BMC Women's Health*, vol. 23, article 219. <http://doi.org/10.1186/s12905-023-02372-6>

- Park, J.-H., Prochnow, T., Amo, C. et al. (2023) Differences in physical activity, sedentary behavior, and mental health of the older population in South Korea based on marital status and gender. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 20, no. 3, article 1726. <http://doi.org/10.3390/ijerph20031726>
- Sorlie, P. D., Backlund, E., Keller, J. B. (1995) US mortality by economic, demographic, and social characteristics: The National Longitudinal Mortality Study. *American Journal of Public Health*, vol. 85, no. 7, pp. 949–956. <http://doi.org/10.2105/ajph.85.7.949>
- Vargas-Rubilar, J., Richaud, M. C., Balabanian, C., Lemos, V. (2023) Parenting, gender, and perception of changes in children's behavior during the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 20, no. 15, article 6452. <http://doi.org/10.3390/ijerph20156452>
- Wang, C., Pan, R., Wan, X. et al. (2020) Immediate psychological responses and associated factors during the initial stage of the 2019 coronavirus disease (COVID-19) epidemic among the general population in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 5, article 1729. <http://doi.org/10.3390/ijerph17051729>
- Wilson, K. E., Das, B. M., Evans, E. M., Dishman, R. K. (2016) Structural equation modeling supports a moderating role of personality in the relationship between physical activity and mental health in college women. *Journal of Physical Activity and Health*, vol. 13, no. 1, pp. 67–78. <http://doi.org/10.1123/jpah.2014-0455>

References

- Ababkov, V. A., Baryshnikova, K., Vorontsova-Venger, O. V. et al. (2016) Validizatsiya russkoyazychnoj versii oprosnika "Shkala vosprinimaemogo stressa-10" [Validation of the Russian version of the questionnaire "Scale of perceived stress-10"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogica — Vestnik of St. Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, no. 2, pp. 6–15. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.202> (In Russian)
- Afifi, M. (2007) Gender differences in mental health. *Singapore Medical Journal*, vol. 48, no. 5, pp. 385–391. PMID: [17453094](https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/17453094/) (In English)
- Andreeva, P. A. (2009) Emotsional'nye osnovaniya "Zhenskogo mira" [The emotional foundations of the "women's world"]. *Analitika kulturologii*, vol. 3, no. 15, pp. 88–91. (In Russian)
- Babakova, L. V., Strizhitskaya, O. Yu. (2017) Koping-strategii pozhilykh lyudej v Bolgarii i Rossii [Coping-strategies of aging people in Bulgaria and Russia]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya — World of Science. Pedagogy and Psychology*, vol. 5, no. 1. [Online]. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/07PSMN117.pdf> (accessed 02.10.2024). (In Russian)
- Belykh, E. A., Tkach, E. N. (2020) Problema vzaimosvyazi vybora koping-strategij i fenomena zhiznestojkosti lichnosti [The problem of the relationship between the choice of coping strategies and the phenomenon of personality resilience]. In: E. N. Tkach (ed.). *Psikhologicheskaya nauka i praktika v sovremennom obshchestve: realnost' i tendentsii razvitiya. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii [Psychological science and practice in modern society: Reality and development trends. Collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference on November]* Khabarovsk: Pacific National University Publ., pp. 46–51. (In Russian)
- Blekharskaya, E. V. (2017) Pozhiloy vozrast kak perekhodnyj etap zhiznennogo puti cheloveka [Elderly age as a stage of the life cycle of a person]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii — Pedagogical Education in Russia*, vol. 12, pp. 36–43. <http://dx.doi.org/10.26170/po17-12-06> (In Russian)
- Davis, M. A., Murphy, S. P., Neuhaus, J. M. et al. (2000) Living arrangements affect dietary quality for U.S. adults aged 50 years and older: NHANES III 1988–1994. *The Journal of Nutrition*, vol. 130, no. 9, pp. 2256–2264. <https://doi.org/10.1093/jn/130.9.2256> (In English)
- Del Río Lozano, M., García Calvente, M. D. M. (2021) Cuidados y abordaje de la pandemia de COVID-19 con enfoque de género [Care and approach to the COVID-19 pandemic with a gender perspective]. *Gaceta Sanitaria*, vol. 35, no. 6, pp. 594–597. <http://doi.org/10.1016/j.gaceta.2020.05.006> (In Spanish)
- Guskova, O. A., Nikolayenko, T. A., Prilensky, B. Yu. et al. (2024) Gendernye razlichiya v otsenkakh psikhoemotsional'nogo sostoyaniya i kachestva zhizni patsientov cherez tri mesyatsa posle pnevmonii COVID-19 [Gender differences in psycho-emotional state and quality of life in patients 3 months after pneumonia COVID-19]. *Psikhiatriya — Psychiatry*, vol. 22, no. 2, pp. 28–38. <http://doi.org/10.30629/2618-6667-2024-22-2-28-38> (In Russian)
- Hossain, M. A., Shafin, R., Ahmed, M. S. et al. (2022) Health-related quality of life and coping strategies adopted by COVID-19 survivors: A nationwide cross-sectional study in Bangladesh. *PLoS One*, vol. 17, no. 11, article e0277694. <http://doi.org/10.1371/journal.pone.0277694> (In English)
- Huang, K., Przeslawski, C., Ramirez, C. A. (2023) What risk factors are associated with poorer quality of life in patients with head and neck cancer? *Journal of Oral and Maxillofacial Surgery*, vol. 81, no. 5, pp. 648–653. <http://doi.org/10.1016/j.joms.2022.11.016> (In English)
- Instructions for Patient Health Questionnaire (PHQ) and GAD-7 Measures. (2010) *Instruction manual*. [Online]. Available at: [PHQandGAD7_InstructionManual.pdf](https://www.ons.org/PHQandGAD7_InstructionManual.pdf) (ons.org) (accessed 15.07.2020). (In English)

- Isaeva, E. R., Zueva, N. V. (2002) Zashchitno-sovladayushchij stil' povedeniya bol'nykh depressivnymi rasstrojstvami [Protective controlled style of depressive disorder patients behavior]. *Sibirskij psikhologicheskij zhurnal — Siberian Journal of Psychology*, no. 16–17, pp. 84–88. (In Russian)
- Jace, C. E., Makridis, C. A. (2021) Does marriage protect mental health? Evidence from the COVID-19 pandemic. *Social Science Quarterly*, vol. 102, no. 6, pp. 2499–2515. <http://doi.org/10.1111/ssqu.13063> (In English)
- Karaseva, S. N. (2013) Sistema tsennostnykh orientatsij sovremennykh rossijskikh zhenshchin [The system of value orientations of modern Russian women]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya — Humanities Scientific Researches*, no. 6. [Online]. Available at: <https://human.snauka.ru/2013/06/3412> (accessed 02.10.2024). (In Russian)
- Khromov, A. B. (2000) *Pyatifaktornyj oprosnik lichnosti [Five factor questionnaire]*. Kurgan: Kurgan State University Publ., 23 p. (In Russian)
- Komarova, O. N. (2024) Supruzheskie vzaimootnosheniya kak faktor psikhologicheskogo blagopoluchiya sem'i [Marital relations as a factor of psychological well-being of the family]. *Psikhicheskoe zdorov'e sem'i: rossijskie traditsii i sovremennye podkhody k okazaniyu pomoshchi — Mental Health of the Family: Russian Traditions and Modern Approaches to Assistance*, no. 1, pp. 196–200. <http://doi.org/10.24412/cl-37257-2024-1-196-200> (In Russian)
- Krajc, K., Mirošević, Š., Sajovic, J. et al. (2023) Marital status and survival in cancer patients: A systematic review and meta-analysis. *Cancer Medicine*, vol. 12, no. 2, pp. 1685–1708. <http://doi.org/10.1002/cam4.5003> (In English)
- Krivobokov, O. O. (2021) Osobennosti samoaktualizatsii odinokikh i zamuzhnikh zhenshchin fertil'nogo vozrasta [Features of self-actualization of single and married women of fertile age]. *Molodoj uchenyj*, no. 41 (383), pp. 299–302. (In Russian)
- Kung'u, M., Onsongo, L., Ogutu, J. O. (2022) Factors influencing quality of life among cancer survivors in Kenya. *African Health Sciences*, vol. 22, no. 4, pp. 87–95. <http://doi.org/10.4314/ahs.v22i4.12> (In English)
- Liu, N., Zhang, F., Wei, C. et al. (2020) Prevalence and predictors of PTSS during COVID-19 outbreak in China hardest-hit areas: Gender differences matter. *Psychiatry*, vol. 287, article 112921. <http://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112921> (In English)
- Manfredini, R., De Giorgi, A., Tiseo, R. et al. (2017) Marital status, cardiovascular diseases, and cardiovascular risk factors: A review of the evidence. *Journal of Women's Health (Larchmont)*, vol. 26, no. 6, pp. 624–632. <http://doi.org/10.1089/jwh.2016.6103> (In English)
- Novik, A. A., Matveev, R. A., Ionova, T. I. et al. (2002) Otsenka kachestva zhizni bol'nogo v meditsine [Assessment of a patient's quality of life in medicine]. *Klinicheskaya meditsina — Clinical Medicine*, vol. 80, no. 2, pp. 10–13. (In Russian)
- O'Keefe, J., Torres-Acosta, N., Lavie, C. J. (2020) Living alone makes the heart more vulnerable. *Heart*, vol. 106, no. 4, pp. 246–247. <http://doi.org/10.1136/heartjnl-2019-316042> (In English)
- Ostadtaghizadeh, A., Zarei, M., Saniee, N., Rasouli, M. A. (2023) Gender-based violence against women during the COVID-19 pandemic: Recommendations for future. *BMC Women's Health*, vol. 23, article 219. <http://doi.org/10.1186/s12905-023-02372-6> (In English)
- Pamukchi, E. N. (2022) Osobennosti koping-strategij u lits s razlichnym urovnem schast'ya [Features of coping strategies for people with different levels of happiness]. *NovaInfo*, no. 134, pp. 132–135. (In Russian)
- Park, J.-H., Prochnow, T., Amo, C. et al. (2023) Differences in physical activity, sedentary behavior, and mental health of the older population in South Korea based on marital status and gender. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 20, no. 3, article 1726. <http://doi.org/10.3390/ijerph20031726> (In English)
- Potemina, T. E., Kuznetsova, S. V., Pereshein, A. V. et al. (2018) Kachestvo zhizni v zdravookhranении: kriterii, tseli, perspektivy [Quality of life in healthcare services: Criteria, goals, prospects]. *Rossijskij osteopaticheskij zhurnal — Russian Osteopathic Journal*, no. 3–4, pp. 98–106. <https://doi.org/10.32885/2220-0975-2018-3-4-98-106> (In Russian)
- Shevchenko, A. A. (2016) Spetsifika sovladayushchego povedeniya lits s psikhicheskim vygoraniem [The specifics of coping behavior of people with mental burnout]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya — World of Science. Pedagogy and Psychology*, vol. 4, no. 3. [Online]. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/41PSMN316.pdf> (accessed 27.06.2024). (In Russian)
- Sorlie, P. D., Backlund, E., Keller, J. B. (1995) US mortality by economic, demographic, and social characteristics: The National Longitudinal Mortality Study. *American Journal of Public Health*, vol. 85, no. 7, pp. 949–956. <http://doi.org/10.2105/ajph.85.7.949> (In English)
- Vasserman, L. I. (ed.). (2009) *Metodika dlya psikhologicheskoy diagnostiki sposobov sovladaniya so stressovymi i problemnymi dlya lichnosti situatsiyami [A technique for the psychological diagnosis of ways of coping with stressful and problematic situations for a person]*. Saint Petersburg: V. M. Bekhterev National Research Medical Center for Psychiatry and Neurology of the Russian Federation Ministry of Health Publ., 37 p. (In Russian)
- Vargas-Rubilar, J., Richaud, M. C., Balabanian, C., Lemos, V. (2023) Parenting, gender, and perception of changes in children's behavior during the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 20, no. 15, article 6452. <http://doi.org/10.3390/ijerph20156452> (In English)

- Wang, C., Pan, R., Wan, X. et al. (2020) Immediate psychological responses and associated factors during the initial stage of the 2019 coronavirus disease (COVID-19) epidemic among the general population in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, no. 5, article 1729. <http://doi.org/10.3390/ijerph17051729> (In English)
- Wilson, K. E., Das, B. M., Evans, E. M., Dishman, R. K. (2016) Structural equation modeling supports a moderating role of personality in the relationship between physical activity and mental health in college women. *Journal of Physical Activity and Health*, vol. 13, no. 1, pp. 67–78. <http://doi.org/10.1123/jpah.2014-0455> (In English)

Сведения об авторах

Ольга Александровна Гуськова, младший научный сотрудник, медицинский психолог, Тюменский кардиологический научный центр, филиал Томского национального исследовательского медицинского центра Российской академии наук; ассистент кафедры психологии с курсом психотерапии, Тюменский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации
ORCID: [0000-0001-8552-1646](https://orcid.org/0000-0001-8552-1646), e-mail: guskovaoa@infarkta.net

Борис Юрьевич Приленский, доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой психологии с курсом психотерапии, Тюменский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации
ORCID: [0000-0002-5449-5008](https://orcid.org/0000-0002-5449-5008), e-mail: prilensk@mail.ru

Елена Ильинична Ярославская, доктор медицинских наук, заведующий лабораторией инструментальной диагностики, Тюменский кардиологический научный центр, Филиал Томского национального исследовательского медицинского центра Российской академии наук
ORCID: [0000-0003-1436-8853](https://orcid.org/0000-0003-1436-8853), e-mail: yaroslavskaya@gmail.com

Ирина Яковлевна Стоянова, доктор психологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отделения аффективных состояний, Научно-исследовательский институт психического здоровья, Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук; профессор, кафедра психотерапии и психологического консультирования, факультет психологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет
ORCID: [0000-0003-2483-9604](https://orcid.org/0000-0003-2483-9604), e-mail: ithka1948@mail.ru

Татьяна Ивановна Петелина, доктор медицинских наук, ведущий научный сотрудник отделения артериальной гипертонии и коронарной недостаточности научного отдела клинической кардиологии, Тюменский кардиологический научный центр, Филиал Томского национального исследовательского медицинского центра Российской академии наук
ORCID: [0000-0001-6251-4179](https://orcid.org/0000-0001-6251-4179), e-mail: petelinati@infarkta.net

Authors

Olga A. Guskova, Junior Researcher, Clinical Psychologist, Tyumen Cardiology Research Center, Branch of Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences; assistant of the Department of Medical Psychology and Pedagogics, Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation
ORCID: [0000-0001-8552-1646](https://orcid.org/0000-0001-8552-1646), e-mail: guskovaoa@infarkta.net

Boris Yu. Prilenskij, Doctor of Sciences (Medicine), Professor, Head of the Department of Medical Psychology and Pedagogics, Tyumen State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation
ORCID: [0000-0002-5449-5008](https://orcid.org/0000-0002-5449-5008), e-mail: prilensk@mail.ru

Elena I. Yaroslavskaya, Doctor of Sciences (Medicine), Professor, Head of the Laboratory of Instrumental Diagnostics, Tyumen Cardiology Research Center, Branch of Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences
ORCID: [0000-0003-1436-8853](https://orcid.org/0000-0003-1436-8853), e-mail: yaroslavskaya@gmail.com

Irina Ya. Stoyanova, Doctor of Sciences (Psychology), Leading Researcher at the Department of Affective States, Research Institute of Mental Health, Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Faculty of Psychology, National Research Tomsk State University
ORCID: [0000-0003-2483-9604](https://orcid.org/0000-0003-2483-9604), e-mail: ithka1948@mail.ru

Tatyana I. Petelina, Doctor of Sciences (Medicine), Leading Researcher at the Department of Arterial Hypertension and Coronary Insufficiency, Department of Clinical Cardiology, Tyumen Cardiological Research Center, Branch of Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences
ORCID: [0000-0001-6251-4179](https://orcid.org/0000-0001-6251-4179), e-mail: petelinati@infarkta.net

УДК 159.9

EDN JYQRKZ

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-244-255>

Научная статья

Негативный детский опыт как предиктор аффективных нарушений у женщин на позднем сроке беременности

А. С. Кузьмина ¹, И. Я. Стоянова^{2,3}, Е. С. Прайзендорф¹, Д. А. Кулагина¹

¹ Алтайский государственный университет, 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, д. 61

² Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр. Ленина, д. 36

³ Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук, 634014, Россия, г. Томск, ул. Алеутская, д. 4

Для цитирования: Кузьмина, А. С., Стоянова, И. Я., Прайзендорф, Е. С., Кулагина, Д. А. (2025) Негативный детский опыт как предиктор аффективных нарушений у женщин на позднем сроке беременности. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 2, с. 244–255. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-244-255> EDN JYQRKZ

Получена 3 сентября 2024; прошла рецензирование 22 октября 2024; принята 27 октября 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. С. Кузьмина, И. Я. Стоянова, Е. С. Прайзендорф, Д. А. Кулагина (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. Изучение аффективных нарушений беременных женщин является весьма актуальным в связи с концепцией демографической политики России. В статье определены и изучены предикторы аффективных нарушений у женщин на позднем сроке беременности.

Материалы и методы. Представлены материалы эмпирического исследования с участием женщин на позднем сроке беременности. Дизайн исследования включал в себя методику диагностики ранних дезадаптивных схем Джеффри Янга «YSQ-S3R», госпитальную шкалу тревоги и депрессии (HADS), а также структурированную анкету. Математическая обработка данных проводилась с использованием непараметрического критерия Краскела — Уоллиса, регрессионного анализа с использованием программного пакета IBM SPSS Statistics v. 27.0.

Результаты исследования. Для женщин, не состоящих в официальном браке, более характерны аффективные нарушения в виде тревожной симптоматики. Для женщин в возрасте до 25 лет характерно ощущение покинутости, изолированности, неразвитая идентичность, пессимизм и придирчивость. Беременность, являясь кризисным событием, влечет за собой актуализацию ранних дезадаптивных схем, присутствовавших в жизни женщин и ранее. Негативный детский опыт, связанный с фрустрацией базовых потребностей в принятии, эмпатии, одобрении и уважении, отсутствие эмоциональной поддержки формируют стереотипы мышления, поведения и эмоций, которые выступают предикторами тревожной симптоматики у женщин на позднем сроке беременности.

Заключение. Настоящее исследование расширяет возможности оказания психологической помощи беременным на поздних сроках беременности.

Ключевые слова: тревога, депрессия, схема-терапия, ранние дезадаптивные схемы, беременность, аффективные нарушения, негативный детский опыт

Research article

Negative childhood experience as a predictor of affective disorders in women in late pregnancy

A. S. Kuzmina ¹, I. Ya. Stoyanova^{2,3}, E. S. Praizendorf¹, D. A. Kulagina¹

¹ Altai State University, 61 Lenina Ave., Barnaul 656049, Russia

² Tomsk State University, 36 Lenina Ave., Tomsk 634050, Russia

³ Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences,
4 Aleutskaya Str., Tomsk 634014, Russia

For citation: Kuzmina, A. S., Stoyanova, I. Ya., Praizendorf, E. S., Kulagina, D. A. (2025) Negative childhood experience as a predictor of affective disorders in women in late pregnancy. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 2, pp. 244–255.

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-244-255> EDN JYQRKZ

Received 3 September 2024; reviewed 22 October 2024; accepted 27 October 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. S. Kuzmina, I. Ya. Stoyanova, E. S. Praizendorf, D. A. Kulagina (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. The study of affective disorders in pregnant women is of particular relevance in the context of Russia's demographic policy. This article aims to identify and analyse predictors of affective disorders in women during the later stages of pregnancy.

Materials and Methods. The article presents empirical findings from a study involving women in late pregnancy. The research methods included the Young Schema Questionnaire — Short Form 3 Revised (YSQ-S3R) — by Jeffrey Young for the assessment of early maladaptive schemas, the Hospital Anxiety and Depression Scale (HADS), and a structured questionnaire. Data were analysed using the nonparametric Kruskal–Wallis test and regression analysis in IBM SPSS Statistics v.27.0.

Results. Women who are not legally married are more likely to exhibit affective disorders in the form of anxiety symptoms. Women under the age of 25 are characterized by a feeling of abandonment, isolation, undeveloped identity, pessimism and pickiness. Pregnancy, as a crisis event, tends to activate early maladaptive schemas that were formed prior to the current life situation. Negative childhood experiences involving frustration of basic needs — such as acceptance, empathy, approval and respect — and the lack of emotional support contribute to the development of cognitive, emotional, and behavioural patterns that serve as predictors of anxiety symptoms in women in late pregnancy.

Conclusions. The findings of this study offer new perspectives for enhancing psychological support services for women in late stages of pregnancy.

Keywords: anxiety, depression, therapy scheme, early maladaptive schemas, pregnancy, gestation, affective disorders, negative childhood experiences

Введение

Первоочередной задачей, согласно концепции демографической политики России, утвержденной Указом Президента РФ на период до 2025 года, является укрепление репродуктивного здоровья населения (Указ Президента Российской Федерации... 2014).

Охрана репродуктивного здоровья направлена на сохранение способности деторождения, в первую очередь, за счет улучшения дородовой помощи, помощи при родах, а также после родов (Галяутдинова и др. 2016).

Опубликованные данные свидетельствуют о том, что на реализацию репродуктивного потенциала населения кроме биологических фак-

торов значительное влияние оказывают неблагоприятные социальные факторы (снижение возраста сексуального дебюта, формирование нового характера семейных отношений) и психологические факторы (отсутствие готовности к материнству или дисгармоничный тип отношения к беременности, тревожные и депрессивные расстройства у женщин во время и после родов) (Кедрярова и др. 2018; Макарова и др. 2021; Филиппова, Матушевская 2006; Черных 2016).

Аффективные нарушения во время беременности встречаются достаточно часто (Балашов и др. 2014). Важный фактор в нормальном течении беременности, вынашивании плода, родов и послеродового периода — это качественное

и своевременное выявление аффективных нарушений у беременных женщин (Горьковская, Коргожа 2018; Кольчик, Ушакова 2020).

Особый интерес исследователей связан с изучением влияния на развитие аффективных нарушений в период беременности травматичных жизненных событий и негативного опыта детства, острых или хронических стрессоров как факторов, определяющих психологическое здоровье и жизнеспособность (Карауш, Куприянова 2022; Кузьмина и др. 2022).

Роль негативного детского опыта в появлении аффективных нарушений у беременных женщин

Негативный детский опыт исследуется в настоящей публикации в русле концепции схема-терапии, предложенной Дж. Янгом. Согласно указанной концепции, под ранней дезадаптивной схемой понимается полученный ранний опыт ребенка, в ходе которого не удовлетворяются его базовые фундаментальные потребности (Young et al. 2003). Этот опыт транслируется в стереотипах поведения, специфике проявления эмоций, способах мышления в течение всей последующей жизни личности (Vach et al. 2018).

В схема-терапии представлено пять основных базовых потребностей, в случае не реализации которых могут возникать ранние дезадаптивные схемы: потребность в надежной привязанности, которая включает принятие, понимание, безопасность; потребность в автономии, компетентности и чувстве идентичности; потребность в свободе выражать свои истинные желания и эмоции; потребность в спонтанности и игре; потребность в реалистичных ограничениях и самоконтроле. А ввиду того, что за ранней дезадаптивной схемой в большинстве своем стоит та или иная нереализованная базовая потребность, то основная задача схема-терапии беременных женщин будет заключаться в возможности удовлетворения этих потребностей (Касьяник и др. 2022).

В исследованиях показано, что аффективные нарушения беременных женщин связаны с активизацией ранних дезадаптивных схем (Карауш, Куприянова 2022).

Доказано, что весьма важно сопровождать женщин в формировании готовности к появлению ребенка и выполнению роли матери. Опасения и страхи относительно родов и послеродового периода, особые аффективные переживания в виде тревоги и депрессии ока-

зывают существенное влияние на качество повседневной жизни и особенности социального функционирования беременных женщин (Добряков 2015).

Таким образом, современные научно-прикладные исследования показали необходимость изучения предикторов аффективных нарушений беременных женщин. Мы предполагаем, что вопрос выявления роли негативного детского опыта в нарушениях репродуктивного здоровья беременных женщин является своевременным и актуальным, поскольку позволит предложить методы психологической помощи беременным женщинам. В решении задач в этой области, безусловно, может быть полезной схема-терапия, предложенная Дж. Янгом. Схема-терапия включает в себя совокупность лучших и эффективных подходов в психотерапии, помогает в работе с клиентами и пациентами, в том числе с развитыми аффективными нарушениями (Капустина и др. 2018).

Цель исследования — рассмотреть негативный детский опыт как предиктор аффективных нарушений у женщин на позднем сроке беременности.

Для достижения цели исследования решались следующие задачи:

- 1) выявить аффективные нарушения у женщин на позднем сроке беременности в зависимости от семейного положения;
- 2) определить показатели ранних дезадаптивных схем у женщин на позднем сроке беременности в зависимости от возраста;
- 3) установить предикторы аффективных нарушений беременных женщин.

На основании вышеизложенного нами выдвинута *гипотеза* о влиянии негативного детского опыта на аффективную сферу женщины на поздних сроках беременности.

Материалы и методы исследования

Участие в исследовании приняли 122 женщины на сроке беременности 36–40 недель.

Участие в исследовании было индивидуальным, письменным, добровольным, получены информированные согласия от участников исследования. На одно обследование приходилось в среднем от 30 до 40 минут. Участникам исследования была предоставлена возможность задать вопросы по результатам исследования и получить рекомендации от психолога.

Эмпирической базой исследования стало КГБУЗ «Алтайский краевой клинический центр охраны материнства и детства».

Исследование проводилось с использованием следующих психодиагностических инструментов:

1. Методика диагностики ранних дезадаптивных схем Джеффри Янга (YSQ-S3R; в адаптации П. М. Касьяник, Е. В. Романовой) использована для диагностики ранних дезадаптивных схем (Касьяник и др. 2016).

2. Госпитальная шкала тревоги и депрессии (HADS, Э. С. Зигмонд и Р. П. Снейт, в адаптации А. А. Кукшиной (Кукшина и др. 2013)) использована для выявления выраженности тревожно-депрессивных нарушений.

Анализ данных

Для анализа данных использованы непараметрический критерий Краскела — Уоллиса, регрессионный анализ; данные обработаны в программе IBM SPSS Statistics v. 27.0.

Результаты

Непараметрический критерий Краскела — Уоллиса использован для определения различий в проявлениях тревоги, депрессии и ранних дезадаптивных схем у женщин в зависимости от возраста и семейного положения (табл. 1).

Психологический анализ позволил выявить достоверные различия переживания тревоги у беременных женщин с разным семейным ста-

тусом. Женщины, не состоящие в официальном браке, больше испытывают тревогу, чем замужние женщины. Это связано с тем, что брак обеспечивает социальную стабильность, возможность долгосрочного планирования и ощущение поддержки, которую можно получить от партнера. Соответственно, в браке женщина может чувствовать себя более защищенной, а при отсутствии супруга — более уязвимой. Ответственность за свою жизнь и жизнь ребенка полностью ложится на ее плечи, появляется большое количество проблем, связанных как с организацией беременности и обеспечения себя во время нее, так и с организацией дальнейшей самостоятельной жизни с ребенком.

Достоверных отличий по показателям тревоги и депрессии у женщин разных возрастных групп не выявлено.

Сравнение показателей ранних дезадаптивных схем в зависимости от возраста представлено в таблице 2.

В возрасте до 25 лет женщины имеют большую выраженность ряда дезадаптивных схем, ощущают себя покинутыми и изолированными от общества. Для них характерна неразвитая идентичность, пессимизм и придирчивость. Это может свидетельствовать о малой подготовленности к факту беременности, недостаточной осведомленности и готовности к предстоящим жизненным изменениям. Необходимо учитывать, что ранние дезадаптивные схемы начинают

Табл. 1. Результаты сравнения показателей тревоги и депрессии в зависимости от семейного положения (n = 122)

Показатель	Семейное положение	Кол-во человек	Средний ранг	χ^2	p-знач.
Тревога	официальный брак	88	57,38	4,328	0,037
	не состоит в официальном браке	34	72,16		
Депрессия	официальный брак	88	58,80	1,865	0,172
	не состоит в официальном браке	34	68,50		

Примечание: χ^2 — Хи-квадрат.

Table 1. Results of comparison of anxiety and depression scores depending on marital status (n = 122)

Indicator	Marital status	Number of people	Average rank	χ^2	p-value
Anxiety	is legally married	88	57.38	4.328	0.037
	is not legally married	34	72.16		
Depression	is legally married	88	58.80	1.865	0.172
	is not legally married	34	68.50		

Note: χ^2 — Chi-square.

Табл. 2. Результаты сравнения показателей ранних дезадаптивных схем беременных женщин в зависимости от возраста (n = 122)

Параметр	Возраст	Средний ранг	χ^2	p-знач.
Покинутость / нестабильность	до 25 лет	73,03	7,922	0,02
	26–30 лет	53,94		
	31–40 лет	54,99		
Социальная отчужденность	до 25 лет	72,28	7,199	0,03
	26–30 лет	53,29		
	31–40 лет	56,33		
Дефективность / стыдливость	до 25 лет	70,91	7,804	0,02
	26–30 лет	49,75		
	31–40 лет	60,70		
Запутанность / неразвитая идентичность	до 25 лет	76,40	15,103	0,01
	26–30 лет	46,51		
	31–40 лет	57,31		
Покорность	до 25 лет	71,76	8,372	0,02
	26–30 лет	48,88		
	31–40 лет	60,48		
Жесткие стандарты / придирчивость	до 25 лет	72,08	6,681	0,04
	26–30 лет	54,22		
	31–40 лет	55,81		
Негативизм / пессимизм	до 25 лет	71,78	6,316	0,04
	26–30 лет	55,66		
	31–40 лет	54,96		
Пунитивность	до 25 лет	76,27	13,456	0,01
	26–30 лет	49,62		
	31–40 лет	54,94		

Примечание: χ^2 — Хи-квадрат.

Table 2. The results of comparing the indicators of early maladaptive schemas in pregnant women depending on age (n = 122)

Parameter	Age	Average rank	χ^2	p-value
Abandonment / Instability	under 25	73.03	7.922	0.02
	26–30	53.94		
	31–40	54.99		
Social exclusion	under 25	72.28	7.199	0.03
	26–30	53.29		
	31–40	56.33		
Defectiveness / Modesty	under 25	70.91	7.804	0.02
	26–30	49.75		
	31–40	60.70		
Entanglement / Undeveloped identity	under 25	76.40	15.103	0.01
	26–30	46.51		
	31–40	57.31		
Submission	under 25	71.76	8.372	0.02
	26–30	48.88		
	31–40	60.48		

Table 2. Completion

Parameter	Age	Average rank	χ^2	p-value
Strict standards / Pickiness	under 25	72.08	6.681	0.04
	26–30	54.22		
	31–40	55.81		
Negativism / Pessimism	under 25	71.78	6.316	0.04
	26–30	55.66		
	31–40	54.96		
Punitivity	under 25	76.27	13.456	0.01
	26–30	49.62		
	31–40	54.94		

Note: χ^2 — Chi-square.

формироваться в детском возрасте. Они не причиняют человеку особого дискомфорта до возникновения стрессовых или кризисных ситуаций. Так как беременность является именно кризисным событием, логично предположить, что она влечет за собой актуализацию всех ранних дезадаптивных схем, присутствовавших в жизни женщины ранее. Фактор возраста может считаться значимым для анализа методов воспитания, применявшихся к женщинам в детстве. Вероятно, что их детство протекало в период семейной нестабильности и неопределенности. Родители значительную часть времени отсутствовали в жизни ребенка в связи с различными причинами, поэтому детские паттерны поведения и убеждения, связанные с ощущением покинутости и изолированности, активно про-

являются во взрослом возрасте в кризисный период жизни.

При помощи регрессионного анализа определены предикторы аффективных нарушений беременных женщин. Независимыми переменными выступили показатели ранних дезадаптивных схем, а зависимыми переменными — показатели тревоги и депрессии.

Представим регрессионные модели тревоги ($F = 3,64$; $p = 0,01$) и депрессии ($F = 15,02$; $p = 0,01$) беременных женщин (табл. 3).

Ранний травматичный опыт, связанный с ощущением ненадежности, нестабильности, отвержение, эмоциональная холодность и непредсказуемое поведение родителей, жесткое наказание за допущенные ошибки, отсутствие эмоциональной поддержки формируют стереотипы

Табл. 3. Предикторы тревоги беременных женщин (n = 122)

Ранние дезадаптивные схемы	B	Ст. ош.	БЕТА	t	p-знач.
$R^2 = 0,389$; $F^* = 3,64$; $p^* < 0,001$					
Св. член	3,42	0,59		5,76	0,01
Покинутость / нестабильность	0,060	0,022	0,319	2,662	0,009
Зависимость / беспомощность	-0,071	0,037	-0,281	-1,945	0,054

Примечание: R2 — коэффициент детерминации; F — критерий Фишера, p — значимость критерия Фишера, Ст. ош. — стандартная ошибка, Св. член — свободный член.

Table 3. Predictors of anxiety in pregnant women (n = 122)

Early maladaptive schemas	B	St. Er.	BETA	t	p-value
$R^2 = 0.389$; $F^* = 3.64$; $p^* < 0.001$					
Free term	3.42	0.59		5.76	0.01
Abandonment / Instability	0.060	0.022	0.319	2.662	0.009
Addiction / Helplessness	-0.071	0.037	-0.281	-1.945	0.054

Note: R2 — coefficient of determination; F — Fisher’s test, p — p-value, St. Er. — standard error.

мышления, поведения и эмоций, которые выступают предикторами тревоги на позднем сроке беременности.

Часто у женщин на позднем сроке беременности наблюдаются убеждения, связанные с субъективным ощущением нестабильности мира, одиночества и малой интеграции с социумом. Такие пациентки могут ощущать себя непонятыми, ненужными, близкие люди будут казаться им ненадежными и нестабильными. Более того, они будут склонны к чрезмерному самобичеванию за совершенные ошибки и несоответствие своим высоким стандартам. Важно отметить, что предсказание возможных ошибок и наличие высоких стандартов в любой социальной роли в общем и в роли матери в частности, всегда будет вызывать иррациональную неадаптивную тревогу. Эта избыточная тревога влечет за собой иррациональные способы поведенческих реакций. Вместо того, чтобы найти адаптивный путь взаимодействия с возможными ошибками или ощущением ненужности, пациентка будет стремиться к еще большему недостижимому идеалу, замыкаться в себе и ограничивать социальные контакты, что может привести к формированию не только более интенсивной тревожной симптоматики, но и к дальнейшему формированию депрессивных симптомов.

В таблице 4 представлен анализ предикторов депрессии женщин на позднем сроке беременности.

Ранние дезадаптивные схемы «Дефективность/стыдливость», «Покинутость/нестабильность» могут выступать возможными предикторами депрессии беременной женщины.

Ранний травматичный опыт, который вызывает фрустрацию базовых потребностей в эмоциональной поддержке, любви и безусловном принятии, опыт отвержения ребенка, а также повышенная чувствительность к критике, критичность к себе, излишняя рефлексия и самокопание, отвержение и непредсказуемое поведение родителей формируют стереотипы мышления, поведения и эмоций, которые могут способствовать появлению депрессии на позднем сроке беременности.

Все это способствует появлению у беременной женщины ощущения собственной никчемности, покинутости и дефективности. Женщины могут ощущать, что их не принимают и не любят, что родные не уделяют им должного внимания и заботы. Могут наблюдаться также убеждения, связанные с чувством одиночества и покинутости. Депрессивные пациентки могут отказываться от взаимодействия с окружением, тем самым больше погружаясь в свои негативные размышления и формируя новые более

Табл. 4. Предикторы депрессии беременных женщин (n = 122)

Ранние дезадаптивные схемы	B	Ст. ош.	BETA	t	p-знач.
$R^2 = 0,397; F^* = 3,76; p^* < 0,001$					
Св. член	3,673	0,593		6,192	0,000
Эмоциональная депривированность	-0,062	0,031	-0,253	-2,005	0,048
Покинутость / нестабильность	0,047	0,022	0,250	2,098	0,038
Дефективность / стыдливость	0,121	0,058	0,306	2,070	0,041

Примечание: R2 — коэффициент детерминации; F — критерий Фишера, p — значимость критерия Фишера, Ст. ош. — стандартная ошибка, Св. член — свободный член.

Table 4. Predictors of depression in pregnant women (n = 122)

Early maladaptive schemas	B	St. Er.	BETA	t	p-value
$R^2 = 0.397; F^* = 3.76; p^* < 0.001$					
Free term	3.673	0.593		6.192	0.000
Emotional deprivation	-0.062	0.031	-0.253	-2.005	0.048
Abandonment / Instability	0.047	0.022	0.250	2.098	0.038
Defectiveness / Modesty	0.121	0.058	0.306	2.070	0.041

Note: R2 — coefficient of determination; F — Fisher's test, p — p-value, St. Er. — standard error.

интенсивные симптомы. После рождения ребенка активация данных схем может быть чревата отказом от взаимодействия с ребенком ввиду наличия убеждений, связанных с дефектностью. В схемах, формирующих депрессивную симптоматику, исходя из результатов нашего исследования, прослеживается тенденция к самоуничтожению и самобичеванию, как из-за субъективного ощущения никчемности, так и из-за возможных ошибок и недочетов при взаимодействии как с собой и ребенком, так и с окружающим миром.

Обсуждение

Аффективные нарушения в виде тревоги и депрессии у беременных женщин могут способствовать развитию послеродовой депрессии (Макарова и др. 2021). Мы согласны с позицией М. А. Макаровой, Ю. Г. Тихоновой, Т. И. Авдеевой и определяем уникальность данного исследования в возможности изучения предикторов тревоги и депрессии у беременных женщин и применения метода схема-терапии в психокоррекции аффективных нарушений беременных женщин.

В качестве предикторов тревоги и депрессии выступает негативный детский опыт, который является индикатором нереализованности базовых потребностей. Полученные в настоящем исследовании данные согласуются с представлениями о ранних дезадаптивных схемах как причинах стресса и психических нарушений (Карауш, Куприянова 2022).

Обращает на себя внимание наличие особенностей и достоверных различий по ранним дезадаптивным схемам у беременных женщин всех возрастных категорий, что согласуется с результатами, отраженными в исследованиях (Золотова 2021). Стоит отметить, что, по полученным нами данным, чаще с тревожными и депрессивными реакциями сталкиваются женщины возрастом младше 25 лет, что может говорить о большей неприспособленности к кризисному периоду и некоторый сохраняющейся инфантильности у данной возрастной группы. Полученные результаты исследования определяют высокую значимость психологической диагностики и психологической коррекции аффективных нарушений беременных женщин. Процесс рождения ребенка для многих женщин является дополнительным стрессовым фактором, который может запустить процессы формирования аффективных нарушений в послеродовой период.

Важно отметить, что и тревожная, и депрессивная симптоматика и схемы, входящие в нее, могут встречаться у одной пациентки, то есть будет происходить гиперболизация всех негативных убеждений, эмоций, дезадаптивного поведения, что затрудняет адаптацию женщины к новой социальной роли, роли матери. Все это подтверждает необходимость оказания психологической помощи женщинам. С позиции схема-терапии и понимания подходов к лечению, предложенных Джеффри Янгом, основным элементом взаимодействия с негативными симптомами, сопровождающими тревожные и депрессивные расстройства, является минимизация воздействия ранних дезадаптивных схем. Дезадаптивная схема включает различные уровни реагирования: когнитивный, эмоциональный и связанный с телесными ощущениями. Поэтому целесообразно осуществлять психологическое воздействие на всех уровнях.

Выводы

Выводы настоящего исследования заключаются в следующих положениях:

1. Семейный статус определяет выраженность аффективных нарушений беременной женщины, женщины, состоящие в официальном браке, реже испытывают состояние тревоги.
2. Беременные женщины младше 25 лет часто ощущают себя покинутыми и изолированными от общества. Для них характерны неразвитая идентичность, пессимизм и придирчивость, что может свидетельствовать о недостаточной подготовленности к факту беременности и предстоящим жизненным изменениям. Общее количество ранних дезадаптивных схем у женщин младше 25 лет выше, чем в других возрастных группах.
3. Предикторами аффективных нарушений беременных женщин выступают ранние дезадаптивные схемы, связанные с покинутостью, беспомощностью, эмоциональной депривированностью и собственной дефективностью. Ранние дезадаптивные схемы формируются в результате полученного в детстве негативного опыта.
4. Негативный детский опыт, связанный с фрустрацией у ребенка базовых потребностей в принятии, эмпатии, одобрении и уважении, отсутствие эмоциональной поддержки формируют стереотипы мышления, поведения и эмоций, которые выступают предикторами

тревожной симптоматики у беременных женщин. Негативный травматичный опыт, связанный с депривацией у ребенка базовых потребностей в принятии, любви, эмоциональной поддержке, а также опыт детства, связанный с ненужностью, отвержением, постоянным сравнением с другими, обуславливает формирование депрессивной симптоматики беременных женщин.

Результаты данного исследования раскрывают специфические особенности когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферы у беременных женщин, подверженных возникновению аффективных нарушений.

То, как женщины осмысливают свой новый статус и относятся к жизни во время беременности, определяет способность к успешной адаптации после родов. Дезадаптивные схемы, выявленные нами у беременных женщин, могут говорить о субъективном восприятии окружения как недостаточно помогающего и поддерживающего, а себя как личность, склонную совершать постоянные ошибки и из-за этого нуждающуюся в критике и самобичевании. Такие убеждения активно препятствуют интерпретации беременности и родов как приятного, естественного процесса, что в свою очередь может запустить процессы формирования послеродовой депрессии, угрожающие жизни и матери, и ребенка.

Перечисленные данные дают нам представление о том, как предотвратить процесс патологизации, помогают выявить механизмы нарушения репродуктивного здоровья беременных женщин.

Ограничениями исследования выступают включение в выборку только беременных женщин в третьем триместре беременности, а также отсутствие информации об осложнениях во время беременности и последующих родах.

Перспективы исследования по тематике видятся в расширении выборки в части исследования аффективных нарушений беременных на первом и втором триместре беременности, а также в изучении возможностей психологической работы с женщинами с целью благополучного завершения беременности и формирования успешного материнства.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Заявление о доступности данных

Данные доступны по запросу, адресованному автору-корреспонденту.

Data Availability Statement

The data are available upon request submitted to the corresponding author.

Вклад авторов

Сбор эмпирических данных, подготовка чернового варианта рукописи — Е. С. Прайзendorф, Д. А. Кулагина; статистическая обработка, анализ данных, редактирование рукописи — А. С. Кузьмина; подготовка чистового варианта рукописи — И. Я. Стоянова.

Author Contributions

E. S. Praizendorf, D. A. Kulagina — collection of empirical data, preparing the first draft of the manuscript; A. S. Kuzmina — statistical processing, data analysis, revision of the manuscript; I. Y. Stoyanova — preparing the final version of the manuscript.

Литература

Балашов, П. П., Колесникова, А. М., Мамышева, Н. А. (2014) Клинические особенности тревожных расстройств у беременных женщин. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, т. 114, № 11, с. 20–23. EDN: TGMHYL

- Галяутдинова, С. И., Кутушева, Р. Р., Гумерова, Р. Б. (2016) Психологическая готовность беременных женщин к родительству. *Российский гуманитарный журнал*, т. 5, № 2, с. 243–250. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2016.2.13>
- Горьковская, И. А., Коргожа, М. А. (2018) Влияние течения беременности и качества жизни женщин на развитие послеродовой депрессии. *Азимут научных исследований: педагогика и психология*, т. 7, № 4 (25), с. 293–296. EDN: JGRTJE
- Добряков, И. В. (2015) *Перинатальная психология*. СПб.: Питер, 352 с.
- Золотова, И. А. (2021) Исследование особенностей психологического компонента гестационной доминанты как индикатора формирования дисфункциональных отношений в системе «мать — дитя» у женщин различных возрастных категорий. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, т. 27, № 2, с. 135–142. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-2-135-142>
- Капустина, Т. В., Кадыров, Р. В., Люкшина, Д. С. (2018) Стратегии совладающего поведения и психологические защиты у девушек с разными ранними дезадаптивными схемами. *Психолог*, № 5, с. 25–33. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2018.5.27644>
- Карауш, И. С., Куприянова, И. Е. (2022) Ранние дезадаптивные схемы как модераторы стресса и формирующейся психической патологии. *Сибирский психологический журнал*, № 83, с. 122–140. <https://doi.org/10.17223/17267080/83/7>
- Касьяник, П. М., Галимзянова, М. В., Романова, Е. В. (2016) Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов их функционирования у взрослых, обратившихся и не обратившихся за психологической помощью. *Прикладная юридическая психология*, № 2, с. 75–83.
- Кедрова, Е. А., Рысятова, М. С., Уварова, М. Ю. (2018) Характерологические особенности и типы отношения к беременности у молодых женщин. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология*, т. 24, с. 45–57. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.24.45>
- Кольчик, Е. Ю., Ушакова, В. Р. (2024) Специфика отношения к беременности женщин с разным семейным статусом. *Мир науки. Педагогика и психология*, т. 8, № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/84PSMN320.pdf> (дата обращения 08.08.2024).
- Кузьмина, А. С., Прайзендорф, Е. С., Логинова, И. В. (2022) Ранние дезадаптивные схемы и тип отношения к беременности у женщин на позднем сроке гестации. *Клиническая и специальная психология*, т. 11, № 4, с. 114–137. <https://doi.org/10.17759/cpse.2022110405>
- Макарова, М. А., Тихонова, Ю. Г., Авдеева, Т. И. и др. (2021) Послеродовая депрессия — факторы риска развития, клинические и терапевтические аспекты. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*, т. 13, № 4, с. 75–80. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2021-4-75-80>
- Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» (в редакции Указа Президента РФ от 1 июля 2014 г. № 483). (2014) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (дата обращения 08.08.2024).
- Филиппова, Г. Г., Матушевская, Н. В. (2006) Взаимосвязь качества привязанности беременной женщины к своей матери и к мужу во время беременности. *Перинатальная психология и психология родительства*, № 2, с. 57–81.
- Черных, Н. А. (2016) Материнство как социально-обусловленный феномен. Эмпирическое исследование тревожности беременных. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, т. 22, № 2, с. 94–96.
- Bach, V., Lockwood, G., Young, J. E. (2018) A new look at the schema therapy model: Organization and role of early maladaptive schemas. *Cognitive Behavioral Therapy*, vol. 47, no. 4, pp. 328–349. <https://doi.org/10.1080/16506073.2017.1410566>
- Young, J. E., Klosko, J. S., Weishaar, M. E. (2003) *Schema Therapy: A practitioner's guide*. New York: Guilford Press, 449 p.

References

- Bach, V., Lockwood, G., Young, J. E. (2018) A new look at the schema therapy model: Organization and role of early maladaptive schemas. *Cognitive Behavioral Therapy*, vol. 47, no. 4, pp. 328–349. <https://doi.org/10.1080/16506073.2017.1410566> (In English)
- Balashov, P. P., Kolesnikova, A. M., Mamysheva, N. L. (2014) Klinicheskie osobennosti trevoznykh rasstrojstv u beremennykh zhenshchin [Clinical features of anxiety disorders in pregnant women]. *Zhurnal Nevrologii i Psikiatrii imeni S. S. Korsakova — S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, vol. 114, no. 11, pp. 20–23. (In Russian)
- Chernykh, N. A. (2016) Materinstvo kak sotsial'no-obuslovlennyy fenomen. Empiricheskoe issledovanie trevozhnosti beremennykh [Motherhood as a socially conditioned phenomenon. Empirical study of pregnancy anxiety]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika — Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, vol. 22, no. 2, pp. 94–96. (In Russian)

- Dobryakov, I. V. (2015) *Perinatal'naya psikhologiya [Perinatal psychology]*. Saint Petersburg: Piter Publ., 352 p. (In Russian)
- Filippova, G. G., Matushevskaya, N. V. (2006) Vzaimosvyaz' kachestva privyazannosti beremennoy zhenshchiny k svoej materi v detstve i k muzhu vo vremena beremennosti [The relationship between the quality of a pregnant woman's attachment to her mother in childhood and to her husband during pregnancy]. *Perinatal'naya psikhologiya i psikhologiya roditel'stva*, no. 2, pp. 57–81. (In Russian)
- Galyautdinova, S. I., Kutusheva, R. R., Gumerova, R. B. (2016) Psikhologicheskaya gotovnost' beremennykh zhenshchin k roditel'stvu [Psychological readiness of pregnant women for parenthood]. *Rossiiskij gumanitarnyj zhurnal — Liberal Arts in Russia*, vol. 5, no. 2, pp. 243–250. <https://doi.org/10.15643/libartrus-2016.2.13> (In Russian)
- Gorkovaya, I. A., Korgozha, M. A. (2018) Vliyaniye techeniya beremennosti i kachestva zhizni zhenshchin na razvitiye poslerodovoy depressii [The impact of the gestation course and the women's quality of life on the development of postpartum depression]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya — Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*, vol. 7, no. 4 (25), pp. 293–296. (In Russian)
- Kapustina, T. V., Kadyrov, R. V., Lyukshina, D. S. (2018) Strategii sovladayushchego povedeniya i psikhologicheskie zashchity u devushek s raznymi rannimi dezadaptivnymi skhemami [Coping behavior strategies and psychological defence mechanisms of young women with particular early maladaptive schemas]. *Psikholog — Psychologist*, no. 5, pp. 25–33. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2018.5.27644> (In Russian)
- Karaush, I. S., Kupriyanova, I. E. (2022) Rannie dezadaptivnye skhemy kak moderatory stressa i formiruyushcheysya psikhicheskoy patologii [Early maladaptive schemes as moderators of stress and emerging mental pathology]. *Sibirskij psikhologicheskij zhurnal — Siberian Journal of Psychology*, no. 83, pp. 122–140. <https://doi.org/10.17223/17267080/83/7> (In Russian)
- Kasyanik, P. M., Galimzyanova, M. V., Romanova, E. V. (2016) Vyrashchennost' rannikh dezadaptivnykh skhem i rezhimov ikh funktsionirovaniya u vzroslykh, obrashchavshikhsya i ne obrashchavshikhsya za psikhologicheskoy pomoshch'yu [The severity of early maladaptive schemes and modes of their functioning in adults who applied and did not apply for psychological help]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya — Applied Legal Psychology*, no. 2, pp. 75–83 (In Russian)
- Kedyarova, E. A., Rysyatova, M. S., Uvarova, M. Yu. (2018) Kharakterologicheskie osobennosti i tipy otnosheniya k beremennosti u molodykh zhenshchin [Characterological peculiarities and types of attitude towards pregnancy of young women]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya — The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, vol. 24, pp. 45–57. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2018.24.45> (In Russian)
- Kolchik, E. Yu., Ushakova, V. R. (2020) Spetsifika otnosheniya k beremennosti zhenshchin s raznym semejnym statusom [Specific attitudes towards pregnancy of women with different family status]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya — World of Science. Pedagogy and Psychology*, vol. 8, no. 3. [Online]. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/84PSMN320.pdf> (accessed 08.08.2024). (In Russian)
- Kuzmina, A. S., Praizendorf, E. S., Loginova, I. V. (2022) Rannie dezadaptivnye skhemy i tip otnosheniya k beremennosti u zhenshchin na pozdnem sroke gestatsii [Early maladaptive patterns and the type of attitude to pregnancy in women at late gestation]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya — Clinical Psychology and Special Education*, vol. 11, no. 4, pp. 114–137. <https://doi.org/cpse.2022110405> (In Russian)
- Makarova, M. A., Tikhonova, Yu. G., Avdeeva, T. I. (2021) Poslerodovaya depressiya — faktory riska razvitiya, klinicheskie i terapevticheskie aspekty [Postpartum depression — risk factors of development, clinical and therapeutic aspects]. *Nevrologiya, nejropsikhiatriya, psikhosomatika — Neurology, Neuropsychiatry, Psychosomatics*, vol. 13, no. 4, pp. 75–80. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2021-4-75-80> (In Russian)
- Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 9 oktyabrya 2007 g. № 1351 “Ob utverzhdenii Kontseptsii demograficheskoy politiki Rossijskoj Federatsii na period do 2025 goda” (v redaktsii Ukaza Prezidenta RF ot 1 iyulya 2014 g. № 483) [Decree of the President of the Russian Federation dated 09.10.2007 No. 1351 “On Approval of the Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025” (as amended by Decree of the President of the Russian Federation dated 01.07.2014 No. 483)] (2014) [Online]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/26299> (accessed 08.08.2024). (In Russian)
- Young, J. E., Klosko, J. S., Weishaar, M. E. (2003) *Schema Therapy: A practitioner's guide*. New York: Guilford Press, 449 p. (In English)
- Zolotova, I. A. (2021) Issledovanie osobennostej psikhologicheskogo komponenta gestatsionnoj dominanty kak indikatora formirovaniya disfunktsional'nykh otnoshenij v sisteme “mat' — ditya” u zhenshchin razlichnykh vozrastnykh kategorij [The study of the features of the psychological component of gestational dominance as an indicator of the formation of dysfunctional relationships in the “mother–child” system in women of different age categories]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika — Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*, vol. 27, no. 2, pp. 135–142. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2021-27-2-135-142> (In Russian)

Сведения об авторах

Анна Сергеевна Кузьмина, кандидат психологических наук, заведующий кафедрой клинической психологии, Алтайский государственный университет
SPIN-код: [3687-0328](#), Scopus AuthorID: [57961679500](#), ORCID: [0000-0001-5864-7120](#), e-mail: annakuz87@yandex.ru

Ирина Яковлевна Стоянова, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии и психологического консультирования, ведущий научный сотрудник отделения аффективных состояний, Томский государственный университет, Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук
SPIN-код: [5048-1557](#), Scopus AuthorID: [57193702114](#), ORCID: [0000-0003-2483-9604](#), e-mail: Ithka1948@mail.ru

Екатерина Сергеевна Прайзендорф, старший преподаватель кафедры клинической психологии, Алтайский государственный университет
SPIN-код: [3414-1590](#), Scopus AuthorID: [57960818600](#), ORCID: [0000-0002-9014-8927](#), e-mail: catherinears@list.ru

Дарья Алексеевна Кулагина, старший преподаватель кафедры клинической психологии, Алтайский государственный университет
SPIN-код: [5442-2509](#), ORCID: [0000-0003-1573-0789](#), e-mail: psy.daria.kulagina@gmail.com

Authors

Anna S. Kuzmina, Candidate of Sciences (Psychology), Head of the Department of Clinical Psychology, Altai State University

SPIN: [3687-0328](#), Scopus AuthorID: [57961679500](#), ORCID: [0000-0001-5864-7120](#), e-mail: annakuz87@yandex.ru

Irina Ya. Stoyanova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor of the Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, Leading Researcher of the Department of Affective States, National Research Tomsk State University, Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences

SPIN: [5048-1557](#), Scopus AuthorID: [57193702114](#), ORCID: [0000-0003-2483-9604](#), e-mail: Ithka1948@mail.ru

Ekaterina S. Praizendorf, Senior Lecturer of the Department of Clinical Psychology, Altai State University

SPIN: [3414-1590](#), Scopus AuthorID: [57960818600](#), ORCID: [0000-0002-9014-8927](#), e-mail: catherinears@list.ru

Daria A. Kulagina, Senior Lecturer of the Department of Clinical Psychology, Altai State University

SPIN: [5442-2509](#), ORCID: [0000-0003-1573-0789](#), e-mail: psy.daria.kulagina@gmail.com

УДК 159.972

EDN JGJEDB

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-256-274>

Научная статья

Суицидальная активность и мотивация пациентов, перенесших первый психотический эпизод

Е. В. Щетинина ^{✉1}, О. Ю. Щелкова ^{2,3}, Н. В. Чернов ¹, Г. П. Костюк ¹

¹ Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н. А. Алексеева Департамента здравоохранения города Москвы, 117152, Россия, г. Москва, Загородное шоссе, д. 2

² Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

³ Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева, 192019, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Бехтерева, д. 3

Для цитирования: Щетинина, Е. В., Щелкова, О. Ю., Чернов, Н. В., Костюк, Г. П. (2025) Суицидальная активность и мотивация пациентов, перенесших первый психотический эпизод. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 2, с. 256–274. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-256-274> EDN JGJEDB

Получена 30 августа 2024; прошла рецензирование 1 декабря 2024; принята 26 февраля 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. В. Щетинина, О. Ю. Щелкова, Н. В. Чернов, Г. П. Костюк (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/) CC BY-NC 4.0.

Аннотация

Введение. Суицидальное поведение психически больных людей является острой медико-социальной проблемой. Цель исследования — изучить личностные особенности, основные стратегии совладающего со стрессом поведения, особенности суицидальной активности и мотивации пациентов, перенесших первый психотический приступ и имеющих риск суицида в анамнезе.

Материал и методы. Исследование проведено на базе Психиатрической клинической больницы № 1 им. Н. А. Алексеева Департамента здравоохранения города Москвы. Обследованы 72 пациента $27,69 \pm 0,79$ лет, проходящих лечение в Клинике первого психотического эпизода и (на основании изучения данных медицинской документации) имеющих повышенный риск суицидальной активности. Пакет диагностического инструментария включал: опросник Мини-Мульт, опросник «Способы совладающего поведения», тесты «Суицидальная мотивация» и «Противосуицидальная мотивация» Ю. Р. Вагина, «Опросник суицидального риска», «Шкала оценки риска суицида» (The SAD Persons Scale), «Шкала суицидальных интенций» (The Pierce Suicide Intent Scale). Математико-статистическая обработка данных проводилась с помощью программ SPSS v.25.0 и Excel 2010.

Результаты. Исследование выявило значимые отличия в личностных и поведенческих особенностях, стратегиях совладания со стрессом и характером суицидальной мотивации от нормы. В большинстве случаев суицидальное поведение у лиц, перенесших первый психотический эпизод, ограничивается суицидальными мыслями, значительно реже — предпринимаемыми попытками. Мотивацией к совершению самоубийства чаще всего выступает потеря смысла жизни, а также непереносимость страданий. Доминирующими когнитивными конструктами, «защищающими» от совершения суицида, являются «нарциссическая» (любовь к себе) и «этическая» (чувство долга перед близкими людьми) мотивации, мотивация «когнитивной надежды» (надежды как-то найти выход и преодолеть ситуацию), а также внутреннее убеждение в недопустимости самоубийства, табуированность поступка. Для потенциальных суицидентов, страдающих расстройствами шизофренического спектра, характерен деструктивный личностный профиль, представленный значительно отличающимися от нормативных показателей подъемами по шкалам «депрессии», «психастении», «истерии» и «шизоидности». Арсенал копинг-стратегий этой группы пациентов отличается неконструктивностью, преобладают механизмы, направленные на избегание решения проблем, на «конфронтацию» и «дистанцирование», в то время как показатели активных и конструктивных копингов снижены.

Заключение. Пациенты, перенесшие первый психотический эпизод и входящие в группу риска по суициду, отличаются от нормы рядом личностных и поведенческих параметров. Характер

переживаний и специфика мотивационной сферы при суицидальном поведении представляет собой мишень для психокоррекционной работы.

Ключевые слова: первый психотический эпизод, суицид, шизофрения, суицидальная мотивация, копинг-стратегии

Research article

Suicidal activity and suicidal motivation among patients after their first psychotic episode

E. V. Shchetinina ^{✉1}, O. Yu. Shchelkova ^{2,3}, N. V. Chernov ¹, G. P. Kostyuk ¹

¹ N. A. Alekseev Clinical Hospital No. 1 of Moscow Health Department,
2 Zagorodnoe Hwy., Moscow 117152, Russia

² Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg 199034, Russia

³ V. M. Bekhterev National Research Medical Center for Psychiatry and Neurology,
3 Bekhtereva Str., Saint Petersburg 192019, Russia

For citation: Shchetinina, E. V., Shchelkova, O. Yu., Chernov, N. V., Kostyuk, G. P. (2025) Suicidal activity and suicidal motivation among patients after their first psychotic episode. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 2, pp. 256–274. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-256-274> EDN JGJEDB

Received 30 August 2024; reviewed 1 December 2024; accepted 26 February 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. V. Shchetinina, O. Yu. Shchelkova, N. V. Chernov, G. P. Kostyuk (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. Suicidal behavior among individuals with mental illness represents an acute medical and social problem. This study explores personality traits, primary stress-coping strategies, suicidal activity, and suicidal motivation in patients who have experienced their first psychotic episode and have a documented history of suicide risk.

Material and Methods. The study was conducted at N. A. Alekseev Clinical Hospital No. 1 of Moscow Health Department. A total of 72 patients (aged 27.69 ± 0.79) were examined, all undergoing treatment in the Clinic of the First Psychotic Episode and having a documented history of suicidal risk. The methods included: the Mini-Mult Questionnaire, the Coping Behavior Questionnaire, the Suicidal Motivation Test and the Anti-Suicidal Motivation Test (both by Yu. Vagin), the Suicide Risk Questionnaire, the SAD PERSONS Suicide Risk Scale, and the Pierce Suicide Intent Scale. Data processing was performed using SPSS v. 25.0 and Excel 2010.

Results. The respondents showed significant deviations from normative values in personality traits, behavioral characteristics, stress-coping strategies and suicidal motivation. In most cases, suicidal behavior after a first psychotic episode was limited to suicidal thoughts, with actual suicide attempts occurring less frequently. The motivation for suicide most often involved a loss of meaning in life and intolerance of suffering. Protective cognitive constructs against suicide comprised 'narcissistic' motivation (self-love), 'ethical' motivation (a sense of responsibility toward loved ones), and 'cognitive hope' (the hope to find a way out and overcome the situation), alongside a deeply held conviction that suicide is unacceptable and taboo. Patients within the suicide risk group diagnosed with schizophrenia spectrum disorders demonstrated a destructive personality profile, characterized by elevated scores on the 'depression', 'psychasthenia', 'hysteria', and 'schizoid traits' scales compared to normative data. This group predominantly employed maladaptive coping strategies focused on 'avoidance of problem-solving', 'confrontation', and 'distancing', while showing reduced use of constructive coping mechanisms.

Conclusions. Patients who have experienced a first psychotic episode and have a history of suicide risk differ from the normative population in several personality and behavioral parameters. The distinct features of their emotional experiences and motivational sphere represent important targets for psychological intervention.

Keywords: first psychotic episode, suicide, schizophrenia, suicidal motivation, coping strategies

Введение

Еще в 1911 году выдающийся швейцарский психиатр Э. Блейер, давший название группе психотических расстройств — «шизофрения», подчеркивал высокую склонность к суициду этих больных. По прошествии целого века, современная статистика служит печальным подтверждением этому (Bleuler 1911). В статье А. А. Краснова с соавторами приводится статистика суицидов в России, сопряженных с психическими расстройствами (с отсылкой к ВОЗ и Росстату), которая на 2021 год составляла от 71 до 90% от общего числа завершенных суицидальных попыток (Краснов и др. 2021).

Со времен социологической теории суицидального поведения Э. Дюркгейма представление о природе и механизмах этого явления значительно расширилось, и в настоящее время доминирует эклектический подход. В нашей стране большой вклад в научные представления внесла А. Г. Амбрумова, рассматривавшая суицидальное поведение как следствие социально-психологической дезадаптации личности в субъективно-невыносимых условиях (Амбрумова, Тихоненко 1978); Ю. Р. Вагиным была представлена концепция авитальной активности (Вагин 2011). Современные представления о природе и механизмах суицидального поведения также опираются на «Диатез-стресс» модель (Положий, Распопова 2008).

Ввиду своей социальной значимости проблема суицидов среди больных шизофренией исследовалась в работах многих отечественных (Винникова и др. 2019; Вишневская, Петрова 2014; Журавлева, Дворянчиков 2017; Касимова и др. 2014; Логутенко 2013; Любов, Цупрун 2013; Незнанов и др. 2018; Петрова 2021; Суботич 2023; Сырчина и др. 2014; Торопова 2016) и зарубежных (Chai et al. 2024; Courtet 2018; Hettige et al. 2018; Nordentoft et al. 2015; Pompili et al. 2007; Sinyor et al. 2015; Tahmazov et al. 2024; Ventrigo et al. 2016; Wasserman et al. 2021; Wastler et al. 2024) исследователей. Большая часть этих работ была основана на исследовании пациентов, хронически больных в течение ряда лет. Актуальным в настоящее время является пристальное внимание к этапу зарождения болезни и первым годам после перенесенного психотического «дебюта».

Для манифеста первого функционального психоза отводится временной промежуток от 18 до 30 лет (Костюк и др. 2017). Проблема особо тщательной диагностики, своевременной медицинской помощи и психосоциальной реабилитации пациентов Клиники первого психотического эпизода рассмотрена в трудах ряда современных авторов (Антохин и др. 2024; Незнанов и др. 2018; Таккуева и др. 2019; Тарантова и др. 2022; Чернов, Карпенко 2019; Шашкова, Гажа 2020). Интерес представляют исследования причин и особенностей суицидального поведения на разных этапах психотического расстройства, причем риск суицида наиболее высок в ближайшие несколько лет после постановки диагноза (т. е. после первого психотического приступа и первой госпитализации в психиатрический стационар): отдельные авторы сходятся на 3–5-летнем отрезке с момента начала болезни, другие — что на момент совершения первой суицидальной попытки стаж заболевания может достигать 10,3 лет (Амбрумова, Тихоненко 1978; Винникова и др. 2019; Иванов, Егоров 2010; Courtet 2018; Nordentoft et al. 2015). Рядом исследований подтверждено, что суицидальное поведение больных шизофренией имеет положительную корреляцию с выраженностью и тяжестью психопродуктивной симптоматики и коморбидной психической патологией, в частности депрессивным расстройством (Журавлева, Дворянчиков 2017; Иванова 2020; Торопова 2016).

В связи с этим целью настоящего исследования стало определение личностных особенностей, основных стратегий совладающего со стрессом поведения, особенностей суицидальной активности и мотивации пациентов, перенесших первый психотический приступ и имеющих риск суицида в анамнезе.

Материал и методы

Исследование проведено на базе Психиатрической клинической больницы №1 им. Н. А. Алексеева города Москвы (главный врач — Г. П. Костюк). Среди пациентов Клиники первого психотического эпизода был проведен срез выборки по следующим критериям: нозологии F20-29, давность заболевания до 5 лет; всего исследовано 139 пациентов: 60 (43,2%) мужчин и 79 (56,8%) женщин; средний возраст $25,65 \pm 0,53$ лет. На основании изучения медицинской документации и обстоятельств госпитализации была выделена группа с верифицированной суицидальной активностью — группа суицидального риска ($n = 72$ человека; средний возраст $23,86 \pm 0,65$); все пациенты имели в анамнезе одну или несколько суицидальных попыток или угрозу суицида. Из этих испытуемых выставленный диагноз шизофрении имели 23%, шизотипического расстройства личности — 34,5%, острого и преходящего психотического

расстройство — 23,0 %, шизоаффективного расстройства — 19,4 %.

Опишем психосоциальные характеристики группы испытуемых с суицидальным риском. Уровень образования следующий: общее среднее — 20,9 %, среднее профессиональное — 14,4 %, неоконченное высшее (студент) — 28,8 %, высшее — 36 %. Была собрана информация о наличии актуальной психотравмирующей ситуации на момент госпитализации (как возможный социальный фактор суицидальной угрозы): есть актуальная психотравмирующая ситуация — 18,7 %, нет — 66,2 %, и 15,1 % испытуемых сообщают о переживании хронического стресса в своей жизни (к примеру, стесненные бытовые условия, тяжелые, нарушенные отношения с родителями или другими членами семьи и т. п.).

Приведем количественные данные тех или иных проявлений аутоагрессивного поведения, которые послужили основанием для внесения пациентов в группу риска суицида; они представлены следующими вариациями: суицидальные мысли, суицидальные намерения, эпизоды самоповреждения и непосредственно попытки суицида. Изучение историй болезни испытуемых позволило собрать следующую статистику по нашей выборке (табл. 1).

В качестве методов исследования были использованы адаптированные методики изучения личности и копинг-стратегий, а также специализированные методики для изучения различных видов суицидальной активности и мотивации, уровня суицидальных интенций и актуального риска суицида. Всего психодиагностический комплекс включал семь методик: клинический опросник Мини-Мульт (Mini-Mult) (Зайцев

1981), опросник «Способы совладающего поведения» (Ways of Coping Questionnaire, WCQ) Р. Лазаруса (Вассерман и др. 2014), тесты «Суицидальная мотивация» и «Противосуицидальная мотивация» (Вагин 2011), опросник суицидального риска в модификации Т. Н. Разуваевой (Пичиков, Попов 2022), «Шкала оценки риска суицида» (The Sad Persons Scale) (Чистопольская и др. 2023), «Шкала суицидальных интенций» (Pierce Suicide Intent Scale) (Чистопольская и др. 2013).

Математико-статистическая обработка данных проводилась с помощью программ SPSS v. 25.0 и Excel 2010. Использованы описательные статистики, анализ частоты встречаемости признаков (таблицы сопряженности), одновыборочный Т-критерий, кластерный анализ по методу Уорда.

Результаты

На первом этапе исследования с помощью «Шкалы оценки риска суицида» (The Sad Persons Scale) проведена оценка степени выраженности актуального риска суицида. Результаты исследования представлены в таблице 2.

Полученные результаты показывают, что у 44 человек из 72 (61,1 %) выявляется средний риск, у 19 человек — низкий риск (26,4%) и у 9 человек (12,5%) — высокий и очень высокий риск суицида. Согласно конструктивным особенностям методики, суицидальный риск оценивается по наличию у конкретного пациента факторов риска суицида, выделенных ранее в специальных исследованиях. Таким образом, в изучаемой выборке эти факторы в разных

Табл. 1. Суицидальная активность

Суицидальная активность	n	%
Эпизоды самоповреждения	15	20,3
Суицидальные мысли	74	100,0
Актуальная суицидальная попытка	9	12,2
Суицидальные попытки в анамнезе	8	10,8

Table 1. Suicidal activity

Suicidal activity	n	%
Episodes of self-harm	15	20.3
Suicidal thoughts	74	100.0
Current suicide attempt	9	12.2
History of suicide attempts	8	10.8

Табл. 2. Оценка актуального риска суицида

Риск суицида	Группа пациентов n = 72	
	n	%
Низкий	19	26,4
Средний	44	61,1
Высокий	8	11,1
Очень высокий	1	1,4
Средний показатель суицидальных интенций (M + m)	3,19 ± 0,129	

Table 2. Assessment of the current risk of suicide

Suicide risk	Patient group N = 72	
	n	%
Low	19	26.4
Moderate	44	61.1
High	8	11.1
Very high	1	1.4
Mean suicidal intent score (M + m)	3.19 ± 0.129	

сочетаниях и в разном количестве присутствуют у подавляющего большинства (почти $\frac{3}{4}$) пациентов. К числу факторов риска суицида, помимо мужского пола и молодого возраста, относятся такие психосоциальные предикторы, как недостаток социальной поддержки (проживание в одиночестве, нарушенные межличностные отношения), отсутствие супруга, наличие тяжелой инвалидизирующей болезни, а также ряд психопатологических состояний (депрессия, нарушения мышления) и поведенческих отклонений (злоупотребление алкоголем).

На следующем этапе в изучаемой группе больных были проанализированы данные, полученные с помощью методики «Шкала суицидальных интенций» (Pierce Suicide Intent Scale). Результаты анализа представлены в таблице 3.

«Шкала суицидальных интенций» предназначена для исследования пациентов с совершенной суицидальной попыткой и представляет собой перечень определенных действий по подготовке к совершению суицида, каждое из которых оценивается по баллам, и итоговая сумма позволяет судить о серьезности намерений. В подавляющем большинстве у пациентов данной группы уровень суицидальных интенций оценивается как низкий (87,5%), так как чаще всего пациент либо самостоятельно обратился за психиатрической помощью, испугавшись своих намерений, либо бригада психиатрической помощи была вызвана другими людьми, что в итоге предотвратило совершение суицида. Серьезную подготовку к уходу из жизни, с наличием конкретного

Табл. 3. Суицидальные интенции

Уровень суицидальных интенций	Группа пациентов n = 72	
	n	%
Низкий	63	87,5
Средний	2	2,8
Высокий	7	9,7
Средний показатель суицидальных интенций (M + m)	1,89 ± 0,578	

Table 3. Suicidal intentions

Level of suicidal intent	Patient group n = 72	
	n	%
Low	63	87.5
Moderate	2	2.8
High	7	9.7
Mean suicidal intent score (M + m)	1.89 ± 0.578	

плана, средства, предсмертной записки и совершения непосредственно попытки самоубийства предприняли, как можно видеть из таблицы 3, лишь 9,7% испытуемых.

Далее приведены результаты применения опросника для выявления факторов суицидального риска (разработан А. Г. Шмелевым, модифицирован Т. Н. Разуваевой) (Пичиков, Попов

2022). В отличие от ранее представленной «Шкалы оценки риска суицида», выявляющей риск суицида на основе демографических, клинических и психосоциальных характеристик, эта методика прогнозирует риск суицида, опираясь, преимущественно, на выраженность определенных индивидуально-психологических характеристик испытуемых (таблица 4).

Табл. 4. Статистические характеристики шкал методики суицидального риска (в модификации Т. Н. Разуваевой)

Факторы суицидального риска	Группа пациентов n = 72	
	М	σ
Демонстративность	0,93	1,510
Аффективность	1,97	2,039
Уникальность	1,18	1,605
Несостоятельность	2,10	2,319
Социальный пессимизм	1,51	1,617
Слом культурных барьеров	1,41	1,522
Максимализм	2,08	2,266
Временная перспектива	1,24	1,770
Антисуицидальный фактор	5,11	1,985

Table 4. Statistical characteristics of the scales of the Suicide Risk Questionnaire (modified by T.N. Razuvaeva)

Suicide risk factors	Patient group n = 72	
	M	σ
Demonstrativeness	0.93	1.510
Effectiveness	1.97	2.039
Uniqueness	1.18	1.605
Failure	2.10	2.319
Social pessimism	1.51	1.617
Breaking down cultural barriers	1.41	1.522
Maximalism	2.08	2.266
Time perspective	1.24	1.770
Anti-suicidal factor	5.11	1.985

Согласно полученным результатам, наиболее выраженность в данной группе испытуемых имеют следующие факторы суицидального риска: «несостоятельность» (отрицательная концепция собственной личности, убеждение в своей ненужности, некомпетентности, слабой позиции относительно социума, представление о собственной физической, моральной, умственной неполноценности, ущербности); «максимализм» («инфантильный максимализм ценностных установок» — согласно развернутому определению автора методики, склонность излишне фиксироваться на неудачах, избирательно, категорично выносить суждения, «сверхобобщать» свой опыт, вынесенный из конкретной ситуации, «локального конфликта» на остальные сферы жизни); «аффективность» («доминирование эмоций над интеллектуальным контролем в оценке ситуации», непосредственная эмоциональная реакция на психотравмирующую ситуацию, трудности самоконтроля). Несмотря на выраженность некоторых факторов риска суицида, в подавляющем большинстве случаев у испытуемых также выявлялось и наличие «антисуи-

цидального фактора» (глубокое внутреннее убеждение о недопустимости самоубийства, совокупность моральных, этических, религиозных установок, убеждений), что, в целом, снижает общий суицидальный риск и открывает возможности для психокоррекционной работы с этими пациентами.

Оценив реальный уровень риска суицида и суицидальных интенций респондентов, на следующем этапе было необходимо выявить мотивационную направленность суицидального поведения. Диагностика была проведена по тестам Ю. Р. Вагина «Суицидальная мотивация» и «Противосуицидальная мотивация», результаты отражены в таблицах 5 и 6.

Из таблицы 5 видно, что у испытуемых преобладают следующие виды мотивов к совершению самоубийства: «анемическая» мотивация (потеря смысла жизни) и «анестетическая» мотивация (непереносимость страданий); наиболее редко среди пациентов с расстройствами шизофренического спектра в начале заболевания встречается «гетеропунитивная» суицидальная мотивация (намерение наказать других).

Табл. 5. Статистические характеристики шкал методики «Суицидальная мотивация»

Суицидальная мотивация	Группа пациентов n = 72	
	М	σ
Альтруистическая	5,26	5,597
Анемическая	7,93	5,562
Анестетическая	7,71	5,890
Инструментальная	2,74	3,838
Аутопунитическая	3,67	3,580
Гетеропунитическая	1,82	2,879
Поствитальная	2,32	3,476

Table 5. Statistical characteristics of the scales of the Suicidal Motivation Test

Suicidal motivation	Patient group n = 72	
	M	σ
Altruistic	5.26	5.597
Anemic	7.93	5.562
Anesthetic	7.71	5.890
Instrumental	2.74	3.838
Autopunitive	3.67	3.580
Heteropunitive	1.82	2.879
Post-vital	2.32	3.476

Многими авторами подчеркивается, что для реальной оценки суицидального риска необходимо учитывать, наряду с суицидальной мотивацией, особенности противосуицидальной («защитной») мотивации («антисуицидальные факторы личности») потенциальных суицидентов (Амбрумова, Тихоненко 1978; Вагин 2011). По данным таблицы 6 видно, что доминирующими противосуицидальными мотивами пациентов являются «нарциссическая» мотивация (любовь к себе), мотивация «когнитивной надежды» (надежда как-то разрешить ситуацию, найти выход) и «этическая» мотивация (чувство долга перед близкими людьми). Самой «непопулярной» «защитной от самоубийства» мотивацией в выборке оказалась «религиозная».

Особый исследовательский интерес представляло изучение личностных характеристик испытуемых с суицидальным риском в анамне-

зе, а также характерных для них копинг-стратегий. Результаты сопоставления этих показателей пациентов с риском суицида с тестовыми нормами, полученными на отечественной выборке, представлены в таблице 7.

Потенциальные суициденты, перенесшие первый психотический эпизод, имеют показатели шкал «депрессия», «истерия», «психастения», «шизоидность», значительно превосходящие нормативные показатели, в то время как показатель шкалы «гипомания» (активность и положительный фон настроения), напротив, закономерно снижен по сравнению со средней «нормой». В целом, «профиль» личности пациентов с повышенным риском суицидальной активности по сравнению с нормативным «профилем» имеет неблагоприятный характер: в нем повышены шкалы как невротического, так и психотического регистров, что отражает общий

Табл. 6. Статистические характеристики шкал методики «Противосуицидальная мотивация»

Противосуицидальная мотивация	Группа пациентов n = 72	
	М	σ
Провитальная	7,07	5,450
Религиозная	3,89	5,131
Этическая	11,01	4,790
Моральная	7,18	4,886
Эстетическая	6,61	4,656
Нарциссическая	12,17	3,958
Мотивация когнитивной надежды	11,82	4,153
Мотивация временной инфляции	9,24	5,095
Мотивация финальной неопределенности	6,17	5,140

Table 6. Statistical characteristics of the scales of the Anti-Suicidal Motivation Test

Anti-suicidal motivation	Patient group n = 72	
	M	σ
Provital	7.07	5.450
Religious	3.89	5.131
Ethical	11.01	4.790
Moral	7.18	4.886
Aesthetic	6.61	4.656
Narcissistic	12.17	3.958
Cognitive hope motivation	11.82	4.153
Temporary inflation motivation	9.24	5.095
Final uncertainty motivation	6.17	5.140

Табл. 7. Сравнение показателей методик Мини-Мульти и «Способы совладающего поведения» с нормативными данными в группе пациентов с риском суицида

Показатели методик Мини-Мульти и «Способы совладающего поведения»	М	δ	М	δ	Т-критерий	Значимость различий (p)
	«Норма»		Группа пациентов			
Мини-Мульти						
D — Депрессия	50,0	10,0	57,42	13,66	4,577	0,000
Hу — Истерия	50,0	10,0	54,34	12,97	2,817	0,006
Pt — Психастения	50,0	10,0	60,00	13,70	6,150	0,000
Sc — Шизоидность	50,0	10,0	60,00	12,50	6,743	0,000
Ma — Гипомания	50,0	10,0	47,45	11,84	-1,815	0,074
Способы совладающего поведения						
Конфронтация	50,0	10,0	44,02	14,73	-3,038	0,004
Дистанцирование	50,0	10,0	44,55	14,07	-2,897	0,005
Самоконтроль	50,0	10,0	46,54	14,60	-1,776	0,081
Принятие ответственности	50,0	10,0	46,61	13,51	-1,879	0,066
Бегство-избегание	50,0	10,0	57,04	14,98	3,515	0,001
Положительная переоценка	50,0	10,0	43,68	14,33	-3,300	0,002

Table 7. Comparison of the indicators of the Mini-Mult Questionnaire and the Coping Behavior Questionnaire with normative data in patients at suicide risk

Indicators of the Mini-Mult Questionnaire and the Coping Behavior Questionnaire	М	δ	М	δ	T-criterion	Significance of differences (p)
	Norm		Group 1			
The Mini-Mult Questionnaire						
D — Depression	50.0	10.0	57.42	13.66	4.577	0.000
Hу — Hysteria	50.0	10.0	54.34	12.97	2.817	0.006
Pt — Psychasthenia	50.0	10.0	60.00	13.70	6.150	0.000
Sc — Schizoid	50.0	10.0	60.00	12.50	6.743	0.000
Ma — Hypomania	50.0	10.0	47.45	11.84	-1.815	0.074
The Coping Behavior Questionnaire						
Confrontation	50.0	10.0	44.02	14.73	-3.038	0.004
Distancing	50.0	10.0	44.55	14.07	-2.897	0.005
Self-control	50.0	10.0	46.54	14.60	-1.776	0.081
Acceptance of responsibility	50.0	10.0	46.61	13.51	-1.879	0.066
Escape-avoidance	50.0	10.0	57.04	14.98	3.515	0.001
Positive reappraisal	50.0	10.0	43.68	14.33	-3.300	0.002

повышенный уровень психического напряжения и дискомфорта, затруднения психологической и социальной адаптации. В частности, сочетание подъемов шкал «депрессия» и «психастения» по сравнению с «нормой» отражает возможность аффективных нарушений (тревожно-депрессивного характера), а дисгармоничное сочетание

подъемов шкал «шизоидность» и «истерия» свидетельствует о возможном нарушении социальной адаптации, непредсказуемом, а также демонстративном (возможно, вычурном) характере поведения.

В структуре копинга у пациентов с риском суицидальной активности показатели пяти

из восьми шкал методики «Стратегии совладающего поведения» имеют сниженные оценки по сравнению со средней «нормой», исключение составляет показатель шкалы «Бегство-избегание», который на высоком уровне статистической значимости превосходит соответствующий нормативный показатель. В целом, полученные данные свидетельствуют о том, что пациенты с суицидальным риском недостаточно активно используют арсенал копинг-стратегий при совладании со стрессовыми и проблемными жизненными ситуациями, предпочитая использовать при их возникновении неконструктивную стратегию «ухода» от продуктивного разрешения, применяя, в том числе, дезадаптивные способы отстранения от проблемы.

На следующем этапе исследования с помощью кластерного анализа, проведенного методом Уорда, была сделана попытка выделить группы пациентов со схожими «психологическими профилями» (кластеры) и с помощью однофакторного дисперсионного анализа определить статистически значимые различия между кластерами по изученным психологическим характеристикам. По результатам кластерного анализа были выделены две группы испытуемых, различных по следующим психологическим характеристикам.

В первый кластер («Кластер-1»), условно названный «Дезадаптивный», вошли пациен-

ты характеризующиеся общим психическим напряжением, депрессивностью, акцентуацией ряда личностных черт и повышенным суицидальным риском. Кластер объединил более половины пациентов, вошедших в выборку кластеризации ($n = 46$; 63,9%); средний возраст $23,1 \pm 4,8$ лет. Во второй кластер, условно названный «Относительно адаптивный», вошли 26 (36,1%) пациентов (средний возраст $25,1 \pm 6,8$ лет).

При сопоставлении шкальных оценок психодиагностических показателей, отражающих особенности эмоционально-личностной и поведенческих сфер пациентов, составивших «Кластер-1» и «Кластер-2», получены следующие статистически значимые и близкие к ним результаты (табл. 8).

Как видно из таблицы 8, испытуемые, составившие «Кластер-1», характеризуются более выраженными акцентуированными личностными чертами, более высоким уровнем эмоционального напряжения и проблем социальной адаптации, согласно данным методики Мини-Мульт. Наибольшее статистическое отличие между кластерами получено по таким личностным радикалам, как истерия и депрессия, что может характеризовать пациентов «Кластера-1» как более демонстративных в презентации своих переживаний, способных прибегать к манипулятивному поведению, склонных

Табл. 8. Статистические характеристики шкал методик, отражающих эмоционально-личностные и поведенческие особенности пациентов, составивших «Кластер-1» и «Кластер-2»

Психодиагностический показатель	«Кластер-1»		«Кластер-2»		F	p
	M	σ	M	σ		
Мини-Мульт						
Hs — Ипохондрия	55,88	16,739	48,92	13,974	3,159	0,080
D — Депрессия	60,19	14,850	53,35	10,885	4,155	0,045
Hу — Истерия	57,33	12,398	49,27	12,460	6,817	0,011
Pd — Психопатия	53,67	10,288	49,27	12,460	2,918	0,092

Table 8. Statistical characteristics of psychodiagnostic instrument scales reflecting emotional-personal and behavioural characteristics of patients comprising Cluster 1 and Cluster 2

Psychodiagnostic indicator	Cluster 1		Cluster 2		F	p
	M	σ	M	σ		
The Mini-Mult Questionnaire						
Hs — Hypochondria	55.88	16.739	48.92	13.974	3.159	0.080
D — Depression	60.19	14.850	53.35	10.885	4.155	0.045
Hу — Hysteria	57.33	12.398	49.27	12.460	6.817	0.011
Pd — Psychopathy	53.67	10.288	49.27	12.460	2.918	0.092

фиксироваться на своих переживаниях и драматизировать их.

В таблице 9 приведены статистически значимые и близкие к ним различия между пациентами, вошедшими в «Кластер-1» и «Кластер-2», по показателям методик, отражающих различные аспекты суицидальной активности и мотивации; в таблице 10 — по показателям методик,

отражающих суицидальный риск и суицидальные интенции.

Сопоставление кластеров по показателям суицидальной активности и мотивации показало, что испытуемые, вошедшие в «Кластер-1» («Деструктивный»), отличаются большей суицидальной готовностью, их риск суицида и уровень интенций значительно превышает уровень

Табл. 9. Статистические характеристики шкал методик, отражающих суицидальную активность и мотивацию пациентов, составивших «Кластер-1» и «Кластер-2»

Психодиагностический показатель	«Кластер-1»		«Кластер-2»		F	p
	M	σ	M	σ		
Суицидальная мотивация						
Альтруистическая	7,78	5,444	0,81	1,812	39,953	0,000
Анемическая	11,26	3,549	2,04	2,946	126,172	0,000
Анестетическая	11,26	4,090	1,42	2,023	131,588	0,000
Инструментальная	3,61	4,047	1,19	2,912	7,154	0,009
Аутопунитическая	4,91	3,776	1,46	1,679	19,452	0,000
Гетеропунитическая	2,37	3,248	0,85	1,736	4,906	0,030
Поствитальная	2,87	3,822	1,35	2,545	3,295	0,074
Противосуицидальная мотивация						
Провитальная	6,20	5,119	8,62	5,769	3,385	0,070
Религиозная	2,89	4,388	5,65	5,919	5,093	0,027
Этическая	11,76	4,089	9,69	5,676	3,194	0,078
Нарциссическая	11,54	4,375	13,27	2,836	3,259	0,075

Table 9. Statistical characteristics of psychodiagnostic instrument scales reflecting suicidal activity and suicidal motivation of patients comprising Cluster 1 and Cluster 2

Psychodiagnostic indicator	Cluster 1		Cluster 2		F	p
	M	σ	M	σ		
The Suicidal Motivation Test						
Altruistic	7.78	5.444	0.81	1.812	39.953	0.000
Anemic	11.26	3.549	2.04	2.946	126.172	0.000
Anesthetic	11.26	4.090	1.42	2.023	131.588	0.000
Instrumental	3.61	4.047	1.19	2.912	7.154	0.009
Autopunitive	4.91	3.776	1.46	1.679	19.452	0.000
Heteropunitive	2.37	3.248	0.85	1.736	4.906	0.030
Post-vital	2.87	3.822	1.35	2.545	3.295	0.074
The Anti-Suicidal Motivation Test						
Provital	6.20	5.119	8.62	5.769	3.385	0.070
Religious	2.89	4.388	5.65	5.919	5.093	0.027
Ethical	11.76	4.089	9.69	5.676	3.194	0.078
Narcissistic	11.54	4.375	13.27	2.836	3.259	0.075

Табл. 10. Статистические характеристики шкал методик, отражающих факторы суицидального риска и суицидальных интенций пациентов, составивших «Кластер-1» и «Кластер-2»

Психодиагностический показатель	«Кластер-1»		«Кластер-2»		F	p
	M	σ	M	σ		
Факторы суицидального риска						
Демонстративность	1,20	1,734	0,46	0,837	4,148	0,045
Уникальность	1,54	1,801	0,55	0,913	6,770	0,011
Несостоятельность	2,52	2,393	1,36	2,016	4,373	0,040
Социальный пессимизм	1,92	1,706	0,77	1,142	9,476	0,003
Максимализм	2,57	2,365	1,23	1,828	6,179	0,015
Оценка риска суицида и уровень интенций						
Шкала суицидальных интенций Пирса (ШСИ)	2,96	5,891	0,00	0,000	6,507	0,013
Шкала оценки риска суицида (ШОРС)	3,57	1,148	2,54	0,582	18,089	0,000

Table 10. Statistical characteristics of psychodiagnostic instrument scales reflecting factors of suicide risk and suicidal intentions of patients comprising Cluster 1 and Cluster 2

Psychodiagnostic indicator	Cluster 1		Cluster 2		F	p
	M	σ	M	σ		
The Suicide Risk Questionnaire						
Demonstrativeness	1.20	1.734	0.46	0.837	4.148	0.045
Uniqueness	1.54	1.801	0.55	0.913	6.770	0.011
Failure	2.52	2.393	1.36	2.016	4.373	0.040
Social pessimism	1.92	1.706	0.77	1.142	9.476	0.003
Maximalism	2.57	2.365	1.23	1.828	6.179	0.015
The SAD PERSONS Scale and the Pierce Suicide Intent Scale						
The Pierce Suicide Intent Scale	2.96	5.891	0.00	0.000	6.507	0.013
The SAD PERSONS Scale	3.57	1.148	2.54	0.582	18.089	0.000

второй группы («Относительно адаптивный»). Суицидальная мотивация этих пациентов высока и чаще всего содержанием их переживаний является отсутствие смысла жизни («анемическая» мотивация) и непереносимость страдания («анестетическая» мотивация). Также эти пациенты отличаются выраженностью некоторых особых факторов суицидального риска, а именно демонстративностью, ощущением собственной несостоятельности и в то же время уникальности своей личности, их суждения продиктованы неким социальным пессимизмом. В противоположность этой группе испытуемые, входящие в «Кластер-2» («Относительно адаптивный»), хоть и отнесены в период стационарного лечения к пациентам с угрозой суицида, тем не менее отличаются невысокой истинной суицидальной мотивацией, при выраженной противосуици-

дальной мотивации, не имеют высоких баллов по шкалам оценки суицидального риска, не обнаруживают деструктивно-выраженных личностных черт.

Обсуждение результатов

Мишенью научных исследований суицидального поведения среди психически больных в основном являются больные шизофренией в целом, в нашем же исследовании мы предприняли попытку изучить личностные особенности, основные стратегии совладающего со стрессом поведения, особенности суицидальной активности и мотивации после перенесенного первого эпизода болезни.

Мы не ставили задачи в очередной раз удостовериться, что «масштабность» психоза

и содержание психотической продукции положительно коррелирует с суицидальной угрозой, как показано в работах Р. М. Логутенко (Логутенко 2013), И. А. Тороповой (Торопова 2016), Т. В. Журавлевой, Н. В. Дворянчикова (Журавлева, Дворянчиков 2017), Л. А. Ивановой (Иванова 2020) и др. Также мы не преследовали цель вновь обнаружить связь между риском суицида и социально-демографическими параметрами, эти данные известны (Касимова и др. 2014; Суботич 2023 и многие другие). Нашей целью было получить представление о собственно психологических механизмах суицидального поведения у пациентов первого эпизода.

Исследование *личностного профиля* наших испытуемых соотносится с подтвержденными другими авторами данными, в частности об очевидном «вкладе» депрессии, о наличии личностных депрессивных черт (Журавлева, Дворянчиков 2017; Сырчина и др. 2014). Мы в свою очередь несколько расширили психологический портрет потенциального суицидента, больного шизофренией на начальных этапах: помимо депрессивных черт, обнаружены психастенические, шизоидные и истерические радикалы (статистически значимо превосходящие таковые у нормативной выборки).

При исследовании *суицидальной активности и мотивации* выявлено, что мотивацией к совершению самоубийства чаще всего выступает потеря смысла жизни, а также непереносимость страданий. Суть этих переживаний, несомненно, составляет почву для развития постпсихотической депрессии, так или иначе повышая суицидальный риск пациентов (что также согласуется с работами вышеуказанных авторов). Факторами риска суицида среди них также выступили переживания о собственной «несостоятельности», незрелый «максимализм» ценностных установок и «аффективность» как дополнительные характеристики психологической незрелости и эмоциональной неустойчивости пациентов с риском суицида.

Доминирующими когнитивными конструктами, «защищающими» от совершения суицида (противосуицидальная мотивация), являются «нарциссическая» (любовь к себе), «этическая» (чувство долга перед близкими людьми), мотивация «когнитивной надежды» (надежда как-то найти выход и преодолеть ситуацию), а также характерное для многих пациентов глубокое внутреннее убеждение в недопустимости самоубийства, табуированность поступка.

Арсенал копинг-стратегий этой группы пациентов отличается неконструктивностью, что не позволяет им успешно, здраво совладать

со стрессовыми ситуациями, и что ожидаемо коррелирует с аутоагрессивным поведением и является вполне убедительным подтверждением взглядов А. Г. Амбрумовой, рассматривающей суицид как результат дезадаптации личности. В нашей выборке по сравнению с нормой преобладают механизмы, направленные на «избегание» (уклонение) от решения проблем, еще большее накопление негативного аффекта, на «конфронтацию», «дистанцирование», в то время как показатели активных и конструктивных копингов снижены. Неконструктивность стратегий совладания со стрессом согласуется с результатами, полученными в исследовании А. П. Коцюбинского (Коцюбинский и др. 2018) на общей выборке больных шизофренией.

Выявленная нами связь между совокупностью эмоционально-личностных и поведенческих особенностей пациентов первого эпизода с суицидальным поведением согласуется с результатами недавних исследований Е. Ю. Антохина с соавторами (Антохин и др. 2024), П. Куртэ (Courtet 2018), которые также указывают, что преморбидные особенности пациентов с эндогенными психозами играют важную роль в построении программы реабилитации.

Совокупность выявленных показателей позволила нам создать два личностных профиля потенциальных суицидентов («Дезадаптивный» и «Относительно адаптивный»), что дает возможность более конкретно выстраивать маршруты психологической реабилитации.

Ограничениями настоящего исследования можно считать небольшой объем выборки испытуемых и разную степень выраженности истинных суицидальных тенденций: преимущественный состав выборки имел только суицидальные мысли, испытуемые же с попытками суицида — в меньшинстве. Для получения более информативных данных, имеющих прикладное значение для разработки программы психопрофилактики и психореабилитации, и, в целом, превенции суицидов среди пациентов первого психотического эпизода, необходимо ввести более широкие критерии отбора испытуемых и увеличить их количество, ввести дополнительные группы сравнения (к примеру, с большей давностью заболевания).

Выводы

1. Психологический профиль пациентов, перенесших первый психотический эпизод и обнаруживающих высокий риск суицидальных интенций, отличается от средних нормативных значений усилением депрессивных

($p = 0,000$), психастенических ($p = 0,000$), шизоидных ($p = 0,000$) и истерических ($p = 0,006$) черт.

2. Ведущей мотивацией к совершению самоубийства среди категории пациентов Клиники первого психотического эпизода является «анемическая» (потеря смысла жизни) и «анестетическая» (непереносимость страданий).
3. Преобладающей противосуицидальной мотивацией для пациентов, перенесших первый психотический эпизод, является «нарциссическая» (любовь к себе), «этическая» (чувство долга перед близкими людьми), мотивация «когнитивной надежды» (надежда как-то найти выход и преодолеть ситуацию), а также убеждение о недопустимости самоубийства.
4. Дополнительными факторами риска суицида являются признаки эмоциональной-личностной незрелости, эмоциональной неустойчивости среди пациентов данной группы, а именно характерные для многих испытуемых переживания о собственной «несостоятельности», свойственный им незрелый «максимализм» ценностных установок и «аффективность».
5. Основные стратегии совладающего со стрессом поведения у психотических пациентов с риском суицида по сравнению со средними нормативными значениями являются более деструктивными: «избегание» решения проблем ($p = 0,000$), «конфронтация» ($p = 0,004$), «дистанцирование» ($p = 0,005$); показатели активных и конструктивных копингов снижены.
6. По результатам применения кластерного анализа нами были выделены два личностных профиля пациентов, перенесших первый психотический приступ и склонных к суицидальному поведению: «дезадаптивный» и «относительно адаптивный».

Таким образом, изучение суицидального поведения пациентов с первым психотическим эпизодом и суицидальным риском в анамнезе позволяет сделать вывод о том, что помимо изученных факторов, повышающих вероятность суицидального поведения среди пациентов данной нозологической группы (психосоциальные параметры, сопутствующая патология, степень и содержание болезненных переживаний и т. д.), внутри этой категории пациентов существуют пациенты с разной суицидальной угрозой, обусловленной различным личностным профилем таких пациентов, одна часть из которых представлена относительно благоприятным в реабилитационном плане набором характеристик, а другая отличается деструктивным эмо-

циональным фоном, ригидностью и пассивностью стратегий стресс-совладающего поведения, склонностью к накоплению отрицательных, психотравмирующих переживаний. Основываясь на полученных результатах, целесообразно составлять реабилитационный маршрут для каждой категории пациентов, ориентируясь на результаты исследования как на мишени перспективной психокоррекционной работы.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Соответствие принципам этики

Авторы сообщают, что при проведении исследования соблюдены этические принципы, предусмотренные для исследований с участием людей и животных.

Ethics Approval

The authors declare that the study complies with all ethical principles applicable to human and animal research.

Заявление о доступности данных

Данные доступны по запросу, адресованному автору-корреспонденту.

Data Availability Statement

Data are available upon request to the corresponding author.

Вклад авторов

Щетинина Е. В. — обзор литературы, разработка дизайна исследования, сбор и анализ эмпирических данных, написание статьи и подготовка окончательной редакции текста; Щелкова О. Ю. — разработка методологии исследования, анализ эмпирических материалов, редактирование текста статьи; Чернов Н. В. — разработка концепции статьи, анализ эмпирических данных, формулирование выводов; Костюк Г. П. — разработка методологии исследования, редактирование текста статьи.

Author Contributions

E. V. Shchetinina — conducted the literature review, designed the research, collected and analyzed the empirical data, wrote and proofread the article; O. Yu. Shchelkova — developed

the methodology, analyzed the empirical data, and proofread the article; N. V. Chernov — developed the research concept, analyzed the empirical data, and formulated the conclusions; G. P. Kostyuk — developed the methodology and proofread the article.

Литература

- Амбрумова, А. Г., Тихоненко, В. А. (1978) Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности. В кн.: *Актуальные проблемы суицидологии. Сборник научных трудов Московского НИИ психиатрии*. М.: [б. и.], с. 6–26.
- Антохин, Е. Ю., Васильева, А. В., Болдырева, Т. А., Антохина, Р. И. (2024) Индивидуально-психологические характеристики и особенности совладания с заболеванием у пациентов с первым психотическим эпизодом и постпсихотической депрессией как мишени для психосоциальных интервенций. *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева*, т. 58, № 1, с. 78–90. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2024-775>
- Вагин, Ю. Р. (2011) Вопросы феноменологической суицидологии. *Суицидология*, № 3, с. 3–17. EDN: [OWECLL](#)
- Вассерман, Л. И., Абабков, В. А., Трифонова, Е. А. и др. (2014) Психологическая диагностика совладающего со стрессом поведения. В кн.: Л. И. Вассерман, О. Ю. Щелкова (ред.). *Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 323–345.
- Винникова, И. Н., Дмитриев, А. С., Положий, Б. С. и др. (2019) Суицидальное поведение как фактор риска социальной опасности пациентов с расстройствами шизофренического спектра. *Суицидология*, т. 10, № 4 (37), с. 76–84. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-04\(37\)-76-84](https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-04(37)-76-84)
- Вишневская, О. А., Петрова, Н. Н. (2014) Суицидальное поведение больных в ремиссии шизофрении. *Суицидология*, т. 5, № 1 (14), с. 35–41. EDN: [SBPVLN](#)
- Дюркгейм, Э. (1998) *Самоубийство: социологический этюд*. СПб.: Союз, 493 с.
- Журавлева, Т. В., Дворянчиков, Н. В. (2017) Клинико-психологические аспекты суицидального поведения лиц с шизофренией. *Межвузовская научно-практическая интернет-конференция по юридической психологии*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jp.mgppu.ru/forum/index.php?topic=196.0> (дата обращения 28.07.2024).
- Зайцев, В. П. (1981) Вариант психологического теста Mini-Mult. *Психологический журнал*, т. 2, № 3, с. 118–123. EDN: [UEMUQH](#)
- Иванов, О. В., Егоров, А. Ю. (2010) Клинико-статистический анализ суицидов в популяции психически больных (по данным ПНД). *Психическое здоровье*, т. 8, № 1 (44), с. 14–18. EDN: [NTYBUN](#)
- Иванова, Л. А. (2020) Суицидальное поведение при шизофрении и расстройствах шизофренического спектра. *Acta Biomedical Scientifica*, т. 5, № 1, с. 60–64. <https://doi.org/10.29413/ABS.2020-5.1.7>
- Касимова, Л. Н., Вторица, М. В., Святогор, М. В. (2014) Оценка факторов суицидального риска у больных шизофренией. *Социальная и клиническая психиатрия*, т. 24, № 1, с. 10–13. EDN: [SEPROL](#)
- Костюк, Г. П., Шмуклер, А. Б., Голубев, С. А. (2017) Эпидемиологические аспекты диагностики шизофрении в Москве. *Социальная и клиническая психиатрия*, т. 27, № 3, с. 5–9. EDN: [ZHBFWJ](#)
- Коцюбинский, А. П., Гусева, О. В., Бутома, Б. Г. (2018) Суицидальное поведение психически больных: биопсихосоциальный подход. *Социальная и клиническая психиатрия*, т. 28, № 2, с. 5–11. EDN: [XWCPZB](#)
- Краснов, А. А., Синенченко, А. Г., Рутковская, Н. С. (2021) Анализ многопрофильного подхода к лечению психических расстройств, осложненных суицидной попыткой. *Вестник психотерапии*, № 1 (79), с. 24–33.
- Логутенко, Р. М. (2013) Клинические особенности галлюцинаторно-параноидного синдрома и аутоагрессии на фоне религиозных бредовых идей при параноидной шизофрении. *Академический журнал Западной Сибири*, т. 9, № 3 (46), с. 61. EDN: [QCOJAD](#)
- Любов, Е. Б., Цупрун, В. Е. (2013) Суицидальное поведение и шизофрения: биопсихосоциальный подход в диагностике, лечении и профилактике. *Суицидология*, т. 4, № 3 (12), с. 3–16.
- Незнанов, Н. Г., Шмуклер, А. Б., Костюк, Г. П., Софронов, А. Г. (2018) Первый психотический эпизод: эпидемиологические аспекты организации помощи. *Социальная и клиническая психиатрия*, т. 28, № 3, с. 5–11. EDN: [XUNKKL](#)
- Петрова, Н. Н. (2021) Факторы риска и превенция суицида при шизофрении: фокус на роли современных инъекционных антипсихотиков-пролонгов. *Современная терапия психических расстройств*, № 3, с. 31–37. <https://doi.org/10.21265/PSYPH.2021.15.71.003>
- Пичиков, А. А., Попов, Ю. В. (2022) Суицидальный кризис у подростка: принципы проведения клинического интервью и оказания амбулаторной помощи. В кн.: Н. В. Семенова, Н. Г. Незнанова (ред.). *Диагностика*

- и лечение психических и наркологических расстройств: современные подходы. Сборник методических рекомендаций. Вып. 5. СПб.: Коста, с. 343–364. EDN: RZCLVT
- Положий, Б. С., Распопова, Н. И. (2008) Психопатологические, личностные и ситуационные факторы в структуре механизмов суицидального поведения у лиц с психическими расстройствами. *Российский психиатрический журнал*, № 6, с. 46–50.
- Суботич, М. И. (2023) Клинико-психологические и социодемографические факторы суицидального поведения и риска его хронификации: обзор исследований. *Консультативная психология и психотерапия*, т. 31, № 1, с. 9–30. <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310101>
- Сырчина, Т. Д., Старичков, Д. А., Жданок, Д. Н. (2014) Выявление суицидального риска у больных шизофренией на ранних этапах заболевания. *Медицина и образование в Сибири*, № 3, с. 73. EDN: SQRHUB
- Таккуева, Е. В., Холмогорова, А. Б., Палин, А. В. (2019) Консолидация достижений организационной и клинической психологии в реабилитации больных шизофренией: интегративная программа мотивационного тренинга. *Современная терапия психических расстройств*, № 1, с. 38–48. <https://doi.org/10.21265/PSYPH.2019.36.92.005>
- Тарантова, К. А., Зяблов, В. А., Трущелев, С. А. (2022) Медико-социальная характеристика пациентов клиники первого психотического эпизода. *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*, т. 122, № 1–2, с. 35–40. <https://doi.org/10.17116/jnevro202212201235>
- Торопова, И. А. (2016) Суицидальное поведение больных, страдающих шизофренией. *Международный студенческий научный вестник*, № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16619> (дата обращения 21.08.2024).
- Чернов, Н. В., Карпенко, О. А. (2019) Психосоциальная реабилитация в Клинике первого психотического эпизода ГБУЗ «ПКБ № 1 ДЗМ». В кн.: Г. П. Костюк (ред.). *Междисциплинарные подходы к изучению психического здоровья человека и общества. Материалы научно-практической конференции. Ч. 2. М.: Издательский дом КДУ*, с. 412–415. EDN: JIUBDX
- Чистопольская, К. А., Ениколопов, С. Н., Магурдумова, Л. Г. (2013) Медико-психологические и социально-психологические концепции суицидального поведения. *Суицидология*, т. 4, № 3 (12), с. 26–36. EDN: RCWHKL
- Чистопольская, К. А., Колачев, Н. И., Ениколопов, С. Н. (2023) Вопросы диагностики суицидального риска: где, когда и как проводить оценку. *Консультативная психология и психотерапия*, т. 31, № 2, с. 9–32.
- Шашкова, Н. Г., Гажа, А. К. (2020) Первый психотический эпизод: особенности оказания психиатрической помощи больным в современных условиях. *Социальная и клиническая психиатрия*, т. 30, № 2, с. 80–90.
- Bleuler, E. (1911) *Dementia Praecox: Oder Gruppe der Schizophrenien*. Leipzig: Franz Deuticke Publ., 420 p.
- Chai, Y. Tang, J. Y.-M., Ma, D. C. F. et al. (2024) Self-harm and suicide rates before and after an early intervention program for patients with first-episode schizophrenia. *JAMA Network Open*, vol. 7, no. 8, article e2426795. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2024.26795>
- Courtet, P. (2018) Risque suicidaire lors du premier épisode psychotique. *L'Encéphale*, vol. 44, no. 6 (Suppl.), pp. S39–S43. [https://doi.org/10.1016/S0013-7006\(19\)30078-8](https://doi.org/10.1016/S0013-7006(19)30078-8)
- Hettige, N. C., Bani-Fatemi, A., Sakinofsky, I., De Luca, V. (2018) A biopsychosocial evaluation of the risk for suicide in schizophrenia. *CNS Spectrums*, vol. 23, no. 4, pp. 253–263. <https://doi.org/10.1017/S1092852917000128>
- Nordentoft, M., Madsen, T., Fedyszyn, I. (2015) Suicidal behavior and mortality in first-episode psychosis. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, vol. 203, no. 5, pp. 387–392. <https://doi.org/10.1097/NMD.0000000000000296>
- Pompili, M., Amador, X. F., Girardi, P. et al. (2007) Suicide risk in schizophrenia: Learning from the past to change the future. *Annals of General Psychiatry*, vol. 6, article 10. <https://doi.org/10.1186/1744-859X-6-10>
- Sinyor, M., Schaffer, A., Remington, G. (2015) Suicide in schizophrenia: An observational study of coroner records in Toronto. *The Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 76, no. 1, pp. e98–e103. <https://doi.org/10.4088/JCP.14m09047>
- Tahmazov, E., Blachier, A., Nabbe, P. et al. (2024) Effect of early intervention for early-stage psychotic disorders on suicidal behaviours — a systematic review protocol. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 15, article 1359764. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2024.1359764>
- Ventriglo, A., Gentile, A., Bonfitto, I. et al. (2016) Suicide in the early stage of schizophrenia. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 7, article 116. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2016.00116>
- Wasserman, D., Carli, V., Iosue, M. et al. (2021) Suicide prevention in psychiatric patients. *Asia-Pacific Psychiatry*, vol. 13, no. 3, article e12450. <https://doi.org/10.1111/appy.12450>
- Wastler, H. M., Mengda, Y., Pan, X. et al. (2024) Trajectories of suicidal risk among individuals with first-episode psychosis: Relationship to recovery and symptoms. *Psychiatry Research*, vol. 338, article 115978. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2024.115978>

References

- Ambumova, A. G., Tikhonenko, V. A. (1978) Suitsid kak fenomen sotsial'no-psikhologicheskoy dezadaptatsii lichnosti [Suicide as a phenomenon of socio-psychological maladjustment of personality]. In: *Aktual'nye problemy suitsidologii. Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo NII psikiatrii [Current problems of suicidology. Collection of scientific papers of the Moscow Research Institute of Psychiatry]*. Moscow: [s. n.], pp. 6–26. (In Russian)

- Antokhin, E. Yu., Vasil'eva, A. V., Boldyreva, T. A., Antokhina, R. I. (2024) Individual'no-psikhologicheskie kharakteristiki i osobennosti sovladaniya s zabolevaniem u patsientov s pervym psikhoticheskim epizodom i postpsikhoticheskoy depressiej kak misheni dlya psikhosotsial'nykh interventsiy [Individual psychological characteristics and features of coping with the disease in patients with the first psychotic episode and postpsychotic depression as targets for psychosocial interventions]. *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V. M. Bekhtereva — V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, vol. 58, no. 1, pp. 78–90. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2024-775> (In Russian)
- Bleuler, E. (1911) *Dementia Praecox: Oder Gruppe der Schizophrenien [Dementia Praecox: Or group of schizophrenias]*. Leipzig: Franz Deuticke Publ., 420 p. (In German)
- Chai, Y. Tang, J. Y.-M., Ma, D. C. F. et al. (2024) Self-harm and suicide rates before and after an early intervention program for patients with first-episode schizophrenia. *JAMA Network Open*, vol. 7, no. 8, article e2426795. <https://doi.org/10.1001/jamanetworkopen.2024.26795> (In English)
- Chernov, N. V., Karpenko, O. A. (2019) Psikhosotsial'naya rehabilitatsiya v Klinike pervogo psikhoticheskogo epizoda GBUZ "PKB № 1 DZM" [Psychosocial rehabilitation in the Clinic of the first psychotic Episode Psychiatric Clinical Hospital No. 1 of the Moscow Department of Health]. In: G. P. Kostyuk (ed.). *Mezhdistsiplinarnye podkhody k izucheniyu psikhicheskogo zdorov'ya cheloveka i obshchestva. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Ch. 2 [Interdisciplinary approaches to the study of human and social mental health. Proceedings of the scientific and practical conference. Pt. 2]*. Moscow: KDU Publ., pp. 412–415. (In Russian)
- Chistopolskaya, K. A., Enikolopov, S. N., Magurdumova, L. G. (2013) Mediko-psikhologicheskie i sotsial'no-psikhologicheskie kontseptsii suitsidal'nogo povedeniya [Medical-psychological and socio-psychological approaches to suicidal behavior]. *Suitsidologiya — Suicidology*, vol. 4, no. 3 (12), pp. 26–36. (In Russian)
- Chistopolskaya, K. A., Kolachev, N. I., Enikolopov, S. N. (2023) Voprosy diagnostiki suitsidal'nogo riska: gde, kogda i kak provodit' otsenku [Issues of suicide risk diagnosis: Where, when and how to evaluate]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya — Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 31, no. 2, pp. 9–32. <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310201> (In Russian)
- Courtet, P. (2018) Risque suicidaire lors du premier épisode psychotique [Suicidal risk during the first psychotic episode]. *L'Encéphale*, vol. 44, no. 6 (Suppl.), pp. S39–S43. [https://doi.org/10.1016/S0013-7006\(19\)30078-8](https://doi.org/10.1016/S0013-7006(19)30078-8) (In French)
- Durkheim, E. (1998) *Samoubiystvo: sotsiologicheskij etyud [Suicide: a sociological study]*. Saint Petersburg: Soyuz Publ., 493 p. (In Russian)
- Hettige, N. C., Bani-Fatemi, A., Sakinofsky, I., De Luca, V. (2018) A biopsychosocial evaluation of the risk for suicide in schizophrenia. *CNS Spectrums*, vol. 23, no. 4, pp. 253–263. <https://doi.org/10.1017/S1092852917000128> (In English)
- Ivanov, O. V., Egorov, A. Yu. (2010) Kliniko-statisticheskij analiz suitsidov v populyatsii psikhicheski bol'nykh (po dannym PND) [Clinical and statistical analysis of suicides in the population of mentally ill people (according to the data of neuropsychiatric dispensaries)]. *Psikhicheskoe zdorov'e — Mental Health*, vol. 8, no. 1 (44), pp. 14–18. (In Russian)
- Ivanova, L. A. (2020) Suitsidal'noe povedenie pri shizofrenii i rasstrojstvakh shizofrenicheskogo spectra [Psychopharmacotherapy of suicidal behavior in schizophrenia and schizophrenic spectrum disorders]. *Acta Biomedical Scientifica*, vol. 5, no. 1, pp. 60–64. <https://doi.org/10.29413/ABS.2020-5.1.7> (In Russian)
- Kasimova, L. N., Vtyurina, M. V., Svyatogor, M. V. (2014) Otsenka faktorov suitsidal'nogo riska u bol'nykh shizofreniej [Evaluation of suicidal risk factors in schizophrenic patients]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*, vol. 24, no. 1, pp. 10–13. (In Russian)
- Kostyuk, G. P., Shmukler, A. B., Golubev, S. A. (2017) Epidemiologicheskie aspekty diagnostiki shizofrenii v Moskve [Epidemiological aspects of the diagnosis of schizophrenia in Moscow]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*, vol. 27, no. 3, pp. 5–9. (In Russian)
- Kotsyubinskij, A. P., Guseva, O. V., Butoma, B. G. (2018) Suitsidal'noe povedenie psikhicheski bol'nykh: biopsikhosotsial'nyj podkhod [Suicidal behaviour of mental patients: A biopsychosocial approach]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*, vol. 28, no. 2, pp. 5–11. (In Russian)
- Krasnov, A. A., Sinenchenko, A. G., Rutkovskaya, N. S. (2021) Analiz mnogoprofil'nogo podkhoda k lecheniyu psikhicheskikh rasstrojstv, oslozhnennykh suitsidnoj popytкой [Analysis of the multidiscipline approach to the treatment of mental disorders complicated by suicidal attempt]. *Vestnik psikhoterapii — Bulletin of Psychotherapy*, no. 1 (79), pp. 24–33. (In Russian)
- Logutenko, R. M. (2013) Klinicheskie osobennosti gallyutsinarnogo-paranoidnogo sindroma i autoagressii na fone religioznykh bredovykh idej pri paranoidnoj shizofrenii [Clinical features of hallucinatory paranoid syndrome and autoaggression on the background of religious delusions in paranoid schizophrenia]. *Akademicheskij zhurnal Zapadnoj Sibiri — Academic Journal of West Siberia*, vol. 9, no. 3 (46), p. 61. (In Russian)
- Lyubov, E. B., Tsuprun, V. E. (2013) Suitsidal'noe povedenie i shizofreniya: biopsikhosotsial'nyj podkhod v diagnostike, lechenii i profilaktike [Suicidal behavior and schizophrenia: A biopsychosocial approach to diagnosis, treatment, and prevention]. *Suitsidologiya — Suicidology*, vol. 4, no. 3 (12), pp. 3–16. (In Russian)

- Neznanov, N. G., Shmukler, A. B., Kostyuk, G. P., Sofronov, A. G. (2018) Pervyj psikhoticheskij epizod: epidemiologicheskie aspekty organizatsii pomoshchi [The first psychotic episode: Epidemiological aspects of care provision]. Nordentoft, M., Madsen, T., Fedyszyn, I. (2015) Suicidal behavior and mortality in first-episode psychosis. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, vol. 203, no. 5, pp. 387–392. <https://doi.org/10.1097/NMD.0000000000000296> (In English)
- Petrova, N. N. (2021) Faktory riska i preventsiya suitsida pri shizofrenii: fokus na roli sovremennykh in'ektsionnykh antipsikhotikov-prolongov [Risk factors and suicide prevention in schizophrenia: Focus on the role of modern injectable antipsychotics-prolongs]. *Sovremennaya terapiya psikhicheskikh rasstrojstv — Current Therapy of Mental Disorders*, no. 3, pp. 31–37. <https://doi.org/10.21265/PSYPH.2021.15.71.003> (In Russian)
- Pichikov, A. A., Popov, Yu. V. (2022) Suitsidal'nyj krizis u podrostka: printsipy provedeniya klinicheskogo interv'yua i okazaniya ambulatornoj pomoshchi [Suicidal crisis in adolescents: Principles of conducting clinical interviews and outpatient care]. In: N. V. Semenova, N. G. Neznanova (eds.). *Diagnostika i lechenie psikhicheskikh i narkologicheskikh rasstrojstv: sovremennye podkhody. Sbornik metodicheskikh rekomendatsij. Vyp. 5 [Diagnosis and treatment of mental and drug-related disorders: Modern approaches. Collection of methodological recommendations. Iss. 5]*. Saint Petersburg: Kosta Publ., pp. 343–364. (In Russian)
- Polozhij, B. S., Raspopova, N. I. (2008) Psikhopatologicheskie, lichnostnye i situatsionnye faktory v strukture mekhanizmov suitsidal'nogo povedeniya u lits s psikhicheskimi rasstrojstvami [Psychopathological, personality and situational factors in the pattern of suicidal behavior of persons with mental disorders]. *Rossijskij psikhiatricheskij zhurnal — Russian Journal of Psychiatry*, no. 6, pp. 46–50. (In Russian)
- Pompili, M., Amador, X. F., Girardi, P. et al. (2007) Suicide risk in schizophrenia: Learning from the past to change the future. *Annals of General Psychiatry*, vol. 6, article 10. <https://doi.org/10.1186/1744-859X-6-10> (In English)
- Shashkova, N. G., Gazha, A. K. (2020) Pervyj psikhoticheskij epizod: osobennosti okazaniya psikhiatricheskoy pomoshchi bol'nym v sovremennykh usloviyakh [The first psychotic episode: Peculiarities of providing mental health services to patients under modern conditions]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*, vol. 30, no. 2, pp. 80–90. (In Russian)
- Sinyor, M., Schaffer, A., Remington, G. (2015) Suicide in schizophrenia: An observational study of coroner records in Toronto. *The Journal of Clinical Psychiatry*, vol. 76, no. 1, pp. e98–e103. <https://doi.org/10.4088/JCP.14m09047> (In English)
- Subotich, M. I. (2023) Kliniko-psikhologicheskie i sotsiodemograficheskie faktory suitsidal'nogo povedeniya i riska ego khronifikatsii: obzor issledovanij [Clinical-psychological and socio-demographic factors of suicidal behavior and the risk of its chronicity: A review of studies]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya — Counseling Psychology and Psychotherapy*, vol. 31, no. 1, pp. 9–30. <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310101> (In Russian)
- Syrchina, T. D., Starichkov, D. A., Zhdanok, D. N. (2014) Vyyavlenie suitsidal'nogo riska u bol'nykh shizofreniej na rannikh etapakh zabolevaniya [Identification of suicidal risk in patients with schizophrenia in the early stages of the disease]. *Meditsina i obrazovanie v sibiri — Journal of Siberian Medical Sciences*, no. 3, p. 73. (In Russian)
- Tahmazov, E., Blachier, A., Nabbe, P. et al. (2024) Effect of early intervention for early-stage psychotic disorders on suicidal behaviours — a systematic review protocol. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 15, article 1359764. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2024.1359764> (In English)
- Takkueva, E. V., Kholmogorova, A. B., Palin, A. V. (2019) Konsolidatsiya dostizhenij organizatsionnoj i klinicheskoy psikhologii v reabilitatsii bol'nykh shizofreniej: integrativnaya programma motivatsionnogo treninga [Consolidation of achievements of organizational and clinical psychology in the rehabilitation of patients with schizophrenia: An integrative programme of motivational training]. *Sovremennaya terapiya psikhicheskikh rasstrojstv — Current Therapy of Mental Disorders*, no. 1, pp. 38–48. <https://doi.org/10.21265/PSYPH.2019.36.92.005> (In Russian)
- Tarantova, K. A., Zyablov, V. A., Trushchelev, S. A. (2022) Mediko-sotsial'naya kharakteristika patsientov kliniki pervogo psikhoticheskogo epizoda [Medical and social characteristics of patients of the first psychotic episode clinic]. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S. S. Korsakova — S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, vol. 122, no. 1–2, pp. 35–40. <https://doi.org/10.17116/jnevro202212201235> (In Russian)
- Toropova, I. A. (2016) Suitsidal'noe povedenie bol'nykh, stradayushchikh shizofreniej [Suicidal behavior of patients suffering from schizophrenia]. *Mezhdunarodnyj studencheskij nauchnyj vestnik — European Student Scientific Journal*, no. 2. [Online]. Available at: <https://eduherald.ru/ru/article/view?id=16619> (accessed 21.08.2024). (In Russian)
- Vagin, Yu. R. (2011) Voprosy fenomenologicheskoy suitsidologii [Questions of phenomenological suicidology]. *Suitsidologiya — Suicidology*, no. 3, pp. 3–17. (In Russian)
- Vasserman, L. I., Ababkov, V. A., Trifonova, E. A. et al. (2014) Psikhologicheskaya diagnostika sovladayushchego so stressom povedeniya [Psychological diagnosis of coping with stress behavior]. In: L. I. Vasserman, O. Yu. Shchelkova (eds.). *Psikhologicheskaya diagnostika rasstrojstv emotsional'noj sfery i lichnosti [Psychological diagnosis of emotional and personality disorders]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 323–345. (In Russian)
- Ventriglo, A., Gentile, A., Bonfitto, I. et al. (2016) Suicide in the early stage of schizophrenia. *Frontiers in Psychiatry*, vol. 7, article 116. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2016.00116> (In English)

- Vinnikova, I. N., Dmitriev, A. S., Polozhij, B. S. et al. (2019) Suitsidal'noe povedenie kak faktor riska sotsial'noj opasnosti patsientov s rasstrojstvami shizofrenicheskogo spectra [Suicidal behavior as a risk factor for social danger in patients with schizophrenic spectrum disorders]. *Suitsidologiya — Suicidology*, vol. 10, no. 4 (37), pp. 76–84. [https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-04\(37\)-76-84](https://doi.org/10.32878/suiciderus.19-10-04(37)-76-84) (In Russian)
- Vishnevskaya, O. A., Petrova, N. N. (2014) Suitsidal'noe povedenie bol'nykh v remissii shizofrenii [Suicidal behavior of patients in remission of schizophrenia]. *Suitsidologiya — Suicidology*, vol. 5, no. 1 (14), pp. 35–41. (In Russian)
- Wasserman, D., Carli, V., Iosue, M. et al. (2021) Suicide prevention in psychiatric patients. *Asia-Pacific Psychiatry*, vol. 13, no. 3, article e12450. <https://doi.org/10.1111/appy.12450> (In English)
- Wastler, H. M., Mengda, Y., Pan, X. et al. (2024) Trajectories of suicidal risk among individuals with first-episode psychosis: Relationship to recovery and symptoms. *Psychiatry Research*, vol. 338, article 115978. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2024.115978> (In English)
- Zajtsev, V. P. (1981) Variant psikhologicheskogo testa Mini-Mult [A variant of the Mini-Mult psychological test]. *Psikhologicheskij zhurnal — Psychological Journal*, vol. 2, no. 3, pp. 118–123. (In Russian)
- Zhuravleva, T. V., Dvoryanchikov, N. V. (2017) Kliniko-psikhologicheskie aspekty suitsidal'nogo povedeniya lits s shizofreniej [Clinical and psychological aspects of suicidal behavior of people with schizophrenia]. *Mezhvuzovskaya nauchno-prakticheskaya internet-konferentsiya po yuridicheskoy psikhologii [Interuniversity Scientific and Practical Internet Conference on Legal Psychology]*. [Online]. Available at: <http://www.jp.mgppu.ru/forum/index.php?topic=196.0> (accessed 28.07.2024). (In Russian)

Сведения об авторах

Евгения Владимировна Щетинина, медицинский психолог, заведующий патопсихологической лаборатории Клиники первого психотического эпизода, Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н. А. Алексеева ДЗМ
ORCID: [0009-0007-5060-8881](https://orcid.org/0009-0007-5060-8881), e-mail: evvladi@list.ru

Ольга Юрьевна Щелкова, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет; старший научный сотрудник лаборатории клинической психологии и психодиагностики, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева
Scopus AuthorID: [6506644008](https://orcid.org/6506644008), ORCID: [0000-0001-9444-4742](https://orcid.org/0000-0001-9444-4742), e-mail: o.shhelkova@spbu.ru

Никита Владимирович Чернов, заведующий отделением психотерапевтической помощи и социальной реабилитации, Психиатрическая клиническая больница № 1 им. Н. А. Алексеева ДЗМ
SPIN-код: [9649-8443](https://orcid.org/9649-8443), Scopus AuthorID: [57217293125](https://orcid.org/57217293125), e-mail: n.chernov.psy@bk.ru

Георгий Петрович Костюк, доктор медицинских наук, профессор, главный внештатный специалист психиатр Департамента здравоохранения города Москвы; главный врач Психиатрической клинической больницы № 1 им. Н. А. Алексеева
Scopus AuthorID: [57200081884](https://orcid.org/57200081884), ORCID: [0000-0002-3073-6305](https://orcid.org/0000-0002-3073-6305), e-mail: pkb1@zdrav.mos.ru

Authors

Evgeniya V. Shchetinina, Medical Psychologist, Head of Pathopsychological laboratory of the Clinic of the first psychotic episode, N. A. Alekseev Clinical Hospital No. 1 of Moscow Health Department
ORCID: [0009-0007-5060-8881](https://orcid.org/0009-0007-5060-8881), e-mail: evvladi@list.ru

Olga Yu. Shhelkova, Doctor of Sciences (Psychology), Professor, Head of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University; Senior Research Fellow, Bekhterev National Medical Research Centre of Psychiatry and Neurology
Scopus AuthorID: [6506644008](https://orcid.org/6506644008), ORCID: [0000-0001-9444-4742](https://orcid.org/0000-0001-9444-4742), e-mail: o.shhelkova@spbu.ru

Nikita V. Chernov, Head of the Department of Psychotherapy and Social Rehabilitation, N. A. Alekseev Clinical Hospital No. 1 of Moscow Health Department
SPIN: [9649-8443](https://orcid.org/9649-8443), Scopus AuthorID: [57217293125](https://orcid.org/57217293125), e-mail: n.chernov.psy@bk.ru

Georgy P. Kostyuk, Doctor of Sciences (Medicine), Professor, Chief Specialist-Psychiatrist of the Department of Health of Moscow, Chief Physician of N. A. Alekseev Clinical Hospital No. 1 of Moscow Health Department
Scopus AuthorID: [57200081884](https://orcid.org/57200081884), ORCID: [0000-0002-3073-6305](https://orcid.org/0000-0002-3073-6305), e-mail: pkb1@zdrav.mos.ru

УДК 37.015.3

EDN JIGGVU

<https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-275-285>

Краткое сообщение

К вопросу о перспективах использования арт-технологий в дошкольном образовании Республики Узбекистан

Т. А. Чаброва ^{✉1,2}, А. Б. Ядгарова ¹

¹ Чирчикский государственный педагогический университет,
102100, Узбекистан, г. Чирчик, проспект Амира Темура, д. 104

² ОО «Международный Альянс по развитию инклюзивного образования в Центральной Азии»,
723501, Кыргызская Республика, г. Ош, ул. Ленина, д. 306

Для цитирования: Чаброва, Т. А., Ядгарова, А. Б. (2025) К вопросу о перспективах использования арт-технологий в дошкольном образовании Республики Узбекистан. *Психология человека в образовании*, т. 7, № 2, с. 275–285. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-275-285> EDN JIGGVU

Получена 28 января 2025; прошла рецензирование 19 марта 2025; принята 8 апреля 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Т. А. Чаброва, А. Б. Ядгарова (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Аннотация

Введение. В статье представлены основания для интеграции арт-технологий в систему дошкольного образования Республики Узбекистан, показаны перспективы использования арт-технологий как важного элемента государственной программы дошкольного образования для решения задач духовно-нравственного воспитания детей с акцентом на роль семьи в создании необходимого арт-педагогического пространства. Статья является одним из рефлексивных результатов программы повышения квалификации института психологии РГПУ им. А. И. Герцена «Психолого-педагогические технологии работы с детьми дошкольного возраста», разработанной для слушателей из Республики Узбекистан.

Материалы и методы. Тематическое исследование тенденций реформирования дошкольного образования и использования арт-технологий в рамках Государственной учебной программы «Илк кадам» («Первый шаг»). Эмпирическое исследование проведено с помощью следующих методов: полуструктурированное интервью в фокус-группах родителей как субъектов дошкольного образования, контент-анализ; использованы методы повышения родительской компетентности, такие как информирование и проектная деятельность с использованием методов арт-технологий.

Результаты. Показана перспективность использования арт-технологий в работе с детьми дошкольного возраста в Центре «Искусство» по учебной программе дошкольного образования Республики Узбекистан для решения задач духовного и эстетического развития ребенка.

Проведен сравнительный анализ арт-технологий и арт-терапии как двух подходов, которые используют искусство, но с различными целями и с опорой на различные методы.

Выявлено положительное отношение родителей к использованию арт-терапевтических технологий в работе с детьми.

Обозначена необходимость повышения родительской компетентности в области духовного и эстетического воспитания ребенка средствами арт-технологий.

Заключение. В настоящее время Узбекистан принимает меры по реформированию системы дошкольного образования при поддержке международных партнеров, в том числе России. Изменения направлены на создание единого образовательного пространства, учитывающего национальные и культурные особенности для повышения качества дошкольного образования. Художественное творчество является одним из ресурсов устойчивого развития человеческого потенциала Республики Узбекистан. Опора на этот ресурс возможна посредством использования арт-технологий в дошкольном образовании с вовлечением в процесс родителей, что может способствовать повышению его качества. В настоящее время взаимодействие с родителями рассматривается как важный аспект эффективности работы системы дошкольного образования в Узбекистане.

Ключевые слова: дошкольное образование Узбекистана, международное сотрудничество, арт-технологии, арт-педагогика, духовно-нравственное воспитание

The prospects for using art technologies in preschool education in Uzbekistan

T. L. Chabrova ^{✉1, 2}, A. B. Yadgarova ¹

¹ Chirchik State Pedagogical University, 104 Amira Temura Ave., Chirchik 102100, Uzbekistan

² International Alliance for the Development of Inclusive Education in Central Asia (NGO),
306 Lenina Str., Osh 723501, Kyrgyzstan

For citation: Chabrova, T. L., Yadgarova, A. B. (2025) The prospects for using art technologies in preschool education in Uzbekistan. *Psychology in Education*, vol. 7, no. 2, pp. 275–285. <https://www.doi.org/10.33910/2686-9527-2025-7-2-275-285> EDN JIGGVU

Received 28 January 2025; reviewed 19 March 2025; accepted 8 April 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © T. L. Chabrova, A. B. Yadgarova (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract

Introduction. This article substantiates the integration of art technologies into the preschool education system of Uzbekistan and outlines the prospects for their use.

Materials and Methods. This article presents a thematic study of current trends in the reform of preschool education in Uzbekistan and the use of art technologies within the framework of the *Ilk Kadam* ('First Step') State Curriculum. The empirical part of the research involved semi-structured focus group interviews with parents as key participants in the preschool education process. Following the interviews, a set of methods aimed at enhancing parental competence was implemented, including informational sessions and project-based activities employing art technology approaches.

Results. The article demonstrates the potential of using art technologies in working with preschool children at the Art Center, in accordance with Uzbekistan's preschool education curriculum, to foster their spiritual and aesthetic development. A comparative analysis was conducted of art technologies and art therapy as two distinct approaches that both engage with art, but pursue different goals and rely on different methods. The study revealed a generally positive parental attitude toward the use of art therapy in working with children. The findings also highlight the need to enhance parental competence in applying art technologies for the spiritual and aesthetic education of children.

Conclusions. Uzbekistan is currently undertaking reforms of its preschool education system with support from international partners, including Russia. These efforts aim to create a unified educational space that reflects national and cultural specificities while improving the overall quality of preschool education. Artistic creativity is recognised as a valuable resource for the sustainable development of human potential in Uzbekistan. Harnessing this resource through the use of art technologies in preschool education — with active parental involvement — can make a meaningful contribution to enhancing educational quality.

Keywords: preschool education in Uzbekistan, international cooperation, art technologies, art pedagogy, spiritual and moral education

Введение

Детство — возрастной период развития, который требует к себе особого внимания. «От уровня развития эмоциональной и нравственной сфер ребенка зависит, в том числе, и его психическое здоровье, поэтому одним из приоритетов государственного образовательного стандарта дошкольного образования является развитие эмоциональной сферы личности ребенка посредством создания условий для формирования эмоционального интеллекта, эмоциональной отзывчивости и сопереживания» (Маркман 2020, 278).

В докладе на 10-й Международной конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста» А. В. Шин (экс-министр дошкольного образования Республики Узбекистан) отметила, что «многолетнее отсутствие внимания к сфере дошкольного образования в Узбекистане привело к тому, что данная сфера накопила множество укоренившихся проблем» (Шин 2020, 14).

За последние 7 лет уровень охвата дошкольным образованием вырос с 27 до 74,6%. Министр дошкольного и школьного образования Х. У. Умарова представила план по увеличению охвата дошкольным образованием до 78% детей

в 2025 году (Министр Хилола Умарова представила... 2024).

В настоящее время система дошкольного образования в Республике Узбекистан продолжает реформироваться. Необходимость внимания к вопросам эстетического воспитания ребенка обозначена в Постановлении президента Республики Узбекистан (Постановление президента Республики Узбекистан... 2019), Законе Республики Узбекистан «О дошкольном образовании и воспитании» (Закон Республики Узбекистан... 2019).

В сентябре 2017 года по указу президента Шавката Мирзиёева было создано Министерство дошкольного образования Узбекистана. Это стало частью реформы системы дошкольного образования в стране, направленной на улучшение качества и доступности дошкольного образования для детей (Турсунова 2018; Чаброва, Ядгарова 2020).

Основные задачи Министерства дошкольного образования включают:

- обеспечение полного охвата детей дошкольным образованием: создание сети государственных и негосударственных дошкольных образовательных учреждений (ДОУ);
- внедрение альтернативных форм образования: развитие гибких образовательных моделей, которые учитывают индивидуальные потребности детей;
- повышение квалификации педагогических кадров: создание Института переподготовки и повышения квалификации работников ДОУ для улучшения качества образования.

После создания Министерства дошкольного образования в системе отмечают существенные изменения, такие как:

- 1) улучшение качества образования: внедрение новых образовательных стандартов, направленных на развитие детей и формирование их гражданской идентичности;
- 2) инклюзивность: акцент на обеспечении равных возможностей для детей с особыми потребностями;
- 3) сотрудничество с родителями: усиление взаимодействия между образовательными учреждениями и семьями для лучшего вовлечения родителей в процесс обучения;
- 4) разработка новых программ: создание программ, учитывающих национальные и культурные особенности страны, способствующих более гармоничному развитию детей.

Государственная учебная программа дошкольного образования «Первый шаг» («Илк кадам») в Узбекистане представляет собой ключевой нормативно-правовой документ, разработанный для обеспечения качественного и всестороннего развития детей раннего и дошкольного возраста (Грошева и др. 2018). Программа направлена на создание благоприятных условий для гармоничного развития ребенка с учетом его индивидуальных потребностей. Она включает организацию учебно-воспитательной деятельности и просвещение родителей по вопросам раннего развития детей. Программа обеспечивает единый стандарт образования по всей стране, она обязательна для всех государственных и негосударственных дошкольных образовательных учреждений, а также детских домов, имеющих дошкольные группы.

Программа была разработана при поддержке Представительства Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Узбекистане. В программе акцентируется внимание на создании условий для детей с особыми образовательными потребностями, что соответствует международным рекомендациям по инклюзии и равному доступу к образованию для всех детей.

Программа направлена на формирование у детей основных компетенций в следующих областях развития: физическое развитие и формирование здорового образа жизни; социально-эмоциональное развитие; речь, общение, навыки чтения и письма; развитие познавательной сферы; творческое развитие. Содержание компетенций отвечает международным подходам к раннему детскому развитию, включая рекомендации Всемирной организации здравоохранения.

Программа предполагает использование игровой методологии как основного метода воспитания и обучения детей и соответствует современным мировым тенденциям, подчеркивающим важность игры в процессе раннего обучения.

Программа строится на принципе интеграции различных областей развития, что позволяет более эффективно решать образовательные задачи через совместную деятельность взрослых и детей.

В качестве наиболее эффективных и востребованных возможностей для решения поставленных задач в области творческого развития ребенка педагогами и психологами рассматривается интеграция арт-технологий в государственную программу дошкольного образования. Потенциал арт-технологий способствует социальной адаптации и развитию творческих

способностей детей, в том числе с ограниченными возможностями здоровья, улучшая их эмоциональное состояние и самооценку.

Согласно государственной программе дошкольного образования, «по завершении учебно-воспитательной деятельности в области “Творчество” ребенок в возрасте 6–7 лет: проявляет интерес к искусству и культуре; ценит национальные традиции и воспринимает их частью повседневной жизни; самостоятельно выражает предпочтения определенному виду искусства; применяет полученные знания и навыки для создания и воплощения творческого замысла в различных жизненных ситуациях; понимает созидательную роль человека в преобразовании мира» (Грошева и др. 2018, 14).

«При моделировании предметно-пространственной развивающей среды в дошкольной образовательной организации в контексте Государственной учебной программы предусмотрены развивающие центры: Строительство, Конструирование и математика, Сюжетно-ролевые игры и драматизация, Язык и речь, Наука и природа, Искусство» (Шин, Грошева 2020, 64). «Центр “Искусство” выполняет функцию эстетического развития ребенка: воспитанники рисуют, лепят, делают аппликации. В распоряжении детей находится разнообразный изобразительный материал: мелки, сангина, сепия, акварель, тушь, гуашь, бумага разной фактуры, размера и цвета, картон, дидактические игры. Важно предусмотреть место для небольшой выставки с образцами народного художественного промысла. В центре должны присутствовать альбомы с образцами народно-прикладного искусства, иллюстрации известных художников. Детские работы (рисунки, поделки, коллажи) выставляются на специальном стенде, к которому имеется свободный доступ» (Шин, Грошева 2020, 66).

В исследовании, проведенном в рамках международного сотрудничества в сфере дошкольного образования по Российско-Узбекскому проекту «МАЛЫШ (МИТТЕВОЙ)», отмечается высокий интерес к организации инновационной деятельности в системе дошкольного образования (Тарасов и др. 2023). «В качестве наиболее актуальных в дошкольном образовании Республики Узбекистан, 28 % респондентов указали внедрение интерактивных, личностно-развивающих методов реализации образовательной программы дошкольного образования» (Гогоберидзе и др. 2023, 134).

Современные инициативы исследователей и практиков Узбекистана направлены на инте-

грацию арт-терапии и арт-технологий в учебную программу дошкольного образования, что создает условия для более эффективного инклюзивного образования (Гулбоев 2023). Например, специалистами Республиканского центра социальной адаптации детей (РЦСАД) А. Т. Гасановой, Т. А. Чабровой, Т. Р. Ли накоплен опыт работы по изотерапии, музыкотерапии, сказкотерапии, драматерапии (Чаброва 2022). Работа в центре РЦСАД началась с семинаров Р. М. Ткач, которые помогли специалистам научиться использовать арт-терапевтические методы и добиваться реальных успехов в работе с детьми. Использование различных изобразительных технологий в работе с детьми было успешно реализовано Т. А. Чабровой: было выпущено 60 детских книг, где дети выступали в качестве авторов и иллюстраторов, проведено более 15 республиканских и международных детских выставок.

В XX веке арт-педагогика оформилась в самостоятельную область педагогической практики за счет расширения функций арт-технологий до развивающих, воспитывающих, компенсаторных, реабилитационных, образовательных (Какабаева, Куссиева 2022).

Так, М. М. Нигматова и Д. Ш. Мирзаева выделяют арт-педагогика в качестве новаторского направления дошкольного образования Узбекистана, которое обеспечивает личностное развитие, воспитание и обучение ребенка с помощью искусства. Арт-педагогика носит интегративный характер и опирается на психологию, педагогику, историю искусств, культурологию (Мирзаева 2022; Нигматова, Мирзаева 2021). Методы арт-педагогики помогают ребенку выражать эмоции и познавать себя, развивать коммуникативные навыки, творческие способности и воображение, учиться видеть гармонию и красоту мира, способствуют накоплению социокультурного опыта, сохранению культурного наследия и формированию ценностных ориентаций, а также позволяют снижать нервно-психическое напряжение (Нигматова, Мирзаева 2022).

Важной задачей программы дошкольного образования Республики Узбекистан является взаимодействие семей и общества для успешного развития детей, в том числе совместные мероприятия и образовательные инициативы. Мы полагаем, что использование арт-технологий будет эффективным для решения данной задачи. В связи с этим актуальным становится анализ отношения родителей к развитию арт-терапевтических технологий в дошкольном образовании Узбекистана.

Материалы и методы

В рамках данного исследования для вовлечения родителей (законных представителей) в процесс дошкольного образования ребенка был использован метод интервью, а также методы информирования, создания проектов совместной деятельности, применявшиеся в фокус-группе родителей.

Целью эмпирического исследования стало изучение осведомленности родителей в области духовного и эстетического воспитания ребенка средствами арт-технологий, а также их отношения к развитию арт-терапевтических технологий в дошкольном образовании Узбекистана. В качестве респондентов фокус-группы выступили 40 родителей (матерей) детей старшего дошкольного возраста дошкольного образовательного учреждения в Ташкенте.

Интервьюируемым в фокус-группах задавались открытые вопросы:

- Какая ваша совместная деятельность способствует формированию теплых отношений с ребенком?
- Какая ваша совместная деятельность с ребенком в наибольшей степени способствует его духовному и эстетическому воспитанию?
- Как часто ваши дети рисуют семью?
- Что вы думаете о рисовании как особом виде деятельности ребенка? Какие условия вы создаете для рисования ребенка в семейной среде?
- Как вы оцениваете свои собственные знания как родителя в области художественного творчества, арт-технологий?
- Можете ли вы руководить занятиями с детьми с использованием арт-технологий?

После проведения интервью была произведена его обработка с помощью метода контент-анализа, с последующей работой с родителями по их информированию и повышению родительской компетентности в области используемых в работе с детьми арт-технологий.

Результаты

Интервьюирование фокус-группы показало, что для 61,6 % опрошенных родителей характерно положительное отношение к использованию арт-терапевтических технологий в работе с детьми. Родители отметили, что «воспитание, которое основано на национальных традициях, раскрывающее историю народа, связанную с легендами», позволяет укрепить теплоту отношений с ребенком.

31,3 % родителей считают, что теплота отношений с ребенком — это результат восприятия детьми красоты окружающего мира (природные явления, одежда, игрушки).

В 95,2 % случаях родители считают, что эстетическому воспитанию в наибольшей степени способствует художественное творчество, а именно рисование. При этом родители детей с ограниченными возможностями здоровья отмечают, что плохо говорящие дети через рисунок могут сообщать взрослым о своих тревогах, страхах, проблемах. Большинство родителей используют для общения с ребенком совместные прогулки и чтение ребенку сказок. 26 % родителей подчеркнули, что любят читать детям узбекские сказки, особенно если они сопровождаются художественными иллюстрациями. 23 % родителей полагают, что эстетическому воспитанию содействует посещение театральных спектаклей, музеев и выставок.

При исследовании вопроса воспитания семейных ценностей и их проявлений в творчестве ребенка 50,2 % ответов родителей показали, что дети редко рисуют семью, 26,1 % — довольно часто, 23,7 % ответов выявили, что родители не помнят рисунков своих детей на тему семьи. При этом 74,8 % ответов демонстрируют уверенность родителей в необходимости и важности рисования семьи, так как ребенок в рисунке семьи открывает свое понимание картины мира. 17,2 % ответов показывают мнение родителей, что рисунок семьи позволяет выявить отношения ребенка в семье. 31 % ответов показал, что родители поощряют рисование, вывешивают рисунки детей, украшают рисунками детские комнаты, 47 % родителей показывают рисунки детей гостям. Родители подчеркивают, что дети любят обсуждать свои рисунки, стараются объяснить их содержание. Практически все родители подчеркивали, что для детей очень важна положительная оценка их художественной деятельности.

Результаты анализа суждений родителей о рисовании как особом виде деятельности и о создании условий для рисования в семье показали, что в 52,7 % ответов содержатся оценки качества рисования детей на удовлетворительном уровне, в 30,5 % на хорошем. Дети в семье имеют возможность рисовать карандашами (цветными и простыми); красками (акварельными, гуашевыми). При этом 88 % родителей считают, что в их семьях созданы условия для рисования. При обучении рисованию часто в семьях используются игрушки: мягкие игрушки (85 %), пластмассовые (20 %) и деревянные (26 %), народные глиняные игрушки (26 %), самодельные (22 %), другие виды игрушек (38 %).

При исследовании самооценки компетентности родителей в области эстетического воспитания и их знаний в области рисования установлено, что 55,1 % родителей оценили себя на «хорошо», 35,3 % на «недостаточно». Ответы показали, что 80,8 % родителей нуждаются в методической литературе, раскрывающей содержание эстетической деятельности и социально-педагогической поддержки детей; 71,5 % респондентов ответили, что в основании поддержки детей дошкольного возраста должна лежать интересная для детей деятельность. На вопрос, могут ли они руководить рисованием детей, 90,4 % родителей согласились с тем, что для руководства художественной деятельностью необходимо получить определенные знания и умения.

Выявленное положительное отношение родителей к использованию арт-терапевтических технологий в работе с детьми стало основанием для приглашения их в проект совместной творческой деятельности. На основе результатов интервьюирования родителей был разработан проект программы, предполагающий вовлечение родителей и детей в процесс совместной творческой деятельности, организации условий для рисования и создания рисунков с помощью различных арт-технологий.

Цель программы состояла в возможности развития детско-родительских отношений и духовно-эстетического воспитания ребенка на основе совместной творческой деятельности с использованием арт-технологий. В проекте участвовали десять семей, в том числе семьи с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Родителям, участвующим в проекте, предлагалось:

- организовать в домашних условиях пространство для рисования ребенка и предоставить ему необходимые материалы для творческой деятельности;
- оказывать помощь в создании рисунков и участвовать в проведении выставок детских работ;
- посещать вместе с детьми музеи, выставки и мастерские художников;
- принимать участие в образовательных занятиях в детском саду, где обучают родителей различным арт-техникам рисования, чтобы они могли применять полученные знания в работе с детьми.

Для родителей в детском саду была подобрана литература по изотерапии, и они ознакомились с авторской парциальной программой

«Веселые пальчики», посвященной методам изотерапии.

В ходе информирования родителей на примерах было продемонстрировано, как арт-технологии помогают детям выражать свои эмоции и чувства через творчество, что способствует их эмоциональному развитию и саморегуляции. Это особенно актуально для детей с ограниченными возможностями здоровья, которые могут сталкиваться с трудностями в вербальном выражении своих переживаний. Исследования подтверждают высокую эффективность методов изотерапии в социальной поддержке таких детей (Ядгарова 2024).

Использование художественных методов создает расслабляющую и поддерживающую атмосферу, что позволяет детям чувствовать себя комфортно и безопасно, улучшая их способность взаимодействовать с окружающими. В процессе работы могут применяться различные техники, такие как изотерапия (рисование), цветотерапия (работа с цветами), сказкотерапия (чтение и сочинение историй) и другие.

При работе с родителями было важно подчеркнуть различие между арт-терапией и арт-технологиями как двумя подходами, использующими искусство, но с разными целями (табл.). Основная цель арт-терапии заключается в помощи человеку в разрешении психологических проблем. Она направлена на гармонизацию психического состояния. Арт-терапия включает использование различных видов искусства (рисование, музыка, танец и т. д.) как средства для самовыражения и работы с внутренними переживаниями. Обсуждение созданных работ позволяет человеку глубже понять свои чувства и проблемы. Занятия арт-терапией проводятся под руководством квалифицированного специалиста-психолога.

Арт-технологии имеют психолого-педагогическую направленность и используются для развития творческих способностей, улучшения навыков общения и обучения детей. Они ориентированы на создание творческого продукта. В отличие от арт-терапии, акцент в арт-технологиях делается на конечный результат — произведение искусства. При использовании арт-технологий важен не только процесс создания, но и эстетическая ценность итогового продукта. Арт-технологии часто применяются в образовательных учреждениях для развития навыков у детей и формирования их креативности, без акцента на проработку эмоциональных состояний. «К видам арт-технологий относятся: аудиовизуальные технологии (кинокритика, видеоколлаж, создание

Табл. Сравнительный анализ подходов арт-терапии и арт-технологии

Критерий сравнения	Арт-терапия	Арт-технологии
Цель	Психологическая коррекция и консультирование	Развитие творческого потенциала и навыков
Процесс	Использование художественных методов для проработки внутренних конфликтов	Ориентация на создание художественного продукта и развитие навыков
Методы	Рисование, лепка, музыка, театральные игры	Художественно-творческие технологии
Навыки	Нет необходимости в художественных навыках	Возможна необходимость в художественных навыках у участников
Результат	Эмоциональное благополучие и самовыражение	Создание конкретного продукта (рисунок, скульптура и т. д.) и развитие компетенций
Профессиональное руководство	Проведение квалифицированным арт-терапевтом или психологом	Возможно проведение педагогами или специалистами в области искусства

Table. Comparative analysis of art therapy and art technology

Comparison criteria	Art therapy	Art technology
Goal	Psychological correction and counselling	Development of creative potential and skills
Process	Uses artistic methods to work out internal conflicts	Focused on creating an artistic product and developing artistic skills
Methods	Drawing, modelling, music, theatre games	Artistic and creative technologies
Skills	Does not require artistic skills	May require artistic skills from the participants
Result	Emotional well-being and self-expression	Creation of a specific product (drawing, sculpture, etc.) and competence development
Professional guidance	Performed by a qualified art therapist or psychologist	Can be conducted by teachers or experts in the field of art

видеообраза), изобразительные технологии (коллаж, спонтанное рисование), театрализованно-игровые технологии (импровизация, имитация, инсценировка). Кроме того, арт-технологии могут реализовываться в различных формах: творческой мастерской, репетиции, культурного проекта» (Какабаева, Куссиева 2022, 378).

Таким образом, основное различие между арт-терапией и арт-технологиями заключается в их целях: арт-терапия фокусируется на психоэмоциональном благополучии, тогда как арт-технологии направлены на развитие творческих навыков и образовательные цели. В то же время арт-технологии рассматривают как результат междисциплинарного обобщения и рефлексии практического опыта работы педагогов, искусствоведов и психологов в различных формах: творческой мастерской, репетиции, культурного проекта (Какабаева, Куссиева 2022).

В результате проведенной работы все родители, включенные в проект, создали необходимые домашние условия для художественной деятельности детей. Дома у детей появилось рабочее место с изобразительными материалами, родители стали интересоваться занятиями детей в детском саду, организовывать детские выставки рисунков в кругу семьи. Дети вместе с родителями стали посещать музеи изобразительных искусств, национальные выставки по декоративно-прикладному искусству, мастерские художников, выставочные залы с картинами узбекских художников, музеи, спектакли в детских театрах.

Родители стали ответственно относиться к рисованию детей, помогать им в выборе сюжета, беседовать о средствах реализации замысла. Совместная деятельность способствовала формированию доброжелательных контактов детей

и родителей, что в свою очередь содействовало формированию положительной самооценки детей.

Воспитатели, организующие занятия по арт-технологиям в детском саду, отметили прогресс в сенсомоторном развитии детей — участников проекта. Наблюдение за детьми в процессе рисования показало, что дети начали преодолевать неуверенность в себе, робость, застенчивость, что позволило им чаще включаться в игры с другими детьми.

Выводы

В современном Узбекистане одной из приоритетных задач развития личности является духовное и эстетическое воспитание.

Установлено, что осведомленность родителей в области духовного и эстетического воспитания ребенка средствами арт-технологий в дошкольном возрасте находится на недостаточном уровне. При этом выявлено положительное отношение родителей к использованию арт-терапевтических технологий в работе с детьми.

Интеграция арт-технологий в учебно-воспитательную деятельность по программе дошкольного образования в Узбекистане представляет собой одно из потенциальных направлений по улучшению качества дошкольного образования.

Показано, что использование арт-технологий в семейной среде не только обогащает образовательный процесс, но и способствует всестороннему развитию детей, улучшая их эмоциональное состояние и социальные навыки.

Работа педагога с детьми в данном направлении невозможна без информирования родителей (законных представителей) о важности арт-технологий для создания единого пространства развития ребенка в детском саду и дома.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Чаброва Т. Л.: теоретический анализ, разработка методологии, участие в исследовательском процессе, проведение формального анализа, доработка и редактирование текста.

Ядгарова А. Б.: разработка концепции, разработка методологии, участие в исследовательском процессе, обработка данных, подготовка текста — черновик.

Author Contributions

T. L. Chabrova — theoretical analysis, development of methodology, empirical study, formal analysis, writing the manuscript (reviewing and editing).

A. B. Yadgarova — conceptualization, development of methodology, empirical study, data curation, writing the first draft of the manuscript.

Заявление о доступности данных

Данные, использованные в исследовании, доступны по запросу, адресованному автору-корреспонденту. Ограничения на публикацию исходных данных отсутствуют, однако их предоставление требует соблюдения конфиденциальности участников исследования в соответствии с этическими нормами.

Data Availability Statement

The data supporting this study are available upon request from the corresponding author. There are no restrictions on the publication of raw data, but their provision requires compliance with participant confidentiality in accordance with ethical standards.

Благодарности

Авторы выражают искреннюю признательность Ю. С. Пежемской за помощь в разработке концепции статьи.

Acknowledgements

The authors express their sincere gratitude to Yu. S. Pezhemkaya for her assistance in developing the concept of the article.

Литература

Гогоберидзе, А. Г., Езопова, С. А., Вербовская, В. С. (2023) Специфика профессиональных компетенций методистов-воспитателей детских садов Республики Узбекистан (по результатам международного Российско-Узбекского проекта «МАЛЫШ (МИТТЕВОЙ)»). *Известия Российского государственного*

- педагогического университета им. А. И. Герцена, № 210, с. 124–137. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2023-210-124-137>
- Грошева, И. В., Евстафьева, Л. Г., Махмудова, Д. Т. и др. (2018) *Государственная учебная программа «Илк кадам» для дошкольных образовательных учреждений Республики Узбекистан*. Ташкент: Министерство дошкольного образования Республики Узбекистан; Представительство Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) в Узбекистане, 72 с.
- Гулбоев, А. Т. (2023) Развитие теории и практики применения артпедагогика и арттерапии в Узбекистане. *Экономика и социум*, № 4 (107)-1, с. 523–526.
- Закон Республики Узбекистан от 16 декабря 2019 г. № ЗРУ-595 «О дошкольном образовании и воспитании». (2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/ru/docs/4646931?ONDATE=12.10.2021&action=compare> (дата обращения 12.10.2024).
- Какабаева, Д. С., Куссиева, Э. О. (2022) Арт-технология или арт-терапия, что способствует формированию профессиональной позиции педагога-психолога. В кн.: *Педагогическое образование в XXI веке: приоритеты и поиски. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора А. А. Молдажановой*. Астана: Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, с. 377–384. EDN: [WJIWJA](https://doi.org/10.33910/1992-6464-2023-210-124-137)
- Маркман, Е. В. (2020) Использование метода арт-терапии в коррекции эмоциональных нарушений дошкольников. *Психология человека в образовании*, т. 2, № 3, с. 277–287. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-3-277-287>
- Министр Хилола Умарова представила Президенту план на 2025 год. (2024) *XalqtaLiminfo*. [Электронный ресурс]. URL: <https://xalqtaLiminfo.uz/ru/post/1017> (дата обращения 12.10.2024).
- Мирзаева, Д. (2022) Развитие творчества детей в дошкольном образовании средствами артпедагогика. *Общество и инновации*, т. 3, № 1/S, с. 141–148. <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss1/S-pp141-148>
- Нигматова, М. М., Мирзаева, Д. Ш. (2021) Развитие творчества детей дошкольного возраста с помощью арт педагогика. *Вестник науки и образования*, № 14-3 (117), с. 31–34. EDN: [JOZWZN](https://doi.org/10.33910/1992-6464-2023-210-124-137)
- Нигматова, М. М., Мирзаева, Д. Ш. (2022) Арт-терапия как средство адаптации детей раннего возраста к ДОО. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*, т. 2, № 1, с. 1209–1215. *Постановление Президента Республики Узбекистан от 08 мая.2019 г. № ПП-4312 «Об утверждении Концепции развития системы дошкольного образования Республики Узбекистан до 2030 года»*. (2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/pdfs/4327240> (дата обращения 12.10.2024).
- Тарасов, С. В., Гогоберидзе, А. Г., Новицкая, В. А. (2023) Опыт распространения лучших практик российского дошкольного образования в рамках международного сотрудничества (результаты международного Российско-узбекского проекта «МАЛЫШ (МИТТЕВОЙ)»). *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*, № 209, с. 9–21. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2023-209-9-21>
- Турсунова, М. У. (2018) Вопросы совершенствования системы дошкольного образования в республике Узбекистан на основе международных стандартов. *Человек и общество в системе современных научных парадигм*, № 1 (4), с. 35–40. EDN: [VBLDCO](https://doi.org/10.33910/1992-6464-2023-210-124-137)
- Чаброва, Т. А. (2022) Педагогические условия формирования духовно-эстетических качеств у детей старшего дошкольного возраста в семье. *Воспитание и обучение детей младшего возраста*, № 10, с. 84–90. EDN: [BIOFOU](https://doi.org/10.33910/1992-6464-2023-210-124-137)
- Чаброва, Т. А., Ядгарова, А. Б. (2020) Роль воспитателя в художественно-эстетическом развитии детей старшего дошкольного возраста по программе «Мир волшебников». В кн.: *Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста»*. Вып. 10. М.: Мозаика-Синтез, с. 540–541.
- Шин, А. В. (2020) Развитие альтернативных моделей дошкольного образования Республики Узбекистан как важнейшее условие в обеспечение равных возможностей детей по подготовке к школе. В кн.: *Сборник материалов Ежегодной международной научно-практической конференции «Воспитание и обучение детей младшего возраста»*. Вып. 10. М.: Мозаика-Синтез, с. 572–573.
- Шин, А. В., Грошева, И. В. (2020) Моделирование предметно-пространственной развивающей среды в дошкольной образовательной организации в контексте Государственной учебной программы Республики Узбекистан. *Современное дошкольное образование*, № 2 (98), с. 60–69. EDN: [IVYKXK](https://doi.org/10.33910/1992-6464-2023-210-124-137)
- Ядгарова, А. Б. (2024) Использование методов изотерапии в работе с детьми старшего дошкольного возраста с ОВЗ. *Vola va Zamon. Научно-популярный журнал детской и возрастной консультации*, № 4, с. 33–35.

References

- Chabrova, T. L. (2022) *Pedagogicheskie usloviya formirovaniya dukhovno-esteticheskikh kachestv u detei starshego doshkol'nogo vozrasta v sem'e* [Pedagogical conditions for the formation of spiritual and aesthetic qualities in senior preschool children in the family]. *Vospitanie i obuchenie detej mladshego vozrasta*, no. 10, pp. 84–90. (In Russian)

- Chabrova, T. L., Yadgarova, A. B. (2020) Rol' vospitatel'ya v khudozhestvenno-esteticheskom razvitii detej starshogo doshkol'nogo vozrasta po programme "Mir volshebnikov" [The role of the educator in the artistic and aesthetic development of senior preschool children according to the program "World of Wizards"]. In: *Sbornik materialov Ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii "Vospitanie i obuchenie detej mladshogo vozrasta"*. Vyp. 10 [Collection of materials of the Annual International scientific and practical conference "Upbringing and education of young children". Iss. 10]. Moscow: Mozaika-Sintez Publ., pp. 540–541. (In Russian)
- Gogoberidze, A. G., Ezopova, S. A., Verbovskaya, V. S. (2023) Spetsifika professional'nykh kompetentsij metodistov-vospitatelej detskikh sadov Respubliki Uzbekistan (po rezul'tatam mezhdunarodnogo Rossijsko-Uzbekskogo proekta "MALYSH (MITTEVOI)") [Professional competencies of preschool teachers and metodologists of the Republic of Uzbekistan: Evidence from the international Russian-Uzbek project "The Kid (MITTEVOY)"]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 210, pp. 124–137. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2023-210-124-137> (In Russian)
- Grosheva, I. V., Evstafeva, L. G., Makhmudova, D. T. et al. (2018) *Gosudarstvennaya uchebnaya programma "Ilk kadam" dlya doshkol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdenij Respubliki Uzbekistan* [State educational program "Ilk Kadam" for preschool educational institutions of the Republic of Uzbekistan]. Tashkent: Ministry of preschool and school education of the Republic of Uzbekistan Publ; UNICEF Uzbekistan Publ., 72 p. (In Russian)
- Gulboev, A. T. (2023) Razvitie teorii i praktiki primeneniya artpedagogiki i artterapii v Uzbekistane [Development of the theory and practice of art pedagogy and art therapy in Uzbekistan]. *Ekonomika i sotsium — Economy and Society*, no. 4 (107)-1, pp. 523–526 (In Russian)
- Kakabaeva, D. S., Kussieva, E. O. (2022) Art-tehnologiya ili art-terapiya, chto sposobstvuet formirovaniyu professional'noj pozitsii pedagoga-psikhologa [Art technology or art therapy, which contributes to the formation of the professional positions of a teacher-psychologist]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie v XXI veke: priority i poiski. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoj pamyati professora A. A. Moldazhanovoj* [Teacher education in the 21st century: Priorities and searches. Collection of materials of the International scientific and Practical Conference dedicated to the memory of Professor A. A. Moldazhanova]. Astana: L. N. Gumilyov Eurasian National University Publ., pp. 377–384. (In Russian)
- Markman, E. V. (2020) Ispol'zovanie metoda art-terapii v korrektsii emotsional'nykh narushenij doshkol'nikov [Art therapy in the correction of emotional disturbances in preschool children]. *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii — Psychology in Education*, vol. 2, no. 3, pp. 277–287. <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2020-2-3-277-287> (In Russian)
- Ministr Khilola Umarova predstavila Prezidentu plan na 2025 god [Minister Hilola Umarova presented the plan for 2025 to the President]. (2024) *Xalqataliminfo*. [Online]. Available at: <https://xalqataliminfo.uz/ru/post/1017> (accessed 12.10.2024). (In Russian)
- Mirzaeva, D. (2022) Razvitie tvorchestva detei v doshkol'nom obrazovanii sredstvami artpedagogiki [Development of children's creativity in preschool education by means of art pedagogy]. *Obshchestvo i innovatsii — Society and Innovations*, vol. 3, no. 1/S, pp. 141–148. <https://doi.org/10.47689/2181-1415-vol3-iss1/S-pp141-148> (In Russian)
- Nigmatova, M. M., Mirzaeva, D. Sh. (2021) Razvitie tvorchestva detej doshkol'nogo vozrasta s pomoshch'yu art pedagogiki [Development of creativity in preschool children with the help of art pedagogy]. *Vestnik nauki i obrazovaniya — Bulletin of Science and Education*, no. 14-3 (117), pp. 31–34. EDN: JOZWZN (In Russian)
- Nigmatova, M. M., Mirzaeva, D. Sh. (2022) Art-terapiya kak sredstvo adaptatsii detej rannego vozrasta k DOO [Art therapy as a means of adaptation of young children to preschool educational institutions]. *Oriental Renaissance: Innovative, Educational, Natural and Social Sciences*, vol. 2, no. 1, pp. 1209–1215. (In Russian)
- Postanovlenie Prezidenta Respubliki Uzbekistan ot 08 maya 2019 g. № PP-4312 "Ob utverzhdenii Konceptcii razvitiya sistemy doshkol'nogo obrazovaniya Respubliki Uzbekistan do 2030 goda" [Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan dated May 8, 2019 No. PP-4312 "On approval of the Concept for the development of the preschool education system of the Republic of Uzbekistan until 2030"]. (2019) [Online]. Available at: <https://lex.uz/pdfs/4327240> (accessed 12.10.2024). (In Russian)
- Shin, A. V. (2020) Razvitie al'ternativnykh modelej doshkol'nogo obrazovaniya Respubliki Uzbekistan kak vazhneyshee uslovie v obespechenie ravnnykh vozmozhnostej detej po podgotovke k shkole [Development of alternative models of preschool education in the Republic of Uzbekistan as an important tool in ensuring equal opportunities for children in preparation for school]. In: *Sbornik materialov Ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii "Vospitanie i obuchenie detej mladshogo vozrasta"*. Vyp. 10 [Collection of materials of the Annual International scientific and practical conference "Upbringing and education of young children". Iss. 10]. Moscow: Mozaika-Sintez Publ., pp. 572–573. (In Russian)
- Shin, A. V., Grosheva, I. V. (2020) Modelirovanie predmetno-prostranstvennoi razvivayushchei sredy v doshkol'noi obrazovatel'noi organizatsii v kontekste Gosudarstvennoi uchebnoi programmy Respubliki Uzbekistan [Modeling development of the environment in early childhood educational organization in the context of the public curriculum of the Republic of Uzbekistan]. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie — Preschool Education Today*, no. 2 (98), pp. 60–69. (In Russian)

- Tarasov, S. V., Gogoberidze, A. G., Novitskaya, V. A. (2023) Opyt rasprostraneniya luchshikh praktik rossijskogo doshkol'nogo obrazovaniya v ramkakh mezhdunarodnogo sotrudnichestva (rezul'taty mezhdunarodnogo Rossijsko-uzbekskego proekta "MALYSh (MITTEVOI)") [Spread of the best practices of Russian preschool education in the framework of international cooperation: Results of the international Russian-Uzbek project "The Kid (MITTEVOY)"]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena — Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 209, pp. 9–21. <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2023-209-9-21> (In Russian)
- Tursunova, M. U. (2018) Voprosy sovershenstvovaniya sistemy doshkol'nogo obrazovaniya v respublike Uzbekistan na osnove mezhdunarodnykh standartov [Issues of improving the preschool education system in the Republic of Uzbekistan based on international standards]. *Chelovek i obshchestvo v sisteme sovremennykh nauchnykh paradigm*, no. 1 (4), pp. 35–40. (In Russian)
- Yadgarova, A. B. (2024) Ispol'zovanie metodov izoterapii v rabote s det'mi starshego doshkol'nogo vozrasta s OVZ [Using art therapy methods in working with preschool children with disabilities]. *Bola va Zamon. Nauchno-populyarnyj zhurnal detskoj i vozrastnoj konsul'tatsii*, no. 4, pp. 33–35. (In Russian)
- Zakon Respubliki Uzbekistan ot 16 dekabrya 2019 g. № ZRU-595 "O doshkol'nom obrazovanii i vospitanii"* [The Law of the Republic of Uzbekistan dated December 16, 2019 No. ZRU-595 "On preschool education and upbringing"]. (2019) [Online]. Available at: <https://lex.uz/ru/docs/4646931?ONDATE2=12.10.2021&action=compare> (accessed 12.10.2024). (In Russian)

Сведения об авторах

Татьяна Левановна Чаброва, кандидат педагогических наук, координатор от Узбекистана ОО «Международного Альянса по развитию инклюзивного образования в Центральной Азии», преподаватель кафедры дошкольной педагогики Чирчикского государственного педагогического университета, Филиала РГПУ им. А. И. Герцена в г. Ташкенте

E-mail: 1955tatyana@rambler.ru

Александра Борисовна Ядгарова, магистр педагогических наук, преподаватель кафедры дошкольной педагогики Чирчикского государственного педагогического университета

E-mail: alexandrayadgarova@mail.ru

Authors

Tatiana L. Chabrova, Candidate of Sciences (Pedagogy), Coordinator from Uzbekistan in the International Alliance for the Development of Inclusive Education in Central Asia (NGO); Lecturer at the Department of Preschool Pedagogy, Chirchik State Pedagogical University; Lecturer at the Department of Preschool Pedagogy, Herzen State Pedagogical University of Russia (Tashkent Overseas Campus)

E-mail: 1955tatyana@rambler.ru

Alexandra B. Yadgarova, Master's Degree (Pedagogy), Lecturer at the Department of Preschool Pedagogy, Chirchik State Pedagogical University

E-mail: alexandrayadgarova@mail.ru